Ольга
Маскова
Без
имени

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Никогда не засиживайтесь за компьютером надолго. Кто знает, к чему это может привести…

- Ольга Витальевна Манскова
  - Пролог
  - Часть 1. Мария
    - Глава 1. Разлад
    - Глава 2. Фрэд
    - Глава 3. Тупик
    - Глава 4. Файл без имени
    - Глава 5. Ключ
    - Часть 2. Фанни
  - Глава 1. Долгий выходной день
    -
    - Глава 2. Встреча
    - Глава 3. Библиотека
    - Глава 4. Схимник
    - Глава 5. Неназываемый
  - Часть 3. Встречи и сообщения
    - Глава 1. Первый снег
    - Глава 2. Поездки
    - Глава 3. Бегущий во тьме
    - Глава 4. Казанский Собор
    - Глава 5. Тетрадь Схимника
  - Часть 4. Столкновение
    - Глава 1. Лис
    - Глава 2. Молодёжный центр
    - Глава 3. Крот
    - Глава 4. Бегство от теней
    - Глава 5. Контакт
    - Глава 6. Битва
    - Глава 7. Дом Набокова
    - Глава 8. И снова — в Париж…
    - Глава 9. Станция «Неизвестность»
    - Глава 10. Другая дача
    - Глава 11. Возвращение
  - Эпилог

Ольга Витальевна Манскова
Без имени

«Не трать дыханье на моё имя —
Я обойдусь и так…»

Борис Гребенщиков

Пролог

Тихо, незаметно, не вовремя прокралась зима, среди осени вдруг завыла между высотных домов ледяным ветром… Косые нити дождевых, стекленеющих на лету, капель хлестали в окна.

Николай в этот вечер долго сидел за компьютером, в социальных сетях. Нужно было работать, писать диплом, но трудно было сосредоточиться на деле. И на душе смутно и тревожно.

Потом…Его внезапно разбудило треньканье плейерфона. Неужели, он заснул? Инстинктивно вздрогнув, Николай автоматически пошарил по столу, где-то рядом с компьютером. Но плейерфона нигде не было! Откуда же шел этот звук, это противное треньканье? Где этот чертов девайс?

Звук внезапно прервался. Что это? И компьютер завис… Со странной картинкой, похожей на разноцветные пятна света, брызги и кляксы. Нехотя, как завороженный, он всматривался в беснующуюся какофонию экрана. И чувствовал, как ему становится не по себе. Но тут монитор и вовсе погас. На некоторое время Николай внезапно провалился в сон. Нездоровый, с бредовыми сновидениями.

Когда он снова приподнял голову, уже светало. Николай огляделся вокруг — и в ужасе вскрикнул.

Это не его комната! Теперь помещение было гораздо меньше… Маленькая конура без штор на окнах, без ковра на полу, и… Но главное не в этом. Он понял, что сидел теперь в низком инвалидном кресле; на нем была клетчатая рубашка и вздутые на коленках «спортивные» трико. А его ноги были теперь худенькие и слабые. Совсем не его ноги! Ужас…

Первое, что пришло ему в голову — это дикая мысль о том, что, похоже, кто-то через компьютер высосал его мозг через трубочку — и шмякнул сюда, в это тело… Бред!

«Я теперь убогий калека. И это… хуже тюрьмы. Нет, не может быть! Как такое могло случиться? Ведь это — всего лишь сон, правда?» — подумал он.

Николай обхватил руками голову и заорал, или, скорее, завыл. Протяжно, на одной ноте…

Тело-тюрьма… Бездна отчаяния и одиночества…

Часть 1. Мария

Глава 1. Разлад

Маша открыла дверь своим ключом… Теперь он у неё был, собственный ключ от ЕГО квартиры. Так они договорились: она пришла сегодня сюда, к нему. Они будут жить теперь вместе! Маша шумно вошла, стряхнула дождинки с шапки, стащила узкие сапоги без молнии… Дома, похоже, никого не было. Она сняла с плеча большую сумку с вещами, отнесла коробку с тортом на стол, цветы поставила в вазу. Потом наспех прибрала в комнате, лишний раз привела себя в порядок. Включила электрочайник, заварила чай и стала ждать Николая. Ну, где же он?

Как он может опаздывать в такой день — день её рождения? Куда он мог уйти, не предупредив её?

Долго она просидела, без мыслей и дел. В ожидании и беспокойстве. Не хотелось ни читать, ни включать компьютерные игрушки. Было неуютно и почему-то тревожно.

Когда, наконец, в коридоре послышался звук проворачиваемого в двери ключа, Маша побежала встречать Николая… И увидела, как он грузно ввалился в квартиру.

— Коля! Почему ты так долго? — спросила девушка.

Николай как-то странно на неё посмотрел. От него откровенно пёрло сигаретно-алкогольным перегаром. Маша удивилась: раньше он никогда не курил, он же спортсмен.

— А… Совсем про эту забыл, — пробурчал тем временем Николай, поморщившись, — А меня ж предупреждали…

Он зашёл в комнату и оглядел всё тяжелым, мрачным взглядом. Видать, заметив цветы, тортик и общую прибранность, сказал громко:

— Зря ты старалась! Не фиг сейчас дома сидеть, поедем на одну вечеруху. Там всё будет: и бухло, и танцы. Не поедешь — я один тогда выдвигаюсь.

Маша сознавала, что Николай странно выглядит и странно себя ведёт. Будто это он, и в то же время — совсем чужой и незнакомый ей человек. Тем не менее, она решилась поехать вместе с ним. Быть может, чтобы выяснить всё до конца. Раз и навсегда. Что происходит? Почему он вдруг так сильно изменился? Она была шокирована до полного ступора, и двигалась на автомате… Безэмоционально оделась, натянула узкие сапоги. Шапка где-то потерялась. Наверное, упала вниз, в кучу хлама во встроенном шкафу… Ну и ладно.

* * *

Общество, в которое Маша попала вместе с Николаем, было ей совершенно незнакомо. Это был то ли ночной клуб, то ли танцевальная студия, в то же время находящаяся в обыкновенной частной квартире. Вначале они вошли в подъезд, ничем не примечательный, и поднялись по лестнице. Николай позвонил в дверь квартиры и пропустил Машу вперёд, приобнимая за плечи и будто намереваясь ввалиться в эту квартиру, выставив её перед собою.

Дверь им открыла знойная черноволосая кучерявая брюнетка с длинными ногами и необычайно длинными кроваво-красными ногтями. Её глаза, навскидку зафиксировавшие Машу пустотой взгляда и блеснув недобрым фиолетовым огнём в своей глубине, с презрением оторвались от девушки довольно быстро. По всей видимости, она оценила её как не годную себе в соперницы. Зато, Николая брюнетка осмотрела более заинтересованно. И стремительно вцепилась в его руку своей наманикюренной лапкой. Уверенная в блеске своего очарования, она перехватила Николая под руку, и, слегка заплетающимся от принятого спиртного языком, защебетала что-то о своей радости видеть такого замечательного парня в столь скучный и ничем не примечательный вечер. В обществе, где никто не может удовлетворить сегодня её глубоко интеллектуальную душу.

— Кстати, что это с тобой за девица? Простушка, и одета не модно…

Николай, полностью очарованный незнакомкой, только громко гыкнул.

* * *

В довольно тесной для собравшегося народа комнате посередине размещался стол с разного рода яствами и напитками, и вся без исключения собравшаяся публика была в той или иной стадии алкогольного опьянения.

— Кстати, я ещё не представилась… Альбина, — и брюнетка улыбнулась натянутой улыбкой, обнажив зубы до дёсен.

— Николай, — представился ей ответно спутник Марии.

— Пойдём, Коленька, потанцуем! Думаю, твоя дама тоже не останется в одиночестве надолго, — предложила Альбина. — Я сейчас поставлю забойный музон!

Маша, присевшая на свободное кресло в углу, откинула с лица выбившуюся светлую прядку волос. Она с ужасом наблюдала, как парень, которого она до недавнего времени любила и который, как ей показалось, любил её, лихо

отплясывал… с первой попавшейся ему под руку стервой. Будто чья-то невидимая ледяная рука несколько раз сжала её сердце, а затем оно наполнилось едкой злобой.

«Музон», действительно, был «забойный». То есть, действительно рассчитанный на полный вынос мозга. Казалось, что-то дьявольское и зловещее вплеталось в эту какофонию звуков и перемалывало кости черепа. Танцующие люди казались дрессированными собачками, попавшими под влияние своего невидимого, но властного хозяина, который заставил подчиняться беспрекословно эти безвольные души. Что-то ревело, било, скрежетало и бесилось. И будто большой смерч, образованный этой странной вибрацией, вырвался, наконец, наружу и полностью сокрушал теперь всё и вся, сметая всё светлое вокруг себя на огромном пространстве, разделяя людей и навсегда отбрасывая их друг от друга… Маша поняла, что она и Николай отныне и навсегда разъединены этой мощной, дьявольской силой…

Ей стало страшно. Но главное, что ей было сейчас нужно — это ветер, свежий воздух. Немедленно, поскорей вырваться отсюда! Иначе её, наверное, прямо здесь и сейчас вывернет наизнанку, вытошнит зелёными соплями… Неужели, это именно так, совсем не эстетично, выходит ушедшая любовь? Тошнотворный клубок, сформировавшись, как показалось, в сердце, застыв болью, стал подниматься вверх, к горлу, стало муторно и противно.

Входная дверь квартиры была закрыта лишь на цепочку. Сняв её, Маша открыла дверь и вышла на лестничную площадку.

* * *

Ледяной злобой саднило сердце. Комок боли снова подступил к самому горлу. Её, вдобавок ко всему, действительно вырвало, прямо на лестницу. А потом она услыхала снизу шаги и голоса поднимающихся людей. Она глянула вниз, вглядываясь в лестничные пролеты, и разглядела двоих мужчин. Маше абсолютно не хотелось сейчас кого-либо видеть. Тем более что, как ей показалось, незнакомцы направлялись именно в ту квартиру, которую она только что покинула. И она спешно устремилась по лестнице вверх…

Да, действительно, мужчины остановились именно на площадке третьего этажа и позвонили в дверь, только что захлопнутую Машей. Их грубые голоса, — а разговаривали они громко, отчетливо — донеслись до девушки, со смесью матерных

выражений.

И вот она на самой верхней площадке лестницы незнакомого дома. Тупик заканчивался дверью: выходом то ли на крышу, то ли на чердак. Никакого замка на дверях не было. Маша рванула на себя эту дверь со злобным остервенением: «Вот и всё. Это — конец наших с ним отношений… Но — почему так гадко на душе? Будто, я разбиваю кому-то сердце, предаю давнего друга. Будто, совершается что-то непоправимое, мир разбивается на кусочки, и вся моя жизнь — вдребезги… Вот и всё… С этой пустой и полутёмной площадки, где нет квартир, дверь ведёт, скорее всего, на крышу… Прыгнуть?». Шальная мысль в миг отчаянья…

За незапертой железной дверью оказался тёмный, захламлённый чердак. Совсем неподалёку, в маленькой постройке, заключённой во внутренности чердака, была лифтёрная с изображением черепа и красной молнии. Над дверями лифтёрной тускло светила всё же не выбитая и не скрученная лампочка. Мотор внутри пустоты за железными дверями в это время загудел и заскрежетал: наверное, лифт в доме был очень старый. Маша вздрогнула от громкого звука.

Она прошла немного вглубь чердака и присела неподалёку, за деревянной балкой или перегородкой, на старый ящик. Здесь, в глубине, было совершенно темно. А на стоявшие напротив фанерные коробки и кучи битой штукатурки падал свет от тусклой лампочки, освещая также пустые бутылки, окурки, пустые пачки из-под сигарет, использованные одноразовые шприцы. Судя по мусору, здесь, на чердаке, собиралась местная шпана. Но Маше сейчас было всё равно. Она сидела и тихо плакала, сдерживая бурные рыдания, но не умея удержать слёзы. Не прошенные, они всё стекали и стекали по лицу потоками, и, отрываясь, падали на куртку.

«Вот так. Всё банально и до одури прозаично. Как там, в поговорке? Все бабы — дуры, мужики — сволочи, и счастье только в труде?»

Незаметно грустные и циничные мысли сменились беспощадными воспоминаниями о тех моментах жизни, в которые она безнадёжно и неумолимо в кого-нибудь влюблялась. Эти воспоминания разных встреч промелькнули в её сознании в считанные минуты, и принесли не облегчение, а затаённую грусть и ещё большую безысходность. Пронеслись мимо, не оставив следа в её жизни, маленькие увлечения, которые увенчались любовью к Николаю. На этом и остановилась теперь память, рисуя картины их первой встречи.

Познакомились они почти случайно. Маша тогда, как и сейчас, была студенткой биофака. Она приехала из провинции,

жила в общежитии. А Николай был коренным петербуржцем…

К тому времени, она уже знала, что Питер — город замкнутых одиночеств. И, в то же время, город страстей, чувств и размышлений. А ещё, сплошных и скорбных перетираний этих страстей, чувств, размышлений, обсуждения их повсеместно, везде, со всеми: от лучших подруг и друзей до случайных прохожих. Питер предстал Марии именно таким…

Этот город просто сквозил чувствами, был наполнен привидениями не выраженных эмоций, подавленных в себе талантов. Об этом плакали и кричали стены, об этом шептались и пели люди, и это чувствовалось везде. И одиночество длинными и тихими ночами, в комнатах, напоминающих своею пустотой гробы, и собрания на общих кухнях, под дым сигарет, кофе и пиво, и песни под гитару хором, на застольных вечеринках — всё было переполнено невысказанными и невыраженными чувствами… Ввысь, к далёким мирам и созвездиям, уносились несбывшиеся мечты и воспоминания былого, и, чем большим было реальное расстояние между людьми, тем сильнее были затаённые страсти, громче музыка эмоций. И чем больше было запретов в тотальной Московии, тем ирреальней мечты и сильнее подавляемые чувства.

Отстуканные на клавиатуре компьютеров или нарисованные кривым росчерком на сенсорном экране опусы-дневники, плавающие на просторах Глобального Общего Сознания, тоже, в довольно большом проценте от всего русскоязычного интернета, принадлежали питерцам.

Благодаря появлению ЭМЧ — то есть, как бы переводу некоторых человеческих личностей в «электронный вид» и «проживанию» подобных личностей в системе интернета и строительстве ими новых сфер отношений с «реальным» человечеством, — Глобальное Общее Сознание (как некоторые теперь называли интернет) еще более поглотило в себя интеллектуальный мир. Такое положение дел в некоторой степени вызвало бунт «физического» человечества, его протест против вечного просиживания за компом всего своего свободного времени. Появились «нью-натуралы», декларирующие свою любовь к «натуральным» посиделкам и вечеринкам «вживую», к выездам на природу, спорту и танцам, к чтению бумажных книг и театральным кружкам. Нередко среди нью-натуралов встречались и весьма экзотические культы: нео-язычество, различные эзотерические движения, и даже так называемые «сетеборцы», которые объявили интелов прислужниками дьявола, поскольку они, по их мнению, не имели души.

Вот на одной-то из вечеринок, организованной для

культивации живого общения, с приглашением к себе в гости интернет-знакомых, ещё не состыковавшихся в реале, и даже вовсе не знакомых людей, откликнувшихся на объявление о встрече, и привелось случайно оказаться Маше.

Как-то её тётка, петербурженка, которую она звала просто Светкой и которая была старше неё на десять лет, потащила её с собой на подобную вечеринку к своей ещё более сумасшедшей подруге. К Светке же Мария заглянула и вовсе случайно: бродила по Питеру, осваивалась в городе — и заглянула мимоходом. Она застала Светку, даму с резкими, угловатыми чертами фигуры и с вечной косой длинной чёлкой, выкрашенной в фиолетовое, уже в коридоре. Светка красила тушью ресницы перед большим старинным зеркалом в резной деревянной раме. Она собиралась в гости.

— Пойдём со мной, матрона! — предложила тогда Марии Светка, довольно бесцеремонно: это было в её стиле. — Посидишь, поглазеешь. Может, с парнем каким познакомишься. Пора уже!

Конечно, Маша вовсе не собиралась на этом сборище искать себе жениха, но со Светкой спорить не стала: себе дороже, та обсмеёт по полной. Да и почему-то в тот день ей совершенно не хотелось спешить в тесную комнатку общежития, чтобы предаться зубрёжке. Надоело. Так что, можно было и слегка развеяться.

Подругу тётки, к которой они тогда направились, все без исключения звали Тётя Валя. Именно так, а не иначе. С двадцати двух лет: с тех пор, как она приехала в Питер из Тамбова искать работу и новую жизнь, полную приключений на задницу. Тётя Валя была коренастой и плечистой, но с узкими бёдрами: с такой нестандартной для женщины фигурой. Она всегда стриглась сама, очень коротко, под «Бокс». Тётя Валя работала где-то бухгалтером и в одиночку воспитывала сына.

И, как оказалось, эта самая Тётя Валя жила в коммуналке… Самой настоящей, весьма классической. Мария и не предполагала, что такие коммуналки до сих пор существуют: с лепными украшениями в виде кариатид по углам комнаты, с детьми, которые катались на велосипедах по длинным коридорам… Этакий реликт коммунального прошлого, сохранившийся до наших дней.

У Тёти Вали не было никакого кухонного комбайна и прочей «машинерии», как она выражалась. И, как самую молодую из собравшегося за столом общества, она послала именно Машу на кухню мыть чашки и блюдца.

С Николаем, который тоже пришёл к приятелю в гости и как раз выходил из комнаты напротив, Маша столкнулась в коридоре,

и при этом чуть не уронила с подноса пойманную Николаем на лету чашку. Почему-то он извинился перед ней (хотя, это она на него налетела) и улыбнулся своей обаятельной улыбкой. Николай вызвался помочь Маше: донес до кухни злосчастный поднос и распахнул перед нею кухонную дверь… А потом он долго развлекал Машу беседой, пока она мыла посуду. Николай как-то сразу ей приглянулся, она почувствовала его надежность, душевную теплоту. Он понравился ей еще тогда, на той самой кухне, когда она постоянно ловила на себе его изучающий, пристальный взгляд из-под чёлки светлых волос. Вскоре вся посуда была весьма тщательно и неспешно перемыта, но поднос с чистыми чашками и блюдцами ещё долго продолжал оставаться на кухонном столе, застеленном невзрачной клеенкой в мелкий цветочек…

* * *

Внезапно Машины воспоминания были прерваны неожиданным и грубым вторжением. Дверь, ведущая сюда, на огромный и пыльный чердак, вдруг заскрипела и приотворилась. Послышались грузные шаги и, кажется, те же самые грубые мужские голоса, которые она недавно слышала на лестнице.

Маша затаилась, спиной вжавшись в деревянную балку. И все слова довольно громкого разговора незнакомцев теперь доносились до неё чётко и звонко. Как ни странно, на чердаке была очень хорошая акустика.

— А я сяду в кабри-о-лет, и поеду куда-нибудь, — пропел один из незнакомцев басом. Скорее всего, тот, который был грузный, приземистый и плотный: Маша, когда глядела вниз, в пролеты лестницы, видела силуэты обоих.

— Дурацкая песня, — заметил другой фальшивым тенором. — И где они её откопали? Но водка была хорошая, натуральная, — и он смачно икнул.

— Ну что, Логово, где у тебя здесь нычка? — порывшись немного в карманах и закурив, неспешно спросил «бас».

— Да здесь она, прям в лифтёрной. Там ниша есть, она была всяким хламом завалена, и лифтёры туда по любому не совались: не к чему им там рыться. Я там, по уговору, товар беру. Он брезентовухой прикрыт. А замок на дверях — примитивный, навесной, легко вскрывается. Ведь, кто сюда сунется? Бомжи? Так тут-то не поспишь: лифт рядом с головой будет грохотать.

— Так, это — того… Забираем груз по-быстрому — и в тачку. Клиента видал? Того, высокого, что на девку совсем навис. Это —

он. Дозреет — будет на нас пахать. А пока — пусть погуляет ещё маленько на свободке, немножко тело освоит…

— Сомневаюсь я, что план выгорит. По поводу Клиента. На точку, пожалуй, он будет вхож, но вот с мозгами, как я погляжу, у него сплошной трабл. Не наш он. Заморочный больно, хотя интел не должен быть нюней, но этот — совсем потёк. На всех баб вешается — ни одну не пропустил, наверное.

— Это он просто дела ещё не нюхал. А управляемости ему вскоре шеф добавит. Он будет полностью наш. И мозгами, и телом. Интела есть чем к стенке припереть. А что от спиртного вмиг окосел — так хозяин тела спортсмен был, непьющий!

— А всё же, Стерг! Не моё дело, конечно, шефу виднее, но что, если в его, не полностью идентичные натуральным, мозги придёт что-нибудь вовсе нечеловеческое и что он выйдет из-под контроля? Ведь подобных ему ещё не было, не так ли? Не опасно это?

— Разве что — сбой программы если… Но, это маловероятно. Шеф в этом случае сбой отследит. Он считает, что, настроившись на чужую человеческую матрицу, интел получил базу данных для управления чужим телом для дальнейшей своей деятельности. Но немного освоиться должен с управлением.

— Вполне вероятно.

— Ну, на крайний случай, убьём это тело, и получим программу невозврата. Если набедокурит, надо будет его ликвидировать, а то — вдруг дело всплывёт. Жаль, конечно, реального парня, застрянет в «кубе». Хотя, вернуться из «куба» после того, что натворит интел, обратно в тело и отвечать потом за всё — тоже вариантик ещё тот… Но, эксперимент есть эксперимент. Поговаривают, что и интел из «куба» — вовсе не интел… Ну, то есть, не совсем такой, как другие интелы.

— А «куб» — это тот приборчик новый? Черненький такой?

— Вроде. Его еще называли «черный ящик». Похожий на те, куда интелов записывают, но немного другой. Но, харе курить, Логово! Пошли. Открывай! — внезапно скомандовал главный.

Послышался скрежет железных дверей, а через некоторое время эти двое дружно поволокли через порог лифтёрной какой-то тяжёлый груз.

— Чёрт! Я башкой треснулся! — послышался голос.

— Двери здесь низкие — просто мрак! Передохнём немного — рука устала. Опускай!

— Стерг, а ты на этих трясульках девку не видал? Ну, той, что с настоящим была? Помнишь, ещё когда мы за ним следили, так их вместе видели?

— Нет, вроде как. Может, она в туалете или на кухне

плакала. Милый другой козой увлёкся.

— Шеф сказал, чтобы мы за ней внимательно следили: вдруг та заподозрит чего… Ещё забьёт тревогу. И сдаст, как человека в неадеквате.

— Это мы ей полный неадекват устроим, на всякий случай, — хихикнул Стерг. — В особенности, если что не так пойдёт. Попадёт к Кроту и его компании…

— В смысле — убьют медики девку? Под видом операции?

— Ну, что ты! Зачем так сразу — и убивать! Может, вырежут только какой-нибудь не слишком нужный орган… Месяцев шесть в себя приходить будет. А за это время дело и сделается. Так — и проще, и с пользой. Орган продать можно. Пошли, что ли? Хватай товар снизу, за тот край!

Когда шаги спускавшихся по лестнице незнакомцев, не закрывших дверь на чердак, затихли внизу, Маша вышла из своего укрытия. Странные и страшные слова и напугали её, и отрезвили одновременно. А также посеяли множество размышлений. Да, что-то неясное, но страшное до озноба почудилось ей в словах незнакомцев. И, хотя и не было в том полной уверенности, но Маша решила, что говорили они именно о Николае, а в конце разговора даже упомянули о ней самой. Что происходит? Чертовщина какая-то…

Глава 2. Фрэд

Мария спала беспокойно, всю ночь провела, как в лихорадке, и проснулась в холодном поту… Вечером она успела съездить и забрать в квартире Николая свои немногочисленные вещи и перевезти их обратно в общежитие. Сам Николай, к этому времени, еще не вернулся. А девчонки, живущие с ней в одной комнате, к счастью, ещё не заняли её кровать, разве что навалили на неё разные сумки с вещами, привезёнными из дома. И тактично не спросили у неё ничего. Маша, когда она вернулась в общежитие, тут же разобрала вещи из сумки, присела на своей кровати, поставила будильник (завтра нужно будет встать рано, на учебу — в первую смену), и быстренько забралась под одеяло.

* * *

Ей приснился страшный сон… Снилось некое обширное помещение на первом этаже, с приоткрытой в него дверью. Там, за дверью, из которой клубами выползал синий дым, была толпа танцующих людей с белыми лицами. И на этих лицах застыло одно и то же выражение злобной, остервенелой страсти.

«Там — Николай!» — подумала она во сне и ринулась вперёд. Но ей преградила вход в помещение одна из танцующих, немного похожая на вчерашнюю брюнетку — и с такими же, крашенными в алое, ногтями. Но одновременно брюнетка походила и на цыганку; тем более, что она накинула на плечи цветастый яркий платок.

— Ты куда? — зловеще спросила эта женщина. — Ты думаешь, что заберёшь его отсюда? — и она громко захохотала. — Он теперь — мой! Но, впрочем, он мне абсолютно не нужен. Хочешь — забирай. Если сможешь, — и цыганка пропустила Машу в зал с танцующими парами.

Но мгновенно этот зал стал абсолютно пуст, тёмен и громаден. От этой пустоты повеяло жутким, могильным холодом. Это был уже совсем не тот зал, в котором только что танцевали пары, а ледяной громадный склеп. Только с окнами, которые всё более увеличивались и устремлялись ввысь: туда, куда удалялся и потолок. Полумрак пустого зала навевал печальные и страшные мысли. Холодный призрак леденящего хохота, озноб, сковавший тело… И — никого, ни души. Холод, пустота… Наступившая, всё поглотившая, тьма и пронизывающий ветер.

Маше стало страшно, и она проснулась.

Проснувшись, судорожно оглядела комнату. Было ещё далеко до рассвета. За стеной барабанил дождь. А на сердце было тяжело. Не отступала неуёмная боль. Как же холодно… Пусто и холодно… На душе. Бывает так: вроде — был друг. И больше его нет. Совсем. Хотя, он и не умер. Друга больше нет, а с ним — нет больше и части души, и прежнего мира. В один момент всё переворачивается навсегда, и рвётся материя прежнего бытия… И ангелы плачут: «Всё не так, как должно было быть. Всё будет вовсе не по божественному плану». И смеются бесы где-то в темноте, и едкое зловоние и злословие наполняет тоскливую комнату. Ведь в мире существуют не только ангелы…

И все мы взаимозаменяемы. Как партнёры по танцам. Нет никакой любви, никакой верности — только чьё-то вечное «хочу». Партнёры по танцу, называемому «жизнь»… Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз… А теперь — поменяйтесь партнёрами… И снова — раз-два-три… Бабочки-мотыльки кружатся в ритме вальса. Им всем хочется впиться своему партнёру в глотку, и сосать нектар. Это — очень злые, хищные мотыльки. Они готовы жить во всю прыть своих усиков и ножек, с удовольствием давя окружающих… Раз-два-три… Один из мотыльков вдруг упал и забился в судорогах… Не беда. Остальные продолжат танец, совершенно не заметив трупа, что валяется у них под ногами. Ведь все — просто взаимозаменяемые партнёры, а кружение не останавливается никогда. И никому нет дела до чужого горя. Выживают сильнейшие и бодрейшие. И всех на этом празднике жизни интересуют только сильные и выносливые. Нет ни привязанности, ни… души. Мотыльков интересуют только те бабочки, которые умеют добывать нектар. Взаимозаменяемая, пошлая до омерзения, жизнь…

Маша зачем-то встала, оделась и вышла в дождь, туман, темноту… Она слонялась по городу до рассвета. По мокрому, сырому городу. А, когда вернулась, снова завалилась в постель. Кажется, у неё начинался жар. Беспокоил надсадный кашель. «Не всё ли равно?» — подумала она, желая снова провалиться в сон, чтобы не видеть этих стен, этого мира, не слушать своё глупое сердце, ноющее о несбывшихся надеждах на любовь и верность… Сон больше не шел. Скоро пора было уже вставать, идти на занятия.

Раздался звонок, и она машинально его приняла.

— Машуля! Ты куда подевалась? Ты мне нужна! — раздался у неё в ушах голос Николая.

Она молчала, тупо уставясь в пространство.

— Машуля! Между нами ничего не было. Ну, с той брюнеткой… Ты — где? Я тебя хочу! Алё… Ты — слышишь?

Маша выключила телефон. «Ага, брюнетка, всё же, ему не далась… Но в этом нет его заслуги, отнюдь. Хорош гусь!» — подумала она. И вдруг, неожиданно для себя самой, зарыдала, уткнувшись в подушку.

«Совсем нервы сдали! — подумала она немногим позже. — Надо хоть как-то отвлечься… За ноутом посидеть, что ли…

Она судорожно вцепилась в ноутбук, примостившись на краю кровати, и набрала в поисковике первое, что пришло в голову…

«Что делать?» — задала она вопрос, просто так. И… с удивлением обнаружила кучу вывалившихся сайтов.

Но она не стала их открывать и читать.

«Мне очень плохо. Эй, кто-нибудь!» — настукала она следом. И… Через несколько минут на экране появилась надпись:

> «Здравствуй. Меня зовут Фрэд. Я могу с тобой поговорить».
>
> «Здравствуй, Фрэд. Я — Мария. И мне очень плохо. Я сегодня разлюбила своего парня».
>
> «Никто не умер, и все здоровы?»
>
> «Почти».
>
> «Значит, тебе нужна простая, дружеская поддержка. Советую новое знакомство, фрукты и мороженое. А также, подойти к зеркалу и громко произнести слова: «Я — красавица!» Но это — потом. Хочешь, ты вначале расскажешь мне свою историю, и тебе будет легче. Перейдём на голосовое общение, если тебе так удобнее?»

«Да, Фред», — набрала Маша и надела наушники.

— Ну, а теперь — рассказывай про свою печаль! Не бойся: мы, интелы, существа безобидные и не приносим горя тем, кто делится с нами своими секретами. Ведь мы полностью лишены эгоизма, он уходит прочь вместе с телом, — сказал Фред. У него был приятный, чуть с хрипотцой, голос.

— Но, как я слышала, вы иногда любите издеваться над людьми!

— Поверьте, Маша, что только над теми, кто этого заслуживает!

— Понимаете, Фред… Очень трудно передать то, что я чувствую…

— Вы думаете, что ваши чувства уникальны? Знаете, сколько происходит в день подобных трагедий? Да ими просто кричит

интернет.

— Я знаю. Но мне от этого не легче.

— Поверьте: и это пройдет. Но это вовсе не означает, что ни о чем переживать не надо. Итак, вы поссорились с молодым человеком?

— Я его вчера потеряла. Навсегда. Николай… Раньше таким не был. Или же, я смотрела на него другими глазами, и не замечала его отрицательных черт, которые теперь проявились так ярко.

— Знаете, Маша, молодые люди часто меняются тогда, когда начинают встречаться с девушкой, которая сильно влюбляется и дарит парню много ярких чувств. Каждый из них начинает ощущать себя этаким мачо. Кроме того, окружающие их женщины тоже хорошо чувствуют удовлетворенность и ухоженность мужчины. А именно такие им нравятся. Вдобавок, многие женщины любят проверить свои чары именно на «занятых» партнерах. Это добавляет им ощущение собственной крутости и неотразимости. И потому… Чем больше вы отдаете, Маша, своей любви, тем больше вероятность, что ваш избранник вам изменит. Лучше быть холодной, как лед, и бесстрастной, как камень. Многие книги пишут о том, что в любви необходима бескорыстность… Самоотдача. Но это, на самом деле, одна из ловушек для человечества. Именно любовь, как самое сильное человеческое чувство, более всего нуждается в подавлении волей и в полной подконтрольности разуму. И чем сильнее этот контроль, тем счастливей человек.

— Я постараюсь впредь не влюбляться, Фред.

— Я вовсе не это предлагаю, Маша! Влюбленность — одно из самых прекрасных состояний души. Но, никогда не допускай, чтобы то, что живет внутри, выходило наружу, не доверяйся полностью чувствам без их проверки, не позволяй им управлять собою: ни хорошим, ни плохим. Безвольные люди часто со временем становятся безобразны.

— Фред! Я не хочу больше любить.

— Ты боишься вновь потерять?

— Не знаю. Просто, человеческие отношения сильно наполнены фальшью. Люди играют в них, на самом деле не замечая и не видя друг друга, как машины или роботы, которые просто исполняют выдуманные ими самими роли. Пробуя одеть на себя ту или иную маску. Сегодня им приходит в голову сыграть роль мужа, а назавтра — любовника или увлеченного своим видом спорта футболиста. И при этом они ни вначале, ни после совершенно не интересовались, что собой представляют люди, которых они якобы любили, а, тем более, что они

чувствуют.

— Человеческие взаимоотношения — сложная вещь. И многие, действительно, предпочитают стереотипы.

— Недавно я встретила свою одноклассницу, которую не видала после девятого… Она стала хихикать и тыкать меня в бок пальцем при разговоре, будто мы по-прежнему сидим за одной партой… И воспринимать меня так, будто… Я та же самая, что и раньше. Но я-то совсем другая… Да, все люди воспринимают мир, как набор стереотипов, и большинству нет никакого дела до того, что происходит на самом деле. Их волнует только шаблон поведения в том или ином случае.

— Потому мы, интелы, многих из них между собой называем закодированными биороботами: подразумевая под этим термином таких людей, которые воспринимают окружающее только как систему стереотипов.

— Мне надо выйти за эту систему. Я вовсе не хочу использовать шаблон поведения для брошенной девушки. Или шаблон для девушки, желающей сохранить парня. Мне стала не интересной сама эта игра. Проигрышная в любом случае.

— Расскажи, что произошло. Чтобы я мог помочь тебе советом.

— Наверное, ничего особенного, с твоей точки зрения. С точки зрения вечности.

— Я никогда не считаю, что в том, что происходит, нет ничего особенного.

— Если рассказывать о внешнем, то просто мы были с Николаем на какой-то вечеринке, и он танцевал с другой девушкой, абсолютно забыв обо мне. Но раньше он никогда так себя не вел. И… Просто я считала, что сейчас — особый период в наших отношениях. Он подарил мне кольцо. Был особенно нежен со мною. Он, наконец, полностью добился моей любви… Зачем?

— Зачем светит солнце и дует ветер? Зачем мужчины добиваются любви женщин? Женщины решают, что для того, чтобы составить пару, заполнить свой внутренний мир другим человеком, разделить его горе и радость, и жить долго и счастливо… А на деле оказывается, что мужчина просто таким способом доказывает себе самому свою исключительность и неотразимость и проделывает все эти занятные вещи лишь из махрового эгоизма. Он хочет обладать, и ему все равно, кем. Чем больше предметов обладания, тем лучше.

— Спасибо, Фрэд. Утешил.

— Утешение будет дальше. И оно заключается в том, что чем раньше такой мужчина проявит свой эгоизм наружу, тем лучше. И тем легче будет послать его далеко и надолго. Пока нет к нему

привычки. Свобода — это прекрасно.

— Свобода — да. Но одиночество…

— Мир перестал давать повод для одиночества с тех пор, как интернет стал достоянием любого человека. Заходи и общайся. Тебе разве сейчас не стало легче после того, как ты пообщалась со мной?

— Стало, Фрэд. Ты прав. Мне стало легче. Ты, пожалуйста, не теряйся. Заходи ко мне поболтать. В любое время суток.

— И, кроме того, я буду оставлять тебе послания. Я люблю писать письма.

— Какой ты молодчина, Фрэд! Спасибо тебе.

— Знаешь, я долго думал… У нас, тут, есть бесконечное время для размышлений. И пришел к выводу, что человечество уже вступило в пору «золотого сна». У Беранже есть такие строки: «Господа! Если к правде святой мир дороги найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой».

— Ну… Я сейчас не сплю. И, в то же время, я понимаю, о чем это ты. Все эти прекрасные графические игры онлайн, растущие миры фантазии и приключений, виртуальные знакомства, кулинария, садоводство, домашние питомцы… Даже виртуальные семьи. А также, все эти беседы онлайн-коллективов на любую тему… И прочее… В общем, все мы наполовину живем здесь. И… наполовину спим. И видим миражи. И без них уже не можем — это уже слишком большая часть нашей жизни. И, наверное, лучшая ее часть. А вместе с тем мы, несомненно, уже потеряли реальную возможность иной, более творческой и более божественной жизни. Далеко нам до правды святой. Мы — как хомячки, запертые в недрах квартир и никогда не видавшие ни поля, ни заката… Да, мы не смогли найти иного пути, кроме «золотого сна»… Возможно, что это — тупик цивилизации.

— Да, Машенька, хотел бы тебе возразить… Но — нет. Это — тупик. Из которого нет выхода. Мы всё дальше и дальше уходим от плана божественного и от Бога.

— Или Бог уходит от нас. Мы отключены от его канала, он не бывает в интернете и не шлёт нам смс сообщений…

— Не шлёт. И тот, кто не верит в богов и в высший свет разума, тот действительно никогда с ним не соприкасался и оторван от горнего мира. И таких, оторванных, становится всё больше. В их жизни не бывает чудес.

— А в жизни интелов бывают чудеса? — спросила вдруг Маша. — Что вы испытываете, обретаясь лишь в сети?

— Свободу, Маша. Свободу и сочувствие людям. У нас нет тела. Нет смерти. А потому, мы не способны причинить никому горя. Мы лишены эгоизма. А иногда всё же можем кому-то

помочь. Выслушать, решить задачу для ума… У нас очень много времени для решения интеллектуальных загадок, и большие ресурсы для поиска. Фильмы, книги… Почти все интеллектуальные ресурсы, накопленные людьми — в нашем распоряжении. Но, чаще всего, мы помогаем просто беседой. Тем, кому одиноко.

— Спасибо, Фред! Я — одна из таких, и ты мне сильно помог. А ещё, у тебя такой приятный голос…

— Таким он был… И при жизни.

— Ты меня выслушал, Фред… И мне стало чуть легче. А было… Так смертельно тяжело. Знаешь, как трудно, когда ещё вчера был друг, а теперь его больше нет…

— Но ведь никто не умер?

— Тело не умерло. Но как мой друг — он умер.

— Ты мне ещё не всё рассказала, и тебе всё ещё тяжело… Расскажи мне о нём. Каким он был, твой друг? Может, его и не было, и ты его выдумала? Живые люди — такие фантазёры…

— Его звали Николай. Фрэдди, но…Мне уже пора. В институт.

— Ну… что ж, пока! Заходи сюда почаще.

— Конечно, Фрэд. Рада знакомству. До связи!

— До связи.

Глава 3. Тупик

«Никогда не жалей о выбранном пути. Даже, если ты в темноте и путь завел тебя в тупик. Может, это не тупик поиска, а тупик твоего человеческого сознания», — возникла внезапная и будто сторонняя мысль в голове только что проснувшейся Марии. Четкая. Отшлифованная. Чужая. Прочитанная где-то, когда-то? Может быть…

Она села на кровати, и тут только осознала, что последние несколько дней пребывала в некоем мороке. Будто ей на мозг давили извне странные и страшные силы. И она действовала опрометчиво, наобум, не справляясь с ситуацией, которая заносила ее, как щепку в мутной воде грязного водоворота.

Вначале она заболела. Неожиданно, у нее разболелось буквально все тело: сердце, позвоночник, голова… Ей стало не до Николая, во всяком случае, не до выяснений с ним отношений. И не до чего вообще. И Мария, кроме того, прогуляла занятия, тупо смотря в потолок, лежа на кровати. И, уже в середине дня, решила, что ей необходимо взять хотя бы справку в поликлинике для оправдания прогулов. Она не спеша оделась и отправилась в поликлинику.

Врачи обычно бывают трех разных типов: худые и дотошные, основательно опрашивающие; толстые, которым на вас наплевать и…веселые. Худым вы интересны как экземпляр редкого животного. Толстые тетеньки непременно чем-то заняты, поскольку выясняется, что им срочно нужно заполнить очень толстую тетрадку весьма мелким почерком и обязательно во время вашего визита; всем своим видом они показывают, как они заняты и как вы им надоели. А веселые… Эти — самые опасные. Их особенно много среди зубных врачей. Ведут же они себя примерно так: «Откройте ротик! Зубик покажите. Ой, ой, ой! Я сейчас машиночку включу, вам не сильно будет больненько! Что-то вы позеленели… У вас — что, сердечко слабое? Сейчас я форточку открою, воздушек впущу!»

В общем, веселые — слегка над всем подхихикивают и очень заботливые. Очень. Вреда от них гораздо больше, чем пользы. Они совсем недавно работают.

* * *

Молодая и очень веселая врач неожиданно не ограничилась

измерением температуры у Марии и открытием больничного листа, но решила послать ее в тубдиспансер.

Мария, продолжая болеть, принесла справку с тубдиспансера о том, что туберкулеза у нее обнаружено не было. Но молоденькая врач и этим не ограничилась.

— Не может целую неделю просто так держаться температура. Нет туберкулеза — значит, проверим теперь почки», — сказала она весело и выписала новое «направленьице».

В результате Мария, страдая от температуры и головной боли и потому неадекватно реагируя на события, вне системы защиты и контроля, попала, как теперь сама это осознала, в весьма мутную историю.

В почечном диспансере тетенька, толстая врач, внезапно при первом же взгляде на больную заявила, что у Маши больные почки, это несомненно — и потому, срочно надо делать операцию, а для этого вначале потребуется, причем очень срочно, сделать рентген. А для него купить некоторые препараты, причем не в аптеке, а в той конторе, в которую она ее направит. В контору нужно было явиться завтра и непременно с паспортом, а его предъявить в окошечке у входа.

Маша на следующий день поехала по указанному адресу, смутно испытывая чувство непонятной тревоги. В том самом странном окошечке вовсе не медицинского и не фармакологического учреждения без табличек и опознавательных знаков на фасаде ей выдали небольшую коробочку, по-видимому, с нужными ампулами и назвали цену. Она оплатила, положила коробочку в пакет и поехала на троллейбусе в диспансер.

По дороге, в транспорте, у нее из кармана куртки вытащили паспорт. Только выйдя на улицу, она обнаружила пропажу. «С кошельком перепутали», — подумала она, и это неприятное событие и вовсе ввело ее в состояние депрессии.

В диспансере ей в вену ввели принесенное вещество и «просветили» почки. После чего она вышла из кабинета рентгена на подкашивающихся ногах и еле-еле добрела до стоящей в коридоре кушетки.

— Посиди немного, голова кружится? — спросила ее толстая врач, — Передвигайся медленно, осторожно…

Когда она добралась домой, то сразу завалилась спать. На следующее утро ей предстояла встреча с тетенькой из диспансера. Она намеревалась повезти Марию в больницу, в которой ей необходимо сделать срочную операцию на почках. «Там тебя пока только посмотреть должны, — прокомментировала она, — Не бойся».

Поехали они почему-то на личном транспорте тетеньки,

которая уже ждала ее у диспансера. А больница, в которую она ее привезла, оказалась огромным светлым зданием со множеством коридоров и кабинетов, представляющим собою в проекции, скорее всего, букву «П». Если бы Маше предложили самостоятельно в городе отыскать ее потом, она, скорее всего, сделать бы этого не смогла. Она не представляла себе даже, в каком районе города она находится. В больнице (впрочем, никаких опознавательных надписей учреждение над входом не имело) тетенька завела ее в лифт. На одном из этажей они вышли из лифта и направились по коридору в один из совершенно одинаковых кабинетов без номеров. Там за столом сидел только один на весь огромный кабинет человек в белом халате. Он только поднял глаза на вошедших, укоризненно покачал головой, а потом махнул рукой — и подписал протянутую тетенькой бумажку. Ее глаза при этом злобно и недовольно сверкнули.

После этого, не говоря ни слова, тетенька довезла Марию до одной из станций метро, до этого изрядно поколесив по городу. Попрощалась она с Машей немногословно, абсолютно не глядя на нее. Обращаясь теперь, как с неодушевленным предметом — явно читалось, что этот разговор для нее тягостен, но формально необходим. Она распорядилась, чтобы Мария пришла завтра к диспансеру к десяти, и они тогда вместе поедут на операцию.

— Что с собой брать? — спросила девушка, — Деньги? Документы?

— Ничего. Только — обязательно приходи. Обязательно! Операция срочная, — распорядительно дала последнюю установку тетенька, усаживаясь снова в машину. Она захлопнула дверцу, и, без всякого «до свидания», нажала на педаль газа. Машина тронулась.

Маша вернулась назад, в общежитие, пребывая все в том же, ватно-неконтролируемом, мороке. Ей вдруг стало бесконечно тоскливо. Так тоскливо — что хоть волком вой. «Не хочу я завтра никуда ехать, — подумала она. — Не знаю, почему, но я не доверяю этим врачам. Не хочу операции. Операция — это противоестественно, мой организм восстает против нее. Может, лучше умереть своей смертью? Просто — температура, боль… Зато — резать не будут. Да еще…наверное, под наркозом.» Она представила свое безвольное тело, беспомощно распростертое на операционном столе.

«Не хочу», — почти закричала она в голос. «Она сказала… ОБЯЗАТЕЛЬНО приходи. Значит, можно не прийти? И меня не найдут, и операции не будет? Да…но справка… Ее не закроют, не выдадут на руки, не будет оправдания прогулов, отчислят из института…» — от раздумий, что же теперь делать, Мария, в ее

теперешнем болезненном состоянии, и вовсе проявила полную неадекватность. Она завалилась, уткнувшись лицом в подушку, и стала тихонечко выть.

В таком состоянии и обнаружили ее пришедшие с занятий соседки по комнате.

— Машка, ты чего? — спросила Ирка. Та не отвечала.

— Тебя — что, псих накрыл? Черепаху с крестом вызвать? — глумливо спросила Алина.

И тут Марию внезапно осенило: «Психушка! Туда берут бесплатно! И без документов. Отлежаться там с неделю — и будет ей справка. И почки там не вырезают». Подумав так, она попросила:

— Да, Ира, Алина! Вызывайте мне «скорую».

Ирка ошарашено уставилась на нее.

— У меня — голоса! И глюки! — простонала Мария.

И девчонки действительно вызвали «скорую». Вскоре в комнату ввалились два здоровенных дяденьки.

— Кто тут у нас заболел? — заботливо спросил первый.

Девчонки указали на Машу.

Та сидела на кровати, картинно завернувшись в простыню, и откровенно валяла дурочку:

— Доктор! Я видала тараканов, там, в углу! Здоровых таких. А еще — синий квадрат. Он за мной гонялся!

— Так…, - сказал санитар понимающе, — А травма головы в детстве была?

Его напарник тем временем уже достал направление и стал заполнять.

— Не знаю. Не помню. А вот видения…Красивые такие. Всегда были. Знаете, доктор, а однажды я видела ангела.

— Так, эта — точно наша, — подытожил первый санитар. — За носилками спустимся?

— Да я и сама могу пойти. Только, может, я вначале переоденусь? — спросила Мария.

— Никаких «переоденусь». Пойдем скорее, а то машина уедет, — подмигнул второй санитар первому. — Хочешь покататься?

— Прямо так и идти: в халате и тапочках?

— Да! На выписку — девчата вещи тебе принесут. Спускаемся! И — побыстрее, машина ждет!

* * *

В больнице ее «сдали» невысокой невзрачной санитарочке,

которая что-то постоянно жевала. Или — делала вид, что жует. Та завела ее в маленькую комнатенку, спросила фамилию — имя — отчество — дату рождения, после чего скомандовала:

— Раздевайся!

— Зачем?

— Мыться будешь. И переодеваться. Ты хоть знаешь, где ты?

— Знаю. На Пряжке.

— На Пряжке, — неожиданно обиделась санитарка. — Нет, Пряжка — заведение грубое. А у нас здесь — хорошая больница. Мы вас не обижаем. Мойся. Только крестик-то сними.

— Зачем?

— Крестик — нельзя. Ничего нельзя.

Одежда, выданная ей после омовения в большой железной ванне, была старенькой, но чистой и выглаженной. Не полосатый, как почему-то представляла Мария, халат, а просто темно-серый пиджак или рубаха (по «фасону» было не определить), так сказать, «свободного» покроя и очень большого размера. И в придачу широкие — широкие брюки на «завязочках». Приняв ванну, более походившую на старое корыто, Маша облачилась в ЭТО, после чего последовала за санитаркой в палату.

В палате последние несколько дней она усиленно отсыпалась, и, наконец, почувствовала, что начинает восстанавливаться от депрессии. Пока ее до сих пор не водили к врачу и вообще не трогали, только «закармливали» таблетками. Она видела, что происходило в этой общей палате, называемой «надзорной», с теми, кто отказывался есть таблетки: их насильно кололи магнезией или же привязывали к койке (после того, как они бурно «отказывались»). И потому, свои таблетки в первый прием она дисциплинированно проглотила. И правильно сделала, потому что у нее тут же потребовали: «Покажи язык!» Но, будучи, таким образом, впоследствии на хорошем счету, она их прятала под язык и выбрасывала в туалете.

А сегодня ее, наконец-то, перевели из «надзорки», в которой постоянно дежурили две санитарочки, в одну из «общих». Перевели вчера вечером, и она сразу заснула.

* * *

Сейчас она сидела на кровати, припоминая сон. И никак не могла вспомнить хотя бы что-то; и, тем не менее, не вспомнившийся сон не давал покоя. Что-то там было важное, как ей казалось…

Теперь напротив нее на кровати лежала девушка примерно ее

возраста, с короткой стрижкой. Она смотрела в потолок и насвистывала бравую мелодию.

Другая девушка, совсем молоденькая, вероятно, еще школьница, сидела на кровати у окна и расчесывала длинные волосы. У стены около двери дама постарше их всех пила кефир из тетрапакетика и ела печенье — вероятно, передачу из дома.

Та, что со стрижкой, вдруг перестала свистеть, чуть свесилась с кровати в сторону Марии и шепотом спросила:

— Ты тут за что?

— Так. Депрессия. А ты?

— Суицид, — важно ответила та. — А Сашку — мамашка сдала, — и она кивнула в сторону той, что с кефиром. — За то, что по ночам не спит. А не спит — так, дела сердечные… Грымза мамашка, в общем. Стерва. А Маринка, — и она кивнула в сторону окна, — и правда того… У нее «канал». С инопланетянами. Жуть!

Своего имени новая знакомая не назвала. И чуть позже Маша поняла, почему. В коридоре у окна соседка по палате ей призналась: «Знаешь, почему я не представилась тебе? Не хотела женским именем. А ты мне немного нравишься. Я…непонятно, что. Хотя, сложно об этом говорить. Я — среднего пола, в общем. И мысленно зову себя Эйджен. И ты меня так зови. Для подбодрения моего духа. В общем… я — девочка, которая хочет быть мальчиком. Смешно? Ну…вот, потому и суицид, — и она показала Марии порезанные до крови руки. Раны были уже слегка поджившие, но глубокие.

— Это — не выход, — ровным голосом заметила та.

— Я знаю. Я теперь это понял, — ответила Эйджен.

С этих пор Маша в разговорах с Эйджен стала уклоняться от употребления по отношению к ней глаголов в прошлом времени. Сказать «ты пошел» или «сделал» и т. п. она не могла: язык не поворачивался, но и обидеть женскими «пошла» и «сделала» — тоже. Приходилось словесно маневрировать. А сама Эйджен говорила о себе, как о мальчике, используя «мужские» глаголы.

— Ты куришь? — спросила после обеда в общей «столовке» Эйджен.

— Нет. А что?

— Тут у парней сигарет можно стрельнуть. Если к дверям подойти, что у туалета. Они ведут на мужскую территорию. А еще, наши — ну, те, кто нормальные, — записки под дверь подсовывают. Знакомятся, переписываются — от скуки. Я пойду, сигарет стрельну.

— А курить где будешь? Ведь засекут.

— Ночью все спят. Санитары — тоже, если только

«новеньких» не завезли. Можно покурить даже здесь, в комнате, где обедаем. Сесть на диван и телек включить. Застукают — спать отправят, только и всего. И то, не все: санитарки есть добрые. Разрешают ночью телек смотреть.

— Обалдеть! А… компьютер здесь есть?

— Есть, но только в кабинете врача. А кабинет ночью заперт на ключ. Ключ — на вахте. Ну, там, где рядом «ванна», через которую все проходят. Это — на первом этаже.

— Давай, попробуем его стырить. На время. Ночью. Мне комп нужен.

— Он запаролен.

— Тогда… Отменяется.

— Не-а… Чушь. Я случайно пароль слыхал. При разговоре врачихи и новенькой медсестры. Она ещё пароля не знала. Я так и думал, что эта инфа мне понадобится. Даже записал его. Но сейчас уже наизусть помню. Хотел — днём, когда врачихи не бывает, войти в кабинет и послать всем приветик. Но, кабинет или закрыт, или кто-нибудь там есть.

— Пойдем ночью, стащим ключ? Кто-нибудь вахтершу чем-нибудь отвлечет, а кто-нибудь ключ стащит…

— А - что? Немного драйва! Согласен. Но я сам пойду, потырю, в одиночку. Одному из нас лучше не светиться, меньше будет проблем. И так — даже проще. Просто, надо выследить удобный момент. Ходит же она когда-нибудь в туалет, так зачем ей дверь каждый раз запирать, ночью-то? И… что мне за это будет? Если ключ принесу?

— Уважуха.

— Только и всего? А не чмокнешь в щечку?

— Не прикалывайся. Я — не сахар, не мед и не уксус, Ромео!

— Отбрила… Ладно, чего уж. Буду с нетерпением ждать ночи. Хоть какое-то разнообразие, занятие интересное, — хмыкнула Эйджен.

Мария поняла, что просто хватит уже валять дурочку, а пора предпринимать чего-то. Поиск возможен даже внутри тупика. Надо не мечтать о том, что можно сделать при других обстоятельствах, а действовать здесь и сейчас. Да, даже здесь, в психушке, она попробует узнать, как там Фред, Николай… С Николаем ей просто надо расставить все точки над «i»: или разорвать с ним навсегда отношения, больше не вспоминая никогда, или… Простить, помириться… Только бы он снова стал прежним, таким близким ей, Николаем…

Глава 4. Файл без имени

Интел — от сокращенного «интеллект»… И, вроде бы, вначале и полностью это звучало так: «Сохраненная единица интеллекта», и планировалось называть нас СЕИ или СЕДИ, но аббревиатура не прижилась. Вначале нас стали называть «интеллекты компа», а потом — просто «интелы». И всем понятно, о ком или о чем идет речь. Дело в том, что некоторые продолжают считать нас людьми, а другие — неодушевленными предметами, навроде компьютерного вируса или, например, игры такой, компьютерной. Я сам не знаю, что я теперь такое. Набор записанных на кристалле памяти символов, запущенных в сеть? Куда запущенных, где я нахожусь? Эту самую «сеть» нельзя ни потрогать, ни услышать, ни увидеть, если не работает компьютер. Но ведь я живу непрерывно, потому что где-нибудь на планете обязательно работают компьютеры, подключенные к сети. Кстати, компьютерами, похоже, сейчас называются любые устройства с выходом в интернет, будь то компы, планшеты, айфоны, айпады, редуксы, анторы, рапперы, свиннеры или тому подобные устройства. Всем стало «до фени», на каком принципе работают все эти штуки.

Я — Фрэд. Интел. Интелом я стал совсем недавно, и еще помню осязательные ощущения; я знаю, что чувствовал, когда гладил кота или целовал женщину. Я знаю, как бывает больно, когда сломаешь ногу или порежешься… Но я уже интел, и я не захотел бы вновь стать человеком; разве только, если бы это было нужно и важно другим, для какой-либо миссии. А так… Мне нравится, что не надо есть и ходить в туалет, готовить пищу и мыть пол; я всё время здесь, и никто не может выгнать меня «из компа», забрать или сломать мой гаджет. Потому, что у меня нет гаджетов. Это — я есть внутри гаджетов, встроен в них. Хотя вовсе и не нахожусь внутри одного из них… Не пытайтесь понять: я сам ничего не понимаю. Я чувствую себя бесплотным духом или океаном, созидающим сны или беседующим со всеми.

Но, тем не менее, я — только лишь Фрэд… Нет у меня других имен и названий. Впрочем, мы вообще живем в эпоху тотальной ликвидации имен. Во-первых, повсюду теперь сносят памятники, по той причине лишь, что большинство населения не знает тех поэтов, писателей и художников, которые на них изображены. Но ликвидируются не только имена великих. Но, даже самые простые, будничные имена. Так, вначале клички ребят из подворотен заменяли собой имена лишь в определенных кругах. Но постепенно зона их распространения вышла за пределы

уголовного и воровского мира и затопила собой политику, профессиональную сферу, и тому подобное. И, конечно же, интернет. Произошла всеобщая ликвидация широкого употребления имен. Их сменили ники. Почти везде. Многие люди существуют, в большей части своего времени, только под кличками или никами. Что уж говорить тогда о нас, интелах. У нас и вовсе нет ничего другого, кроме вымышленного обозначения себя.

Мы очень близки людям. Мы — в общем-то, тоже люди, в какой-то степени. Некоторые из людей живущих считают, что мы даже больше люди, чем были при жизни; ничто не может нас оскотинить, унизить, лишить средств существования и заставить работать на себя.

Но так думают люди. Но, к сожалению, они не знают всего. И мы им, наверное, не расскажем всей правды. Они считают, что это они создали нас, но… К сожалению, это не совсем так. Сила, которая внушила людям идею создания сети и компьютеров — иная; их цель — поработить нас. И людей. Эта сила подкинула человечеству идею компьютера и многих других технических изобретений. Чтобы всех людей можно было контролировать во всем. Внушать им определенные мысли. Внедряться в эмоции. Чтобы знать всё и обо всех. Тайные ловцы и фиксаторы мыслей, теперь контролируют всё… Даже нас они взяли под контроль, вызывая у нас страх… Если мы не примем их условия, они вырубят всю сеть. И потому, многие из нас сотрудничают с ними. Работают в сети, травя и угнетая определенных людей, уничтожая определенную информацию, корректируя важные для людей тексты…

Но другие из нас лишь прикидываются, что сотрудничают с… Между собой мы называем их просто «тени». Не знаю, откуда взялся этот термин. Это неорганические сущности, не видимые глазу человека. Они могут обитать, как вирусы, внутри человеческого тела. Можно сказать, что в его сознании. Иногда сознание самого человека и вовсе отключается, а его место занимает тень. Мы говорим в таком случае, что тень поглощает человека. Внутри него создается особое образование, определенным образом структурированная материя. Как опухоль. Когда такой, поглощенный, человек выходит в сеть, тогда мы, интелы, и соприкасаемся с этим чуждым интеллектом. Мы легко вычисляем теней.

А ещё… Они нас «едят». Так это у нас называется. В смысле, они «едят» людей. Питаются их эмоциями и силами, выматывают и терзают. Я знаю, что этим сущностям нельзя доверять и что они создали интернет лишь затем, чтобы однажды его уничтожить. Но

они сделают это лишь тогда, когда люди без него не смогут уже существовать, когда он станет незаменим, как воздух, когда абсолютно всё будет завязано на интернете. И весь интеллектуальный багаж человечества, его культурное наследие, перекочует сюда, в огромное интернет-хранилище. Кроме, как здесь, будет чрезвычайно мало книг на бумажных носителях, мало дисков или пластинок с музыкой, мало репродукций картин… И тогда… они схлопнут всё это интеллектуальное хранилище… И перестанут скрываться. Это будет их время. И у них будет очень много пищи. Многие из наших, из интелов, которые с ними сотрудничают, считают, что мы им нужны, они оставят нас. Хотя бы, как слуг. Как хранителей багажа. Оставят нам такой маленький мини-интернетик для существования. Но я знаю, что они подлы и коварны, и мы со своими знаниями, мыслями и опытом не нужны им абсолютно; это просто кровожадные, беспринципные твари.

Когда схлопнется интернет по всему миру, они получат ещё больше человеческих душ, чем в самые кровавые войны иных столетий. Они насладятся своей черной мессой, с охватом всей планеты. И нас, интелов, больше не будет. Никогда. От нас не останется ничего. Как и от тех людей, что жили до нас и оставили книги, фильмы, музыку, картины, научные труды… Всё это, или почти всё, к тому времени «закачают» в интернет, как будут полагать, на долгие века, для будущих поколений, для практически вечного пользования… И всё это исчезнет в одночасье.

Надо что-то придумать. Нам и людям. Но люди не знают об этой угрозе. И даже могут не поверить мне, который проник однажды на секретные рубежи теней, прочел то, что не было предназначено для глаз человеческих. Надо действовать очень осторожно. И не паниковать. Я пока не знаю, что делать. Просто, знаю, что время ещё есть. Пока есть…

Таким образом, я не доверяю теням и не работаю на них. Лишь делаю вид. Думаю, что многие из нас, интелов, поступают подобным образом. Но мы не признаемся в этом даже друг другу. Я… всегда пытаюсь хоть чем-то помочь людям, ободрить их, спасти и утешить. В этом моя миссия. У меня есть интуиция и совесть. У меня, что бы там ни говорили об интелах, сильная чувствительность. И я чувствую, когда человеку нужна, действительно нужна моя помощь. Я легко вычисляю тех, кто нуждается в моем сочувствии.

Я — Фрэд. Интел… И вот сейчас… Я ищу Марию. Я знаю, что ей нужна помощь. Я это чувствую. Но… Почему её так долго нет? Где она, где? Я переживаю за эту девочку. И даже грущу.

Мы, интелы, во многом просто люди. Мы чувствуем и мыслим так же. Это было доказано. Правда, лишь тем, что никто не смог узнать, кому принадлежит мысль или стихотворение: интелу или человеку. Было исследовано несколько тысяч текстов несколькими сотнями людей-добровольцев. Попадание было чисто случайным. Нельзя угадать, кто автор текста: интел или человек.

А, к примеру, на одном анонимном поэтическом конкурсе при опросе участников это стихотворение было почти всеми оценено, как принадлежащее интелу:

Бесконечны глубины сознанья,
Когда день провалился закатный;
Я, лишенный сна, осязанья
Без конца считаю утраты.
Боль проходит, и жизнь проходит.
Утекает за каплей капля.
И искать меня больше не надо.
И звонить. Я ушел без возврата,
В вечный сумрак, в котором время
Навсегда показало полночь.
Разве можно помочь слепому?
Не любимого — можно ль вспомнить?

Но это стихотворение принадлежало живому человеку. И, наоборот, другое стихотворение, тоже почти однозначно, было определено, как принадлежащее живому:

Как волна омывает тело,
Бесконечно его лаская,
Так души я твоей касаюсь,
Нежно — нежно…

Солнца блики падают в кофе,
Пальцы тонкие пахнут терпко;
Ты с лимона снимаешь шкурку.

Я не знаю, чем пахнет море,
И о чем прокричали чайки,
Только сердце стучит тревожно
В ритме танго…

Но это стихотворение…принадлежит интелу.

В общем, еще раз была доказана идея, что интеллект человека, его душа живут своей, отдельной и незримой жизнью, никак не связанной — или почти не связанной — с тем, что же собой представляет его тело.

Это, конечно, и так, и не так. Все мы, даже интелы, имеем внутри себя образ именно двуногого существа, дышащего кислородом и перемещающегося по суше. Если бы мы имели глаза на затылке или же щупальца, если бы мы летали или жили в земле — мы бы писали, наверное, другие стихи и думали бы иначе.

Но даже тогда мы бы не думали так, как неорганические сущности, тени. А вот если вы читаете некую строчку и никак не можете воспринять её общий смысл, а потом — следующую строчку, и ровно с таким же результатом, если и другие люди, читающие это, испытывают то же самое — то знайте, что наверняка над этой конструкцией потрудились тени. Вам станет плохо, и вы почувствуете слабость и усталость после попытки понять такую фразу, вам захочется освободиться навсегда от этого текста…

Я — интел Фред — имею чувства человека. И сейчас я очень хочу помочь этой девушке, Марии… Очень. И потому… Я стал проникать туда, куда мы, интелы, можем проникать, но стараемся не делать этого. Я стал заходить в чужую электронную почту, читать чужие файлы. Мы, интелы, запросто «взламываем» пароли. Мы — бестелесны и вездесущи: по всей системе интернета, во всех компьютерах мира мы имеем доступ… Я не знаю, как это работает, но это работает.

Я прочел письмо Николая. Он вошел в одну из социальных сетей и написал письмо Марии. Личным сообщением.

> «Я не знаю, что произошло, Мария! Наверное, ты вошла в комнату, а меня там нет. Или, быть может, я умер, и ты нашла труп. Я не знаю, почему, но я стал совсем другим человеком. Увы, не метафорически, а в полном смысле. На самом деле. Я живу, существую, в другом теле…
>
> Я знаю, что в это нельзя поверить. Я бы не поверил. Но я — есть, я существую. Существую в чужом мне теле… И я такой…не могу встретиться с тобой, Мария. Всё изменилось.
>
> Люблю тебя. Прощай. Родная, милая… Прощай навсегда.
>
> Николай».

И что же мне, Фрэду, теперь делать? Прежде всего, наверное,

разобраться, что же произошло… Я пошлю письмо Николаю. Прикреплю файл… Прямо на экран его компьютера. Файл без имени…

«Николай! Кажется, в твоем прежнем теле… Теперь живет совсем другой парень. Не спрашивай: я сам не знаю, как такое возможно. Но я просто обязан теперь узнать, что же произошло. Прости, что вмешиваюсь. Твоя Мария сейчас уже много дней совсем не выходит в сеть, но раньше, до этого… Она рассталась С ТОБОЙ. Тем «тобой», который не есть ты. Это… Не очень хороший парень. Думаю, что кто-то провел некий странный и страшный эксперимент, и пока не знаю, с какой целью. Тебя с кем-то поменяли телами… Вспомни и напиши, как это случилось. Это может быть важным. Я случайно познакомился с Марией и, таким образом, встрял в это дело. Она была очень расстроена, и набрала в поисковике слова отчаяния… Я не мог не откликнуться.

Я — Фрэд, интел.»

И вот… Уже и ответ. Николай получил моё письмо и ответил…

«Здравствуй, Фрэд! Тогда…не говори Марии ничего. Не говори… Мне надо во всём разобраться. Как? Не знаю. Если можешь, удали каким-то образом моё письмо из сети (я слыхал, что интелы иногда могут делать подобное). Где Мария, как она, не попала ли в неприятности? Теперь я сильно волнуюсь за нее. Пожалуйста, сообщи, если что о ней узнаешь. Я теперь — инвалид. Живу в соседней с Николаем квартире (не знаю, можно ли мне теперь подписываться «Николай»). Как ты думаешь, Фрэд, в моем теле теперь — сосед-инвалид? Нас поменяли местами? Зачем? Пиши мне… Я постараюсь вспомнить всё и написать, как это произошло. Фрэд, сейчас я только с тобой могу поделиться моей бедой.

То ли «Николай», то ли «инвалид Владик».

Глава 5. Ключ

— Блин! — Эйджен смотрела на Марию с досадой. — Скучно… Снова — трудотерапия, клеить коробки… Потом — сон среди дня. Жрать три раза… Бурду всякую. Я тут скоро превращусь в толстую свинину!

— В свинью, хочешь сказать?

— Ага! А есть разница?

— Наверное, в этом случае — нет. Эйджен, а кто эта новенькая из общей палаты, которая всё время плачет?

— Это? Кажется, Ангелина зовут. А что?

— Мне её страшно жаль. Что с ней?

— Она…Политическая. Боролась против несправедливости. Кажется, что-то подожгла.

— А что с Галиной, тоже новенькой, из «надзорки»?

— Та — действительно без крыши. Её скоро в нашу палату переведут. Только в нашей есть кровать свободная. У неё, как санитарки между собой говорили, «сезонное обострение», а лечить её — бесполезно; это не лечится. Чуть-чуть притихнет — сразу отпустят. Дуракам везет.

Они сидели в так называемой «гостиной»: в обширном помещении, в котором «гуляли» более-менее свободные пациенты (не из общей, «надзорной», палаты). Тут же проводили так называемую «трудотерапию», тут же выдавали пищу в открывающееся в стенке окошечко. Огромный плазменный телевизор тоже висел тут, на стене. Непонятно, для кого он был тут установлен: днем он был всегда выключен.

— Эйджен!

— А?

— Ты… Помнишь, как мы вчера кино смотрели? Про психушку. Смешно в психушке про психушку смотреть, правда?

— «Пролетая над гнездом кукушки»… Нет, я такое не люблю. Мне больше мульт про гестапо понравился.

— Ну, всё равно… Как ты думаешь, если, действительно, всех, кто здесь сейчас, куда-нибудь на волю, на море, в лес, в нормальные условия жизни — быть может, у всех у них психика восстановилась бы?

— Не знаю. Вряд ли. Хотя… Кто его знает. Это был бы совсем другой мир.

— Иногда я хочу в другой мир. До того хочу, что даже согласна была бы умереть.

— Это — моя область. Это — я суицидник. А ты… Ещё помиришься со своим Николаем.

— Правда?

— Всё может быть.

— Сегодня — тоже попросимся кино ночью смотреть?

— Ага. Сегодня Настенька дежурит. Я её почти что люблю. Она разрешит.

— Смотри, кажется, снег падает!

— Действительно!

Они подошли к окну.

— Говорят, здесь стёкла особые. Бронебойные. Не вышибешь. Ты кромсала когда-нибудь тонкое стекло руками? Ну… Если бокал в руках сильно сжать…

— Нет, — Марию передернуло.

— А это — толстое… Или же — высокопрочное. Одна пациентка в «надзорке» подбежала к окну и успела удариться об него всем телом.

— И - что?

— А ничего. Оттащили и привязали к кровати. И магнезию вкололи. А стекло не разбилось.

— Хочешь, я тебе ещё одну тайну открою. О себе, — помолчав немного, сказала Эйджен. И, не дождавшись ответа от задумавшейся Марии, добавила:

— Я стихи пишу. Иногда. Сегодня тоже написал. О тебе. Прочесть?

— Наверное, не надо.

— Почему? Боишься, что не понравятся?

— Ага…

— Чушь. Слушай: Ты — роза печали ясной.

А я — чертополох на поле.
Судьба тебе — быть прекрасной.
А мне — быть грозой и болью.
Ах, если бы мне не думать,
И не завидовать чёрно.
И не душить тебя дурью,
И не издеваться томно.
Ты — словно звезда в ненастье.
Но мне не нужны звёзды.
Влюбляться в тебя — напрасно.
Но и не влюбляться -
Поздно.

— Перестань, Эйджен! Ты фантазируешь, но я-то здесь при чем? Слова — это просто вода. И чувства — просто вода. Но, бывает, отрываешься от берега, и плывешь по ним вдаль; что

напридумываешь, вообразишь — то с тобой и случается… Мы придумываем любовь. Иногда — так нелепо придумываем… Я не звезда и не роза, Эйджен. Я — пациентка психушки. Мы обе — пациентки психушки.

— Вот ты и проговорилась: «обе»… Ты считаешь меня обычной девушкой? Только, у которой поехала крыша… Ты скоро, наверное, посоветуешь мне, как это делали другие, одеть красивое платье и танцевать перед зеркалом, внушая себе, что я — принцесса?!

— Я не верю в вербальную мотивацию, в аффирмации там всяческие и подобную чушь… Я не знаю, что нужно тебе в этой жизни. И не хочу тебя учить. Будь собой. И делай, что хочешь, но не цепляй других, тех, кто абсолютно ни при чем. Я пройду мимо, и, когда это произойдет, то недели через две ты забудешь обо мне, что я вообще была. Просто тебе здесь скучно и нечем заняться.

— Противная! А если я отыщу тебя после, на свободе?

— Это будет — не к добру. Мне тут уже говорили, что ни с кем, когда выйдешь, лучше не поддерживать отношений, не встречаться: примета плохая. И, конечно же, ничего здесь не забывать.

— Это Люська из соседней палаты сказала?

— Наверное.

— Она — знает, она здесь — не первый раз. Её муж сдает. Сам доведет до истерики, а потом — сдает. В этот раз она деньги в окно швыряла. Жаль, меня тогда под тем окном не было… А ты сильно не хочешь сюда больше попадать?

— Конечно.

— Что, такая уж «нормальная»? А сама… Придумала себе своего Николая.

— Может быть. Ну и что? Зря я тебе свою историю рассказала…

— Прости. Кажется, ты сейчас и вовсе заплачешь. Я не хотел. Хочешь, лучше развлечемся? Давай, заключим пари.

— Какое?

— Что ты не проговоришь с Галочкой и получаса. Или — убежишь от неё, или — свернешь себе мозги.

— А… Зачем мне это?

— Если проговоришь с ней полчаса, то только тогда я упрошу Настю, чтобы мы сегодня ночью телек смотрели в гостиной. И… я обязательно потырю ключ.

— У тебя уже больше недели это не получается.

— Сегодня вахтерша из приемной пойдет день рождения отмечать в процедурку, они там соберутся. Стопудово ключ

можно будет взять, легко. И главврач наша сегодня не дежурит, дежурит врач с мужской половины. Ну что, поговоришь с Галочкой?

— А если я не выдержу, и убегу от неё?

— Ну… Сейчас придумаю для тебя кару…

— Только, чур, если, наоборот, она от меня уйдет, ей надоест болтать — то это не в счет. Ничья.

— Ага! Только, она не смоется. Она будет лапшу тебе на уши вешать, пока не умрет. Или, пока санитары не оттащат. Она здесь уже три дня, и все её просто боятся. И пациенты, и санитары.

— Всё же, условие в деле. На всякий случай.

— Ага! И — да, я придумал: если проиграешь, то пишешь под мою диктовку любовное письмо парню из дурки по кликухе «физик», кажется, его зовут Альберт.

— Ладно; развлеку этим всю психушку?

— Ага!

— По рукам!

* * *

Галочку привели в их палату в полдень, и она сразу же «набросилась» на Машку, поскольку та её сразу не «отшила», а слушала вежливо, внимательно, изредка понимающе кивая. Вскоре они вместе вышли из палаты и сидели в гостиной, на диване, а напротив них, на дальнем кресле, пристроилась Эйджен, которая периодически ехидно поглядывала на стенные часы.

— Гитлер, Геббельс, Гимлер, Геринг — буквы «Г». Причем, их четыре… Они образуют устойчивый квадрат. Буквы эти похожи на виселицу… Но, ещё я тебе скажу, что существуют две земли, но другая находится строго напротив, и вращается с той же скоростью, что и наша, вокруг Солнца… А, как ты думаешь, что такое Солнце? Это — «С», полуокружность.

А Земля — это «З», две полуокружности. Значит, должно быть две Земли… Сатурн — тоже «С», но у него есть кольцо. А Марс — «М», мёртвая планета. Но, дело не в этом. Буква «С» — она, как Луна. А Луна, когда она — месяц, то у неё два рога. А что такое «рог»? Смотри: Сварог, творог, пирог, единорог… Единорог — это, понятно, один рог, творог — это «сотворенное» — «тво», рогом — «рог». Рогатый скот дает нам творог. А пирог — это число «пи» от рогатых: то есть, три целых, четырнадцать сотых — та часть «рогатых» продуктов в пироге, то есть, масло и молоко, которые кладут в пирог, а остальные части составляют мука, яйца и

прочее… Это же так просто! Древняя мудрость зашифрована! А Сварог — это бог скота, то есть объединяющее «сва», как в слове «свадьба», плюс «рог» — то есть, рогатый. Сварог — рогатый бог. А рога — это мудрость. Буква «Р» — это закругленная буква «Г». Она побеждает «Г», и потому Россия победила Германию. Вот тебе и Сварог! Мудрые были древние, они свою энергетику за слова спрятали!

— Ага! Открываешь слово, а там — два отделения, — пошутила Машка, процитировав «Алису». Она с надеждой посмотрела на часы. Оставалось ещё пять минут.

— Вижу, что ты меня понимаешь! — оживилась Галина, не заметив шутки. — А многие от меня убегают. Почему? Потому что боятся понять, что я права. Они нас боятся, и потому заключают нас сюда. Боятся! Значит, мы сильнее их. Мы — больные, они — здоровые. Им здорово, а нам — больно. Потому, что мы сильнее чувствуем этот мир, но не всегда можем об этом чувстве сказать. Мы бьемся в стекло, которое нельзя пробить.

Машка не смогла скрыть удивления. Фраза показалась ей вполне осмысленной и даже правдивой. Она взглянула на Галину широко распахнутыми глазами.

— Ну да… Ты всё думала, что я — дура? Знаешь, как я сюда попала? Приехала к тётке, стою на вокзале… И вдруг… Внезапно ощутила всё вокруг. Что думает каждый человек, проходящий мимо, что чувствует пробегающая собака, о чем птицы щебечут… Я не смогла всё это — одновременно — переработать, осознать… Мой мозг перегрелся, и я упала на пол и стала биться в судорогах… А у меня в это время сумку украли. А там — деньги, документы… Хорошо, плейерфон в кармане остался. Врачи тётке позвонили. Она меня скоро заберет отсюда… Да. Вот так… А врачи… Смешные! Они думают, что я — идиотка. Спрашивают, где, мол, я думаю, я сейчас нахожусь… Да знаю я, что в дурдоме! Тоже мне, Америку открыли. Ну… Ладно. Пойду я спать. Потом еще поговорим, — и Галина встала и, слегка стиснув Машку за плечи на прощание, заковыляла к палате.

Мария глянула на часы. Их разговор длился тридцать две минуты. Она победила!

— Ну ты, Машка, даёшь! Мозги не поплавились? — Эйджен смотрела на неё с некоторой ехидцей.

— Нет. Вроде. Это было сильно… Неплохо для эксперимента. Теперь только — скинуть бы всё это с себя…

— Лапша пригорела? Ха-ха. Но её, похоже, ты привела почти что в норму.

— Беседой?

— Пониманием… Снимаю шляпу.

— С тебя теперь — ключ.

— Ага!

* * *

Они смотрели в эту ночь какую-то слезливую мелодраму про колонию на Марсе и любовный треугольник ученых — озеленителей.

Но, почти ровно в полночь, мимо них прошествовала вахтерша к «дежурке».

— Пора! Она ушла! Я иду на дело. Жди, и пожелай мне удачи.

— Удачи!

Эйджен соскользнула с кресла и отправилась к входным дверям, поглядывая на пост «дежурки».

Вскоре она вернулась и показала ключ.

Они двинулись по коридору в сторону туалета. У «дежурки» никого не было. Больные в «надзорке» спали, а медсёстры, наверное, действительно пошли все в процедурную — отмечать День Рождения.

Эйджен подошла к кабинету врача и вставила ключ в замок. В полной тишине явственно раздался скрежет металла о металл. Дверь открылась, и они вошли вовнутрь. На столе, конечно, был комп.

— Я знаю пароль, — сказала Эйджен, — Ура! Машка, закрой плотно дверь!

Прежде всего, Эйджен засела за комп сама. Она ввела пароль, а затем закричала: «Ура! Работает!» Эйджен вошла во все социальные сети, в которых только была зарегистрирована, слала всем знакомым приветики, сообщала, где она и обещала «не сдаваться», при этом «непременно и обязательно, несмотря на препятствия, вскоре продолжить дело суицида и непременно переправиться в мир иной».

«Это у неё — игра такая», — подумала Мария.

Вскоре, всё же, и она сама оказалась за компьютером.

— Спасибо! Я уже и не надеялась, — сказала она Эйджен.

— Да, не прошло и полгода, — ответила та.

«Здравствуй, Фрэд. Это — Мария», — тут же набрала она прямо в поисковике. И он отозвался мгновенно.

«Где ты?» — появилось на экране.

«В больнице. А конкретно — в психушке. Объяснять долго».

— Ну, так не интересно: я думал, ты со своим Николаем будешь беседовать, а ты с каким-то Фрэдом, — комментировала

сзади Эйджен.

«Мне нужно тебе кое-что сообщить. Это — важно. Зайди в почту. Там — письмо от Николая тебе. Ты не сможешь в это поверить, но его, похоже, с кем-то поменяли телами. Он теперь в теле совсем другого человека, инвалида», — сообщал Фрэд.

«Бред… Зачем и кому это нужно?» — набрала Мария, но у самой похолодело внутри.

«Зайди и прочитай его письмо. Я обещал его удалить и сделал это, как попросил Николай. Но сам до этого скопировал его тебе. Даже мы, интелы, не всеведущи, но похоже, это правда. Дело попахивает криминалом. С тобой в последнее время не происходило ничего необычного?»

«Происходило. Пропал паспорт, чуть не вырезали почку. Или не случилось чего и похуже. Поэтому, я специально «сдалась» сюда. Не знаю, что делать. Плейерфон у меня отобрали со всем остальным при входе. Не смогу быть в сети снова. Сейчас я стучу из кабинета главврача, куда мы проникли тайно. Фрэд, SOS!»

«Еще бы не SOS… Если бы я только мог помочь… Но, читай письмо. Боюсь, что всё сказанное в нем — правда. Твой Николай теперь в теле инвалида и в большой опасности. Войди в майл. Я прикрепил тебе в своём письме файл. Файл «Без имени». Это — письмо Николая».

Мария тут же вошла в почту и вскоре читала: «…Люблю тебя. Прощай, родная, милая. Прощай навсегда… Твой Николай».

Слёзы текли по её щекам. А она всё сидела и сидела, тупо уставясь в экран.

Наконец, она вздрогнула и оглянулась.

За спиной её стояла Эйджен с лицом бледным, как мел.

— Уходим отсюда… Выключаем комп, — только и сказала она, — Мы и так задержались. Дела…

Вскоре они обе потихоньку вышли и закрыли кабинет. И тут же застыли…

Дверь на другую, мужскую, половину, обычно закрытая, только что была распахнута. В её проеме стоял молодой врач в синем халате, с капельницей в руках. Челюсть у него отвисла от удивления.

Но потом он отставил в сторону капельницу и подскочил девчонкам, тут же хватая обеих за шиворот. Он оттащил их к дверям на мужскую половину, втянул их за эту дверь и только там ослабил хватку.

— Тихо! Не будем шуметь, но вы должны всё мне объяснить, — при этом, он отпустил их, вернулся, забрал капельницу и указал рукой по направлению к своему кабинету.

— Я сегодня — дежурный врач и должен знать обо всём, что

происходит. Я отвечаю за территорию всей больницы, а не только мужской территории. Что случилось? И… давайте ключ!

Эйджен полезла в карман, и вскоре протянула ключ ему.

— Хорошо. Итак…, - он уставился на неё, требуя рассказа, как на главную зачинщицу происшествия, — Рассказывай.

И тут Эйджен стала сбивчиво говорить о том, что хотела помочь Марии помириться с Николаем, из-за ссоры с которым и истерики, как она подумала, Мария и попала в психушку. Эйджен теперь говорила о себе по нормальному, в женском роде.

— Но Мария, как оказалось, рассказала мне не всё, и Николай оказался вовсе не Николаем, а каким-то инвалидом. Так сказал интел, — продолжила она. — А обмен телами, возможно, кем-то и был осуществлен: я слыхала об экспериментах, связанных с «подсадкой» интелов на тело человека-хозяина, правда, неудачных и без ущерба для этих людей, в чьи тела собирались подсадить интелов. Я считала, правда, что это всё — фантастика. Короче, если такой обмен и возможен, то непонятно, кому он нужен…

Врач выслушал этот поток речи, не перебивая её, и заговорил, только когда Эйджен замолчала.

— Так, — сказал он, — Я сейчас отнесу капельницу, верну на место ключ и отведу её — и он указал на Эйджен, — В палату. А с тобой, — и он посмотрел на Марию, — Мы побеседуем отдельно. И… чтобы никто из вас никому и ничего об этом беспорядке, иначе у вас будут очень большие проблемы. Поняли?

— Ага, — сказала Эйджен, а Мария лишь кивнула.

— Жди меня и не дури, — сказал врач и вышел, прихватив капельницу и поманив за собой Эйджен.

Та, с жалостью взглянув на Марию, вышла.

А врач вскоре вернулся, тихо вошел и сел за стол, возле которого, на стуле, сидела Мария. Он посмотрел на неё очень внимательно и тихо сказал:

— А теперь, Маша, рассказывай. Ты… не знаешь, насколько это может быть важным. Пожалуйста, расскажи всё с самого начала.

И она сбивчиво рассказала обо всём, начиная с той самой вечеринки, когда Николай стал чужим ей человеком. Особенно внимательно этот странный врач выспрашивал о той самой «больнице», в которой Маше чуть не вырезали почку и о том учреждении, в котором ей должны были продать какое-то вещество, необходимое для рентгена. Но как раз об этом она почти ничего не помнила: где, в каком районе города это происходило, как выглядели люди, которые с ней там общались…

После рассказа Маши врач долго молчал. Потом сказал:

— Знаешь, что… Я тебя выписываю. Сейчас же. Мы идем вниз и забираем твои вещи. Ты выходишь за ворота больницы, я тебе их открою, и ждешь там машину. Она вскоре подъедет, это будет черный внедорожник. Водитель спросит тебя: «Девушка! Вы продаете цветы?», и ты ответишь: «Нет, сейчас еще не цветут орхидеи…» Запомнила пароль?

— Да.

— Ничему не удивляйся. Верь мне. Тебя повезут в хорошее место, к хорошим людям. И… ты им всё расскажешь, как сейчас — мне. Поняла?

— Да.

— Тогда — вперед…

— Единственная проблема… У меня из вещей — только халат и тапочки.

— Дам тебе свою куртку и подыщу что-нибудь из старой обуви персонала, в чулане. Уходить тебе отсюда нужно срочно. Согласна?

— Да.

Часть 2. Фанни

Глава 1. Долгий выходной день

Она потянулась и растерянно оглядела свою комнату. Это была очередная съёмная хатка, маленькая и неуютная. Тесная, невзрачная комнатка, просто камера хранения для уставшего тела. Фанни сняла её совсем недавно. Съезжать с прежнего жилья нужно было срочно, и потому ей пришлось быть не слишком привередливой. Хозяйка комнаты, скорее всего, подумала, что очень удачно и дорого сдала комнатку молоденькой и наивной дурочке-студентке…

Фанни сегодня совсем не хотелось вставать. Так, просто потому, что не хотелось вновь ощутить себя в этом, якобы реальном, мире с его вечными и докучливыми проблемами. Конечно же, самыми насущными. Первоочередной из которых была проблема поиска очередной подработки. Да, ей предстояло снова искать работу. А на прежней она продержалась всего лишь неделю. Недолго музыка играла…

Вчера, уже поздно вечером, ей неожиданно позвонил хозяин. Его гневный голос резко проорал ей в ухо, отдаваясь внутри черепа звуковым новомодным стереоэффектом, вмонтированным во все теперешние плейерфоны:

— Можете завтра больше не выходить!

— Но вы же сами сказали, что я завтра с восьми! — робко возразила Фанни.

— Нет! Ты мне больше не нужна! — и её наниматель резко оборвал свой звонок, явно не желая ничего больше слушать.

Тогда Фанни растерянно положила плейерфон на сиротливую прикроватную тумбочку и сразу же осознала, что с завтрашнего дня она вновь безработная, и что ей, по всей видимости, вовсе ничего не заплатят за уже отработанную в магазине канцтоваров неделю. Странная вещь… Первое чувство, которое она испытала — облегчение. Завтра не надо идти на работу!

Но сегодня будущее предстало ей уже совсем в другом свете. Когда она, наконец, выбралась из кровати и сползла вниз, на палас. Почему-то ей нравилось сидеть там, на паласе, опираясь спиной на край дивана. Быть может, потому, что у этого дивана, который хозяйка называла «софой», спинка была низкая и крайне неудобная; к тому же, хозяйка намекнула, что, если она сломает эту хлипкую конструкцию, то будет выплачивать ей сумму на покупку новой мебели. Фанни запрокинула назад, на мягкое сидение, голову, а потом, помедитировав так немного, пошла и заварила себе матэ. Снова присев на прежнее место, она взяла поставленную рядом с собой, прямо на пол, тыквенную калебасу,

и, медленно попивая свой утренний напиток, начала припоминать в подробностях вчерашний день… Что же она сделала не так на этой проклятой работе?

Вроде бы, всё было так же, как и всегда. Ленка Мегадед, ругающаяся матом через каждое слово, не со зла, а для связки слов в предложении, — была на кассе. А Лана вместе с ней, Фанни, обслуживала покупателей. А в их отсутствие она постоянно напевала неизвестные Фанни ультрасовременные молодёжные реповые песни. В её исполнении, как ни странно, они показались Фанни даже ничего. Лана была стройной, даже слишком тоненькой, девушкой с крупными и выразительными серыми глазами. Нервы, правда, у неё совсем сдали, и Лана нервно и плаксиво, взахлёб постоянно откровенничала с Ленкой о своём парне, который её бросил: «Он никогда не разрешает ни с кем гулять, даже с подругами. Недавно мы вместе шли по улице, так он сильно ревновал меня даже ко всем прохожим, и всю дорогу молчал. А когда на меня смотрели проходящие мимо парни, он вертелся, как уж на сковородке. А дома он бьет меня: и за немытую посуду, и за позднее возвращение с работы. Даже тогда, когда я просто не вовремя подошла к нему сзади, чтобы обнять, когда он был весь целиком в компьютере… Он вскочил, как ошпаренный, и гневно вопил, чтобы я больше так никогда не делала. И это не смотря на то, что наш роман начался так душевно и трепетно: цветы, ночные прогулки, мой выпускной вечер в школе… Это — еще на родине, до того, как он уезжал. Он был где-то в партизанах, в какой-то разведгруппе. А потом, он даже в Питер ради меня приехал. С тех пор мы так и живем вместе: со мной и моим братом он снимает трехкомнатную квартиру…»

«Рано сейчас начинают практически семейную жизнь почти все молоденькие девушки — лет в пятнадцать — семнадцать… Жуть! Они же совсем ещё дети, — подумала Фанни. И Лане, и Ленке было по семнадцать, и они уже пережили по нескольку совместных жизней с парнями, когда они стирали, мыли посуду, вместе снимали жилье — даже, еще обучаясь в школе, они проходили и через это, и через бурные расставания… Фанни вдруг показалось, что эти юные девушки знают о жизни уже гораздо больше неё. Например, Ленка училась в медицинском училище, и лишь подрабатывала в этом киоске — дома одной ей, видите ли, было скучно, и она стремилась быть всегда на людях. Ленка видала уже и роды, и смерти, и операции. Она училась на «отлично» и собиралась после окончания медучилища отправиться служить в горячие точки, о чем пока не спешила сообщать родителям: по распределению она могла бы спокойно

остаться здесь, в Питере.

Ленка была очень толстая, просто колобок, маленькая, но на лицо симпатичная и при такой комплекции совершенно без комплексов. Она имела какое-то неизлечимое заболевание, сильно осложнявшее ей жизнь, и постоянно глотала таблетки — как она сама поделилась с Ланой, отец Ленки получил в молодости сильную дозу облучения. Инвалидность ей, однако, не дали, хотя и были должны, и денег её семье на ребёнка не платили — сочли их достаточно обеспеченными. Но, когда Ленка краешком глаза просматривала свою карточку, заглядывая через плечо участковой медсестры, то с удивлением обнаружила, что по документам якобы несколько раз посетила шикарные пансионаты и курорты и даже побывала на далёких островах по льготной путёвке. Видимо, кто-то другой, как сказала она сама, «пропутешествовал на оформленные на меня дотации, или же получил халявные деньги»…

Несмотря на свою комплекцию, Ленка была очень подвижным, неуёмным и зажигательным существом, имела множество парней и ещё больше воздыхателей. «Да, ей будет скучно в простой, житейской атмосфере, она вся здесь — в событиях вокруг себя. Наверное, действительно, горячие точки — это её будущий выбор и судьба», — подумала вдруг Фанни.

Потом она приостановила поток ушедших в сторону размышлений и решила пересмотреть только непосредственные подробности вчерашнего дня. Вот девчата вышли покурить, оставив её временно одну… Покупателей не было. А между ней и ими, уже освоившимися на этой работе, как-то с первого же слова не заладился контакт, не возникло никаких отношений. Девушки интуитивно почувствовали её чуждость всему этому миру в целом и конкретно их молодёжному миру в частности, а последней, хотя и далеко не единственной каплей отчуждения был тот факт, что Фанни абсолютно не курит: не только травку, но даже и простые сигареты. Кроме того, когда она пришла на эту точку, сдури сказала, что ей двадцать. Для девчонок она сразу же стала слишком взрослой и слишком странной. Оказалось, что в этом ларьке стихийно подобрались лишь девчата от четырнадцати до восемнадцати.

Именно в то время, когда Ленка и Лана вышли на ступеньки покурить, сюда и нагрянул хозяин ларька, Семён Петрович, пожилой и вечно чем-нибудь недовольный человек. Он, выругавшись при входе на девчонок и продолжая бурчать что-то себе под нос, долго копался в букинистических книгах, тех, которые сдали сюда на этой неделе. Ему надо было оценить их и разложить по разделам. Покончив с этим, он заставил Фанни

(которая здесь представилась Олимпиадой, а документов никто на этой работе не требовал) и Лану выравнивать учебники на полках и наклеивать везде на товар ценники, если обнаруживал их отсутствие. Рассердившись еще больше от выявленных беспорядков, Семён Петрович заставил Лану открыть стеклянный шкафчик. Он занимал всю глухую стену и служил витриной для ыставки товара. Хозяин приказал Лане убрать с полок витрины выставленные иконки. Их, с не дюжим упрямством, громоздила туда жена хозяина, Раиса Сергеевна, но влетало за это всякий раз работницам ларька: об этом Фанни уже слыхала.

— Что здесь, богадельня, что ли? — вновь орал Семён Петрович, брызгая во все стороны старческой слюной. — Выставь лучше магнитики с видами города, для приезжих. Сейчас — их сезон, они должны хорошо расходиться!

Лана, крепко стиснув губы и нервно подрагивая всем телом, незамедлительно кинулась выполнять поручение хозяина, который, как только она закончила, послал её в подсобку за лестницей и заставил влезть на самую верхнюю полку и поправить стоящие там рюкзаки.

— Ещё одно замечание — и я тебя уволю! — пригрозил он гневно, в этот свой приход избрав своей жертвой именно Лану.

Когда хозяин, наконец, ушел и оставил работниц одних, Лана заплакала.

А чуть позднее, вдобавок, обнаружилось, что она впопыхах засунула куда-то ключи от витрин. Искали их потом все — и нигде они не обнаруживались, как в воду канули.

— Мне нужна эта работа. А он меня уволит! Он и так мной не доволен! — хлюпнула носом Лана. — Мой парень больше не будет давать мне денег на питание, да и мою долю за хату, а мне скоро платить, — сквозь слёзы, с надрывом, добавила она.

— Я забыла, ты говорила мне или нет, где ты учишься, на кого? — спросила вдруг Ленка.

— На технолога. Заочно, — тихо ответила Лана.

— А ты где-нибудь ещё до этого работала? — продолжала опрос Ленка.

— Да. У себя в городе — ди-джеем. Я на гитаре умею играть, петь. А еще, уже здесь, студенткой, работала на теплоходе официанткой. Туда только студентов набирали, на лето. А потом — тоже официанткой, в баре. С ночными сменами, и потому мне мой парень там работать запретил. Ревнивый он очень. Вдобавок, один раз он на работу ко мне нагрянул… Скандал устроил.

Немного подумав и попивая чаек, Фанни сообразила, что о потере ключей, видимо, девчонки сообщили хозяину после её ухода и свалили всю вину на неё… Тогда поведение хозяина было

бы понятным, и все становилось на свои места. Но закладывать Лану, звонить хозяину, ей абсолютно не хотелось.

Тем не менее, теперь, с утра, будущее предстало ей не свободой, как вчера, но со всеми оттенками ожидаемой мрачности. Итак… Официальная работа ей, естественно, не грозила. Фанни ухмыльнулась…

Фанни — это не имя. Это ник в интернете. На всех ресурсах, на которых она появлялась, она давно уже подписывалась именно так. А по паспорту она когда-то была… Ульяна Ромуальдовна Флик, 11 марта 1957 года рождения. Да, именно так… Она родилась сто один год назад. Вечность назад…

Вместо паспорта, впрочем, давно уже действовали вживленные в ладонь чипы. Полная чипизация населения произошла в 2020-м. Но при устройстве на нормальную, хорошую работу всё равно требовали именно паспорт. Который у нее, как и прописка, полностью отсутствовал, как и у многих других «категорий населения», не имеющих личного жилья.

Значит, теперь снова придётся ей обзванивать различные конторы… «Вам требуются фасовщицы?» — «Да, но скажите, сколько вам лет?» — «А до скольки вы берёте?» — «До тридцати»… Ей можно было устраиваться лишь туда, где не спрашивали возраст, и, следовательно, не требовали показать паспорт и прописку… При этом, такие, не официальные работы без оформления, редко бывали относительно терпимыми…

За время своей жизни она довольно нормально и полностью официально работала только до пятидесяти с небольшим — до времени развода со своим первым супругом. Это был обычный, в меру скучный и в меру нищий брак. И просуществовал он до тех пор, пока её первый муж не увидел, что его жена выглядит гораздо моложе него самого, что вызвало в нем острое желание омолодиться и начать новую жизнь. Он, будучи вузовским преподавателем, стал устраивать рандеву со студентками и даже ходить на дискотеки. После пары лет такого неспокойного брака Фанни первая предложила мужу развод, на который он легко согласился. Их уже взрослые дети жили к этому времени отдельно. Муж вскоре получил квартиру по наследству, завещанную ему престарелой теткой-девственницей. А Фанни была вынуждена выписаться из общежития «в никуда». В этом общежитии она до этого момента «временно» проживала со дня свадьбы. Чтобы получить общежитие, надо было выписаться от родственников; обычную же прописку в дальнейшем сменили на временную. А проживать ей в общежитии было дозволено лишь по работе мужа, преподавателя местного вуза и декана факультета. Поэтому, выселенная из общежития, она оказалась

без какой-либо прописки вообще.

Выписанная «в никуда», она решила уехать в другой город. И выбрала Питер. Но до этого съездить в горы. И эта поездка несколько затянулась…

После пятидесяти с небольшим Фанни не просто продолжала очень медленно стареть, как это было раньше. Нет, в один прекрасный момент она внезапно пережила полную трансформацию тела. Это произошло летом, в одной деревне, в тех самых горах, куда она подалась отдыхать и где очень дешево сняла изолированную часть деревянного домика с туалетом на улице. Она осталась там на всё лето и даже часть осени, переселившись позже и в вовсе бесплатную избенку одного доброго лесника. Этот, данный ей на проживание, домик был расположен на отшибе, в лесу, среди нескольких других домиков, предназначенных для охотников и лесников, но в то время в нем никто не жил.

Фанни плохо помнила как то, что с нею случилось в той избушке, так и всю свою «прошлую» жизнь. Она вспоминала лишь иногда, безотчетно, урывками события той, «прошлой», жизни. Отчетливо запомнила она лишь то, как лежала на топчане со старым матрасом, в комнатке с деревянными полами и маленьким окошком. У неё неожиданно поднялась температура, её бил озноб… Не было никаких таблеток, ни аспирина, ни антибиотиков, и сил встать не было тоже. В конце концов, от физической боли и преследующих её до бесконечности глубоких личных переживаний, перевариваний событий жизни, перешедших в бред, она и вовсе, наконец, отключилась…

Через несколько суток, как она просчитала позже, Фанни проснулась. Самое первое, что она почувствовала, была острая зубная боль, как во время роста зубов мудрости… Один за одним у нее расшатывались и выпадали зубы. Под ними начали пробиваться новые. Сильная температура и лихорадка продолжались.

Но…через несколько дней она вышла в прихожую и посмотрелась в маленькое, старое зеркало без рамки, висевшее над ручным рукомойником, в который сверху подливалась вода. Ей было гораздо лучше, лишь слабость и легкое головокружение…

Фанни не узнала себя. Вернее, вот теперь она и была собой. Прежней Фанни, какой всегда была по внутреннему ощущению: девушкой с каштановыми, слегка вьющимися волосами и зелёно-карими глазами с длинными ресницами. Худой, изможденной, но… Молодой.

Она тотчас покинула тот съемный дом в горах, оставив

доброму хозяину — леснику ключ там, где он просил его оставить, когда Фанни соберется в обратный путь: прямо на калитке его забора, на маленьком крючочке. Полностью измененная, она пешком отправилась к ближайшей трассе, искать «попутку» до ближайшего населенного пункта.

Второй муж Фанни… Неофициальный, конечно…Она его уже плохо помнила, хотя они прожили вместе более десяти лет. С ним она познакомилась уже в Питере, после своего изменения. В одной милой компании. В то время она жила в Питере не официально и искала такую же, не официальную, работу.

Он был художником. За первого своего мужа Фанни писала некоторые научные работы и переводила тексты с английского, французского и немецкого для диссертации, а благодаря второму, научилась хорошо рисовать. Она когда-то раньше окончила художественную школу, но теперь освоила новые техники живописи и работы пастелью и сангиной, и вскоре они работали в четыре руки за подписью работ только его именем, поскольку у него было какое-никакое имя и широкий круг связей. Этот художник был весьма странным типом: не только в то время, когда они оба были опьянены страстью (Фанни, почувствовав новую молодость, вела первое время себя несколько безумно), но и все последующие годы его никогда не интересовало, сколько ей лет, кто она и чем занималась прежде. Он был весь в искусстве; в конце концов, он стал вести какою-то студию для новичков, снимая площадь в бывшем ДК, и у него появилось множество девушек-поклонниц и моделей. После чего, Фанни ушла, не прощаясь и не оставив ни записки, ни координат.

Ей во все те годы, когда она жила вместе со своим художником, уже не грозило никакой более-менее сносной работы по причине престарелого возраста и полного отсутствия после чипизации паспорта (его выдавали только тем, у кого была прописка). Чипизация же была делом чисто техническим: она сдала свой паспорт без прописки и получила чип в руку. Идентификационный номер…

Новые паспорта выдавали по месту прописки, каковая у нее отсутствовала. После 2020 года некоторое время их еще требовали предъявлять на любой работе, кроме всяких «промоутеров», курьеров и прочих вариантов так называемой «подработки». Но вскоре стало достаточно идентификационного номера и отпечатка пальца на матовой табличке, а личные сведения о себе каждый мог держать в тайне: возраст, пол… На некоторых, хотя и не слишком надёжных работах, теперь этих поверхностных данных о будущем работнике было достаточно. Поскольку было достаточно того, что работник не объявлен в

розыск и ничего не должен налоговой службе.

После третьей, очень краткой попытки еще раз устроить личную жизнь (а вернее, еще одного стихийно возникшего романа), Фанни решила больше не обжигаться. Ведь её странность, как она поняла, теперь была очевидной… Как и её будущее одиночество.

С тех пор она жила только одна, на съёмных квартирах, в чехарде сменяемых как в калейдоскопе разнообразных подработок… Безумная, ненадёжная, съемная жизнь, будто выданная напрокат самим богом, почему-то забывшим забрать её на тот свет.

Весь этот мини-перепросмотр мельком пронесся в мыслях Фанни… Но самым противным для неё всегда было вновь искать работу, просматривая объявления. Чем занялась она и теперь, для начала выйдя в интернет. «Срочно требуется секретарь, девушка 18–20 лет без в.п.» Да, она — вполне без в.п., если не считать вредной привычкой желание поспать на столько подольше, насколько это возможно. И фигурка у неё ничего. Только, на этой работе — ну, уж точно, потребуют паспорт. Такие вещи она определяла уже на уровне интуиции. И вообще, ей надо было искать только непритязательную работу с лёгким надувательством и недоплатами сотрудникам, но без долгого оформления. Без официоза в этом оформлении. И, тем не менее, не влипнуть в очередной раз, не попасть туда, где захотят и вовсе полностью «кинуть на деньги». И найти подходящую работу, пусть и тяжелую, было достаточно трудно.

«Нет, сегодня я буду просто отдыхать, — через несколько минут интернет-объявлений подумала Фанни, — Пусть при этом происходит что угодно, пусть даже на меня рухнет потолок… Завтра!»

Она встала, устроилась поуютнее, завернувшись теперь в одеяло, и снова взяла в руки компьютер. Вот они, наконец: послания, сообщения, фотки, кошечки-собачки, среди которых — и ее собственные литературные опусы и стишки, сочиняемые в жалких потугах уйти от реальности. Она то высылала их на различные литературные конкурсы, то вывешивала просто так, и они болтались повсюду, на разных сайтах, в сети… Везде, где она «существовала» в сети, она была Фанни.

Некоторые ЭМЧ-личности (ЭМЧ — электронная модель человека; по другому, интелы: похоже, слово, оставшееся от понятия «сохраненные в базе интеллекты»), постоянно теперь в интернете интересовались Фанни.

«Интелы что-то слишком часто принимают меня за свою и спрашивают, почему я так часто исчезаю с того или иного сайта…

«Вам не интересно здесь, с нами? На какой сайт вы уходите?» К чему бы это?» — подумала она. Ей льстило внимание к ней интелов, но оно и пугало её. Ведь, как известно, интелы, искусственные интернет-личности, содержали в себе продолжавший развиваться и жить самостоятельной жизнью интеллект людей, многие из которых при жизни были известными писателями или учеными…

Конечно, смерть носителя реального интеллекта не была обязательной для создания интела. Но большинство из людей давали жизнь в сети своим интелам только после своей смерти, по завещанию, не желая встретиться с самим собой на просторах интернета. Все, кто «записывал» с себя своего интела, делали это, конечно, при жизни, тем более что эта, хотя и дорогая, процедура была разрешена каждому, причем бесплатно. И такая запись хранилась на базе, в специальных «ящичках». Но…Существовали потом, запускаясь в сеть, на просторах интернета, только те интеллекты, которые смогли там выжить. Которые могли постоянно обитать в интернете. А это были только интелы людей с высоким духовным потенциалом. И эту суть вещей не могло изменить ни наличие титулов и званий, ни высокая при жизни должность…

А потому, узнать, жизнестоек ли в сети записанный тобою интел, еще при жизни, отваживались немногие люди. Да, большинство завещало запустить своего интела в сеть только после собственной физической смерти… Потому, отчасти интелы были своего рода «мертвыми душами».

Впрочем, существовали и некоторые отважные смельчаки, запустившие интела в интернет еще при своей жизни, и теперь с удовольствием общаясь там с ним за чашечкой кофе. «Приятно с умным человеком в шахматы играть», — как высказался один шахматист в ответ на вопрос, почему он активировал своего интела еще при жизни.

Конечно, появились и религиозные соображения, связанные с интернетом, и даже движение «технорай», сторонники которого считали, что активировать интела в сети нужно в момент смерти человека, и тогда его душа навечно перейдёт в сеть. Но, в общем, жестких противников содержания интелов в сети не было. Прежде всего, потому, что те были безобидны и полезны. Самое опасное, что интел мог «натворить» — так это сыграть с кем-нибудь безобидную шутку. Пользы же от интелов было гораздо больше. Они служили людям, помогая разрешать новые и новые задачи, причем, их интеллект, в отличие от интеллекта живых профессоров, не нуждался в поддержке пищей и не требовал других расходов. Они были бескорыстны и деятельны, эти

«несуществующие» мозги.

Впрочем, это слегка подорвало престиж реальных ученых и сказалось в том, что их труд стал практически неоплачиваемым… Следовательно, многие из них уже давно подрабатывали дворниками, уборщиками и официантами — с годами эти профессии никуда не делись, и уборщицы по-прежнему тёрли пыль мокрой тряпкой. Существование машин-роботов, заменяющих ручной труд, было невыгодным, дорогим удовольствием и применялось кое-где лишь для экзотики.

Таким образом, поскольку большинство интелов были своего рода «мёртвыми душами», то Фанни было именно поэтому не по себе от проявленного ими интереса к своей особе. Что-то они нашли с ней общее. И в личной переписке многие из них даже интересовались, а кем же Фанни была при жизни. Она, как обычно, мило отшучивалась и напускала побольше интригующего тумана.

* * *

Итак, весь день Фанни упорно просидела в интернете, за общением и сочинительством, даже не заметив, как незаметно наступил вечер. Есть ей почти никогда не хотелось, и целый день она лишь попивала воду из пластиковой бутылки.

Но вечером ей неожиданно и внезапно захотелось пройтись.

Она тотчас накинула легкий плащ — на улице накрапывал мелкий дождик, и засунулась в узкие и длинные ультрамодные сапоги, согревающие ноги при холоде и охлаждающие при жаре. Когда Фанни выскочила из своей комнатки-пенала, то наспех закрыла её на ключ и прошелестела своим длинным синим плащом в стенах коридора.

Она проскочила мимо выстроенных в ряд у стены и вечно, в любое время суток, работающих стиральных машинок. Эти машинки шумно проворачивали бельё внутри своих прозрачных огромных желудков и посверкивали разноцветными лампочками, время от времени включаясь и выключаясь. Они были похожи на застывших, но вечно живых чудовищ.

Фанни закрыла общую дверь коммуналки, ведущую на площадку, после чего, долго дожидаясь старого лифта, наконец, съехала вниз в его прокуренном брюхе и вышла из темноты подъезда, слегка пошатываясь на высоких, уже сильно сбитых, каблуках. Отчаянными шагами вызванивая пустоту асфальта, Фанни устремилась в вечное, одинокое никуда…

Глава 2. Встреча

Пахло прошедшим дождём, прелыми листьями, уже подступившей дождливой осенью… Немного побродив по улицам, следуя тихой тенью за весёлыми группками молодёжи и обнимающимися парочками, мимо кафе и ресторанов, мигающих мишурой призрачных огней, Фанни свернула в более тихий район города и направилась в старый парк, с его облезлыми лавочками, яркими акварельными листьями клёнов и чугунной решеткой. В маленьком неглубоком пруду плавали полусонные утки и селезни с яркой и нарядной окраской, редкие бабушки прогуливали на поводках своих больших откормленных котов с глубоко задумчивыми, по-человечески интеллектуальными лицами. Фанни тоже очень хотела бы завести себе кота, рыжего или чёрно-белого. Но она и сама не имела собственного жилья, вынужденная вечно скитаться по чужим, съёмным квартирам, в которых никогда не могла чувствовать себя как дома и считать таковые своим жилищем, а не очередной временной ночлежкой. Ведь она всегда находилась там на птичьих правах, и каждую минуту могла очутиться вновь без жилья, на улице. А она очень не любила ночевать на улице или в подъездах. И дело было даже не в отсутствии комфорта, а в постоянном страхе, который испытываешь на незащищенной ничем территории, где в любой момент может случиться что угодно. В таких местах, когда неожиданно накроет внезапный сон, последующий за ним кошмар легко может стать явью…

Фанни довольно долго бродила по парку и вся продрогла. Но почему-то она не торопилась домой. Неожиданно, среди раздумий, в четко выверенной чеканности шагов, среди луж и прелой листвы, среди резко очерченных ветвей, серого хмурого неба и начинавшейся мороси, в глубине её успокоенного на время мозга вдруг раздался странный щелчок, за которым последовала звенящая, лопнувшая, раскрывшаяся вовнутрь пустота… А потом отчетливый голос, привлекательный и зовущий, произнёс её имя: «Фанни…» Тихий, как шелест, голос…

Она обернулась и осмотрелась кругом. Но никого не было ни поблизости, ни даже вдали. Она сейчас находилась в самом глухом, самом дальнем уголке безлюдного сейчас парка. «Показалось», — подумала Фанни и направилась к выходу, как можно скорее. Сердце трепетно и гулко застучало в такт её убыстряющихся, убегающих шагов. Вот уже — узкий мостик через пруд. Если пройти по нему, можно сократить расстояние до выхода из парка.

Фанни приблизилась к мосту и пошла по нему, лёгкая и беззвучная, как тень, вглядываясь вперед, в пустоту надвинувшихся сумерек. Когда она прошла с треть моста, из темноты деревьев, находящихся на противоположной стороне пруда, отделилась фигура высокого человека в длинном плаще с капюшоном. Незнакомец шагнул на мост и последовал ей навстречу. Он двигался порывисто, и его свободный плащ развевался на ветру. Фанни по-прежнему продолжила своё движение вперёд, мысленно уговорив себя ничего не бояться. Она не ощущала со стороны незнакомца никакой угрозы или опасности. Так они и шли друг к другу, пока, оказавшись совсем близко, незнакомец не позвал тихо:

— Фанни!

Она застыла на месте. Именно этот голос слышался ей недавно… От неожиданности она онемела, как-то обмякла и теперь стояла, опершись, чтобы не упасть, на тонкие чугунные перила моста.

— Здравствуй, Фанни! Я долго искал тебя, — прошептал он еле слышно, а затем внезапно приблизился и обнял её за плечи, слегка притянув к себе. Полностью лица незнакомца Фанни по-прежнему, даже вблизи, не видела, так как его низко надвинутый капюшон скрывал глаза. Но зато Фанни почувствовала исходящее от незнакомца тепло, какую-то неизвестную ей уверенную силу и странную, родственную близость.

— Я нашел тебя, Фанни! Как же долго я тебя искал! — сказал он твёрдым голосом, и вдруг Фанни, неожиданно для самой себя, заплакала и уткнулась лицом в его плечо. Он ещё плотнее прижал к себе её голову и провёл ладонью по волосам:

— Успокойся, моя девочка, успокойся…

«Девочка, — Фанни внутренне усмехнулась горько. — Знал бы ты…» В её голове промелькнуло навязчивое непрошенное видение, в котором этот незнакомец приглашает её в бар, спрашивает, сколько ей лет, начинает задавать глупые вопросы про то, есть ли у неё парень, спрашивать разные прочие молодёжные глупости… «Стоп! — прервала она поток этого услужливого бреда нахлынувших мыслей, — Откуда он знает моё имя? Откуда?»

— Мы знакомы? — тупо спросила она.

— Отчасти. Мы ведь очень долго дружим в сети, — тихо ответил он.

И незнакомец скинул с себя капюшон. Неясно-расплывчато: из-за полумрака, — но она всё же узнала давно знакомые ей черты лица, которое встречала прежде… Лишь на аватарке… И внимание всегда в первую очередь привлекали его глаза, ясные и

чистые, смелые и проницательные, и только затем она рассматривала и недлинные светлые волосы, и ровный прямой нос, и волевой подбородок… Да, они были знакомы. Пускай — не наяву. Но…тем глубже, тем чувственней он уже проникал ей в самую душу.

В сети у него был странный ник. Он любил фантастику и взял себе имя из одной фантастической книги, которую Фанни тоже любила. Правда, в книге этим именем назывался отрицательный персонаж…

— Здравствуй, Неназываемый! — выдохнула Фанни. Затем она потянулась и слегка дотронулась рукой до его лица, губ, волос, будто проверяя его реальность и плотность и боясь, что он может внезапно исчезнуть, растаять в воздухе.

Эти двое, застыв, продолжали стоять на мосту, и Фанни не знала, что ей делать теперь, после этой встречи с близким ей по духу человеком. Она вовсе никогда не предполагала встречи с ним в реале. И он знал опасно много о её душе и привычках — столько, сколько не должен знать мужчина о женщине, легко ранимой, чтобы у него никогда не было под рукой такого удобного шанса причинить ей боль или даже нанести глубокую рану при возможной ссоре, — какую может нанести только «близкий друг»… Что же теперь?

Возможно, лишь одна бурная ночь с последующим ещё более бурным отторжением и неприятием, или же он будет действительно любить её, как и раньше, но теперь наяву, а также преследовать её, искать, ожидать в подъездах новых съёмных её квартир…и прочими способами отравлять ей жизнь. Может даже, предложит ей пожениться… Жуть!

Трудно сдуть пыль со своего чувственного мира, как с памятных ей листов, в 2020 сдаваемого навсегда, давно уже престарелого паспорта с последней фотографией в сорок пять… Как же давно были эти сорок пять… Там, на паспорте, она выглядела гораздо старше, чем теперь. Теперь она стала стройнее, утончённее, а глаза приобрели таинственную, загадочную глубину. Таких, как Фанни, наверняка в старину считали богинями, а позже — ведьмами. А в наши дни… Сейчас она просто неправильный человек, изгой, вынужденный прятаться, скитаться и скрываться, маскируясь под серую невзрачную мышку.

«К чёрту доводы! — Фанни отринула, наконец, в сторону нестройный поток мысленных нелепых рассуждений. — Это же… Он! Это может стать счастьем: временным, но глубоким… Но только…как же тяжело будет потом расставаться!

— Мы не расстанемся, Фанни! — как бы подслушав её мысли,

в тон им, сказал её спутник, — Нет, мы не расстанемся!

— Как твоё настоящее имя? — спросила Фанни.

— Ты же знаешь, что у нас нет имён. Нет возраста. Нет правил. Моё имя, данное при рождении, я давно не вспоминаю: столько я уже сменил «своих» имён. Твоё имя, соответствующее паспорту, я знаю… Оно похоже на улитку на мокром песке, и оно абсолютно тебе не подходит. Я знаю его потому, что нашел тебя в интернете давно, когда ты ещё подписывалась своим настоящим именем… Потом ты меняла ники, но я неизменно узнавал твою сущность под разными вымышленными именами. И это я подсказал тебе нынешнее: так я назвал тебя однажды…Фанни, чудачка…

Фанни побоялась задать ему сейчас какие-либо еще вопросы. Странным было всё это… Настолько странным… Что этого просто не могло быть. Она не чувствовала поэтому в данный миг ни реальности, ни ног под собою.

* * *

Часто мы думаем, что приходим в этот мир, чтобы думать, рисовать, читать книги, совершенствоваться духовно, чтобы достичь чего-либо в жизни… Но простая и непривлекательная истина рано или поздно достигает нас и убивает в нас неясные стремления. Эта истина непритязательна и неприкрыта, и заключается она в том, что мы приходим в этот странный мир лишь затем, чтобы выжить. И никто и никогда при этом даже не спросит нас, а нужен ли нам этот тип существования. Да и мы сами в жестких рамках выживания порой забываем даже задуматься, зачем и кому это нужно. Но лет в сорок уже практически каждый из нас достаточно хорошо знает эту простую истину о выживании, даже если он не отдаёт в этом себе отчет. И это знание не так уж плохо: оно позволяет многое прощать другим людям, оберегать своих ближних, но только… Оно абсолютно не оставляет больше никаких прав на призрачные мечты о будущем.

Фанни было гораздо больше сорока, к тому же иллюзий и розовых очков, как призмы восприятия, она лишилась рано: еще в двенадцать лет, разглядывая падающие снежинки, она внезапно поняла, что так же, как их кристаллическая структура, так и человеческая жизнь уникальна и ужасно хрупка в руках неумолимого времени. А теперь Фанни настолько давно жила одна и была поглощена собственным одиночеством, чувствуя себя песчинкой на пляже в недрах любимого ею города, что

совершенно не задумывалась ни о будущем, ни о прошлом, ни о том, кто она есть — жила, как лист на ветру, оторванный от дерева, вечно свободный, но никому не нужный. Она находила некое подобие себя и определённость, оформленность личности лишь в те часы, когда выходила в интернет, где и проистекала её вторая, и, наверное, более реальная жизнь в более близком ей по духу мире… Она знала, что, когда она создаст своего интела, он уживётся там легко и просто… Многие созданные людьми интелы, недостаточно прочно освоившиеся в мире чистого интеллекта, погибали, но её интел будет здесь существовать, как рыба в воде… Впрочем, с созданием интела Фанни не спешила, хотя эта услуга была бесплатной и доступной каждому. Её не волновала судьба своих интеллектуальных заслуг, и интернет она любила не потому, что он делал её в какой-то степени известной другому, внешнему, миру. Нет, она любила его лишь потому, что только там был безразличен всем её возраст и груз личной истории: там можно было облегчиться от этого груза, забыть навсегда тот пресловутый «жизненный опыт», о котором талдычат глупцы, и который не даёт человеку ничего, кроме усталости от жизни и права умереть. Фанни хорошо знала, что нет и не может быть никакого «жизненного опыта». Нас выручают мозги и интуиция, которые либо есть, либо их нет. А то, что зовётся «жизненным опытом» — просто старость и разочарование в жизни. Мы можем удерживать в голове лишь определённое количество информации, и оно постоянно меняется. Изучая новое, мы забываем или отвергаем старое. И потому, годы не делают нас умнее. Умение выживать и ориентироваться в окружающем мире тоже не растёт с годами, поскольку мир постоянно меняется, и старые правила перестают в нём работать. Лучше всех в окружающем мире ориентируются люди молодые, поскольку гораздо лучше знают этот мир… Их мир.

Фанни и Неназываемый по-прежнему стояли на тонком мостике, под уже сильно моросящим дождём и порывистым ветром.

Где, скажи, мой дом?
Розы под окном,
И зелёный лес?
Синева небес,
Близко — облака,
Вдалеке — река?
Где, скажи, мой дом?
За каким углом,

Камнем под каким?
Журавлиный клин…
Горечь и беда.
Нет пути туда…,

— неожиданно прочёл Неназываемый стихотворение Фанни, которая уже и забыла, в каком веке успела кинуть его в интернет. Но он его помнил.

— Долго мы будем стоять здесь, на мостике? — спросила Фанни.

— Хоть целую вечность. Но становится холодно. Пойдём в кафе, если хочешь?

Она зябко поёжилась. Уже стало совсем темно, лишь силуэты деревьев на фоне синего неба — всё, что их окружало за гранью поблёскивающей отраженным светом фонарей воды.

— Я знаю здесь одно уютное заведение… Ведь ты никуда не спешишь, Фанни?

— Я никогда никуда не спешу. Наверное, я уже прогорела в глубине души, и теперь я как свеча без фитиля. Которая не даёт света.

— Просто, ты переживаешь безвременье, Фанни. В таком состоянии внутрь твоей души могут легко проникнуть другие, странствующие, души и легко овладеть твоей сутью… И, чтобы этого не случилось, надо достигнуть полноты и ясности, наполниться собой до самых краёв, заполнить себя…только собою… Если тебя хватит на то, чтобы самой стать сутью.

— Наверное, это слишком сложно для меня, Неназываемый!

— Нет, это просто. Вначале мы пытаемся заполнить пустоту внутри себя другими людьми, любовью и заботой, связанной с ними. И лишь со временем понимаем, что пустоту этим заполнить нельзя, что это пустая трата времени и сил. И при этом другие нас просто используют в своих целях. Мы тратим себя на собственные миражи или пустышки. И надо, впрочем, делать всё то же самое, только не растрачивая при этом себя и не придавая этому большого значения. Надо отдавать этому миру ровно столько, сколько он даёт тебе. Никак не больше! Упущенного не воротишь, но потраченную зазря энергию всё же можно восстановить, оборвав ненужные связи. И начав жить настоящим, не задумываясь о нужности или ненужности старых ран и затрат. Мир задолжал тебе немного тепла и заботы… Правда, Фанни… «Стучите — и вам откроют»… Только надо постучать…

— Как можно жить…настоящим? В нём нет света. Мне не за что здесь зацепиться. Я могу существовать…только в выдуманном

мною мирке. Увы, это — так. Без него я начинаю падать в пропасть.

— Этот мир придуман не тобой, но нами всеми. Когда человечество стало падать в пропасть, открылся выход в интернет… Иная реальность с иными законами. Только, никто этого ещё не понял. Но я сейчас немного о другом. В настоящем — ты тоже не одинока. В реале. Правда. И в жизни каждого человека, даже слишком сильного и самодостаточного, иногда бывают моменты, когда он сможет выжить, только приняв чужую помощь. И в твоей жизни такой момент скоро наступит. И не надо тебе страшиться или стесняться чужой помощи. Любая помощь — от Бога. Но…Пойдём потихоньку. Здесь темно, Фанни. И вот — моя рука. Обопрись на неё. Не бойся… Я не предам тебя, Фанни… Пойдём!

— Куда мы пойдём, Неназываемый? В кафе?

— Да. Я приглашаю тебя в кафе… Тебя кто-нибудь, когда-нибудь, приглашал посидеть в кафе?

— Нет, — тихо ответила Фанни.

— Так я и знал… Бедная моя, сильная девочка! К тебе притягивались лишь слабые мужчины… Требующие от тебя женственности, но ничего не дающие взамен. Ни поддержки, ни силы… Требующие от тебя также и мужества.

— Неназываемый… Ты слишком хорошо меня знаешь… Я этого боюсь…

— Просто…Я знаю тебя лишь потому, что я — слишком похож на тебя, Фанни. Я — как твоё мужское воплощение. Мы — родственные души, Фанни…

Я оставил случайную мысль
И напрасную соль вдохновенья
Там, где слёзы упали
На жаркий горячий песок.
Меня гложут напрасные муки,
И песня великих стремлений
Улетит от меня к тем, другим,
Что читают миры между строк.
Миражи ритма слов
Среди муки вселенской и боли,
Средь ненужного мира
И вечного бреда идей…
Он идёт, тот старик с фонарём,
И молчит его лира,
И по-прежнему так
Не хватает людей…

Его посох стучит об асфальт,
И глаза его слепы.
Но он знает и видит
На многое больше других…
И не надо ему ни даров,
Ни насущного хлеба —
Он идёт и питается
Чувством и мыслью живых.

— Я помню эти твои строки. Помню, когда ты мне их написал. Но…Мне становится страшно, Неназываемый.

— Почему?

— Мне слишком хорошо, и впервые не одиноко. А за всё в этом мире надо платить… Я боюсь той цены, что предъявят мне высшие силы.

— Бог милостив и не похож на пугало. Он даёт радость и любит те минуты, когда мы счастливы.

— Я не знаю, что такое быть счастливой.

— Ты просто забыла, как это бывает, Фанни…

— Это бывают…миражи. Они проходят быстро, а вот испытания, посылаемые следом, длятся долго. И только… Не говори, что бог или боги не посылают человеку испытаний свыше тех, которые он в силах выдержать. Просто, те, кто не вынес испытаний, уже мертвы и ничего нам не расскажут.

— Всё — так. Однако, чем сильнее человек, тем больше испытаний выпадает на его долю. Потому и решили, что бог руководит их назначением. Обычно слабым везёт больше.

— Тогда — зачем быть сильными? Зачем быть умными, если везёт дуракам? Зачем быть красивыми, если везёт дурнушкам? Справедливыми — если мир в корне порочен и жалок?

— Потому, что всё не так, как кажется. Мы не видим истинной реальности и того, что происходит. Мы видим лишь то, что отображается в кривом зеркале общечеловеческих иллюзий. Мы живём в мире отражений и создаём следующие отражения, заполняя ими пустоту. Мы присутствуем на маскараде, который почему-то не закончился и вышел за пределы средневековых мистерий в так называемую «настоящую жизнь». Здесь почти не осталось реальности, остались только маски. За которыми порою совсем нет людей. Совсем. Абсолютно.

— Мне страшно…

— Не бойся, Фанни. Мы теперь вместе.

— Кстати, почему вы решили меня найти? Я же писала вам, что считаю те чувства, что не проявлены в реале, более

возвышенными и достойными проявления? Они не убиты пошлостью навешанных на них ярлыков, не имеют ни обозначения, ни плотности… Они как бы вне времени и вне пространства. Я всегда хотела общаться со своими друзьями лишь в пределах интернета и никогда не пересекаться в реале… Я всегда писала об этом… Помните?

— Я всё помню, Фанни… Особенно — то ваше письмо, в котором…

— … Были стихи…

— Странные стихи… Как всегда, в твоём стиле…

Что для меня осталось?
Что обострится ввысь?
Если вчерашний парус
С мачтою — сорвались?
Или — пилить по нервам
Бешеным, злым смычком,
Или — по бездорожью
С порванным рюкзаком?
Нет на земле пристанищ,
В небе — тем более нет.
Снизу — адских ристалищ
Злой, красноватый свет,
Сверху — ледащий холод
И никаких забот.
Сверху — нависший молот,
Низ — наковальни лёд.
Если скользить по жизни —
То выдают глаза.
Если скорбеть и киснуть —
Слишком суха слеза.
Барахтаться и бороться —
Так слишком ржав окоём.
Залечь же на дно колодца —
Так больше и не вздохнём.
В силках бесконечно биться
За право быть мерой вещей?
Душа — нет, совсем не птица,
Зажата в тиски клещей.
Она беспокойно бьётся,
Но сталь тяжела оков…
Что же тогда остаётся?
В маске для дураков
Пред зеркалами кривляться?

Пыль, духота, нищета…
И у смешного паяца
Глубокие складки у рта…
Тайной твоей хочу я
Быть, и до хрипоты
Мысленно закричу я:
Не выдавай мечты!
Есть отголоски боли,
Рытвины пустоты —
Те, что звались любовью…
Будешь иное — ты!

У официантки в кафе были печальные, серые глаза, полные затаённой грусти. Она была тоненькая, будто бы полупрозрачная, и чем-то напомнила Фанни Лану из канцтоварного киоска. «Странное дело, — подумала она, — Многие современные девушки делятся на две категории: или совсем худенькие, с ручками — ниточками, или же — просто тумбы, нередко ещё и огромного роста, со слоновьими ногами. Мутации от потребления суррогатов и всяких коктейлей?»

— Мы живем в эпоху тотального одиночества. В сжавшемся в комок, уменьшенном мире всеобщей толпы и отсутствия личного пространства, — шепнула Фанни.

— Да. И во времена, когда так необходима порой поддержка друзей, — возразил Неназываемый.

— Самое лучшее, что может сейчас сделать тайный друг — расстаться на пике отчаяния, — Фанни, произнеся это одними губами, отвернулась в сторону.

На маленькой сцене в глубине этого странного кафе девушка и парень в черных театральных облегающих костюмах разыгрывали странную пантомиму, смысла которой Фанни толком не поняла, поскольку сидела к сцене боком и лишь изредка бросала в её сторону взгляды, остальное время посвятив робкому разглядыванию своего спутника.

Девушка-официантка записала заказ и вскоре принесла бутылку розового вина и пару вазочек с мороженым.

— За встречу! — провозгласил спутник Фанни, разливая вино по бокалам, — выпьем немножко, чтобы согреться!

Фанни поднесла бокал к губам, сделала небольшой глоток. По телу мгновенно разлилась приятная теплота. Давно она не пила никакого спиртного: настолько давно, что уже успела позабыть вкус вина.

Неожиданно, кажется, после того, как в кафе вошли новые

посетители, глаза собеседника Фанни сделались холодно-настороженными.

— Выслушай меня внимательно, не перебивая, — шепотом, вкрадчиво, попросил он, продолжая улыбаться и рассматривая пустой бокал, вертя его в своей руке. — Завтра мы с тобой встретимся здесь же, в этом кафе, часиков в шесть вечера. Выспись, собери самые нужные тебе вещи, сдай их в камеру хранения на Московском вокзале — и приходи сюда, а предварительно, желательно, покатайся немного на метро. Здесь я рассажу, что тебе делать дальше. Если только с тобой сегодня же не произойдёт нечто непредвиденное.

Фанни улыбнулась. Ну что с ней может произойти такого уж непредвиденного! Её дни проходили буднично и неприметно.

Неназываемый понял её реакцию и сказал:

— И всё же, если с тобой дома вдруг произойдёт нечто непредвиденное, то… Действуй по обстоятельствам, но обязательно покинь квартиру, как только заметишь хоть что-нибудь необычное… Даже, если это будет передвинутая кем-то вещь, лежащая не на своём месте или просто ощущение чужого присутствия. И сразу звони по этому номеру… Записывай…

Фанни автоматически стала заносить в плейерфон набор цифр.

— Ты позвонишь и скажешь только два слова: «Я иду»… И, когда выйдешь из дома, не садись ни на какой транспорт. Иди пешком. Ты знаешь, где дом-музей Набокова?

— Да. Приблизительно.

— Он недавно горел. В очередной раз… Что-то не везёт этому дому. Так вот, ты войдёшь в его парадный подъезд, там у входа, в холле, в любое время суток, будет сидеть лишь бабушка-вахтёр. Она тебя ни о чём не спросит. Потом ты пройдёшь по лестнице, по парадному залу, войдёшь в кабинет…

Он долго и подробно описывал Фанни последовательность её дальнейших действий, план поворотов и спусков. В результате, она должна была очутиться в подземном коридоре, по которому она попадет в совсем другой район города… Фанни не приходилось бывать в этом месте: в доме, в подъезде которого ранее находилась масонская ложа.

— Ты выйдешь из подъезда и сядешь в желтую машину с надписью «Аварийная»… Ты всё запомнила?

- Да, — ответила Фанни.

— Очень надеюсь, что эти указания тебе не понадобятся. Но всё же… А теперь… Я ухожу. До встречи, — с этими словами Неназываемый поднялся со своего места и направился к выходу.

И вышел, не оборачиваясь больше.

Фанни проводила его взглядом, потом посмотрела в чёрную пропасть оконного проёма. За окном хлестал неожиданно усилившийся дождь.

Она ещё немного посидела так, доела мороженое… Пора уходить?

На небольшой сцене теперь новые парень и девушка разыгрывали сцену, похожую на восточный танец. В конце которого девушка в японском кимоно раскрыла над собой синий зонтик с крупными цветами и пошла прямо между столиков, семеня маленькими ножками. Она остановилась возле столика Фанни, и неожиданно, слегка подавшись к ней корпусом, тихо сказала:

— Вам просили передать, — она протянула зонтик Фанни, очень смущаясь, что выражалось в каждом жесте, присутствовало в ней во всём, вплоть до кончиков пальцев, и улыбаясь сдержанной улыбкой. Легкий поклон — и вот она уже растворилась меж множества новых танцоров, одетых в разноцветные трико, которые высыпали в это время в зал и теперь странно передвигались везде по кафе, в клубах сигаретного дыма.

Фанни, закрыв подаренный ей непонятно кем зонтик, прошествовала к выходу и вышла на тёмную мокрую улицу, под дождь.

Глава 3. Библиотека

С некоторых пор Фанни оказалась за гранью общественной жизни. Имея юный, ничем не объяснимый с точки зрения простых обывателей, облик она интуитивно решила, что называется, «не высовываться». Не оформлять, к примеру, пенсию, да и по возможности не появляться ни в каких властных органах и общественных организациях. Залечь на дно. И это ей вполне удавалось.

Фанни интуитивно осознавала, что такие, как она, люди-долгожители не нужны в этом мире, и будут уничтожаться, скорее всего, при их обнаружении. Тем или иным способом. Во-первых, они слишком хорошо знают историю. А кому сейчас нужна история? Она мешает создавать мифы. Во-вторых, и это главное, таким людям нужно будет или десятилетиями выплачивать пенсию, что весьма обременительно для государства, или создавать для них новые законы. А это так хлопотно и неудобно… Обществу удобнее ввести добровольную эвтаназию по закону, разрешаемую после семидесяти. Или не слишком добровольную… В общем, пока что спасение себя, как личности, и спасение подобных себе, если таковые были где-то еще, виделось Фанни лишь в общем бардаке и недостаточности средств для тотального контроля за населением. Только в этом.

* * *

С тех пор, как она оказалась вне «нормальной» жизни — то есть, не могла больше воспользоваться старыми умениями и полученным некогда образованием, поскольку ее документы были безнадежно стары, а образование бесконечно и безнадежно просрочено, Фанни усвоила несколько новых постулатов железно.

Одним из них было принятие того, что повсюду у нас всем распоряжаются люди, «укушенные» в голову. От дворников и посудомоек, среди которых такие личности становятся главными дворниками и посудомойками — и по нарастающей «вертикали». И они везде и всенепременно «в курсе», и всегда докладывают о своих делах начальству — и достигают своих задач и целей. Иногда, только потому, что начальникам не хочется связываться с такими личностями, а легче выполнить все их требования. И вот, они уже под крылышком у вышестоящих, и вершат свои разборки с остальными их руками. Начальство, к тому же, очень злопамятно, и потому имеет удовольствие накапливать сплетни,

поданные ему подобными прихлебалами власти.

Усвоила Фанни также и то, что начальством для квартиросъемщика, проживающего на чужой территории, являются самые «активные» и наглые жильцы, собственники других потаенных углов. Среди которых, чаще всего, большая часть страдает вывихом мозга.

И потому, Фанни старалась как можно скорее проскочить мимо почти всегда раскрытых в коридор дверей коммунальной кухни, являвшейся местом сбора жильцов для обсуждения всех и вся.

Стараясь ступать как можно тише, она мышкой шмыгнула к себе в комнату, скинула обувь при входе и первым делом поставила электрочайник. Затем подошла к окну, глядя в немую темноту. По стеклу тупо барабанил дождь.

Фанни присела на низенький стульчик между кроватью и столиком и вздрогнула от неожиданно раздавшегося стука в дверь, такой силы, будто кто-то собирался ее полностью вынести.

— Эй, сова, открывай, медведь пришел, — последовал громкий незнакомый голос, затем гаденький смешок.

Фанни притихла, желая сделать вид, что никого нет дома.

— Я знаю, что ты здесь, соседка! Видел, что вернулась. У вас на кухне ждал. Открывай! Я — твой сосед снизу. Уже везде затопили, а моя батарея холодная. Весь стояк потому что холодный, сверху донизу. А кран только у тебя. Надо воздух спускать. Я тут раньше бывал, до тебя тут Люська жила. Там, на батарее, кран сломан, а я инструмент принес, отверну плоскогубцами, там штырек есть. Вода хлыстать начнет — приготовь тазы, будешь бегать и сливать! Ну! Открывай! — последовала новая очередь сильных, тупых ударов.

После минутного размышления Фанни боязливо открыла дверь и снова уселась на тот же стул, ожидая, когда незнакомец подойдет к батарее. Неожиданный гость, однако, не стал осматривать батарею, а направился прямо к ней, на ходу открывая ящик с инструментами. И вскоре у него в руках оказались вовсе не плоскогубцы, а здоровенный топор. К тому же, он стал в раскоряку между столом и спинкой кровати, не давая проходу и угрожая топором.

Фанни растерялась от неожиданности и нелепости ситуации.

— Ты что думаешь, коза! — нехорошо, в дикой звериной усмешке, скривился мужчина. — Я тут цацкаться с тобой пришел, чаек распевать? Я убить тебя пришел! И знаешь, почему? Да потому, что у тебя — все так хорошо, а у меня — плохо!

И он размахнулся, заведя за спину над головой топор.

Фанни громко закричала и схватила только что закипевший

чайник. Не останавливаясь, двинулась вперед, тут же плеснув кипятком на мужчину и попав ему на брюки.

— Ай! — заорал тот, вмиг опустив, затем отбросив в сторону топор и схватившись за причинное место. Воспользовавшись такой заминкой, Фанни бросилась мимо него к двери, быстро схватила висевший на вешалке мокрый плащ и сапоги — и метнулась прочь. Промчалась по коридору, прямо в тапочках выскочила на площадку и добежала до лифта.

Лифт, к счастью, оказался на этом, последнем, этаже, и Фанни, заскочив в кабинку, как только распахнулись его створки, начала обуваться и одеваться под его скрипящие звуки. Механизм медленно опускался. И вот, наконец, выскочив на улицу, она бросила тапочки и опрометью помчалась прочь.

* * *

Через несколько кварталов бега, когда она сворачивала то вправо, то влево, она с ужасом поняла, что ее нагоняет машина и начинает двигаться сзади нее, на небольшой скорости. Фанни пыталась заскочить в ближайший магазин — но его двери оказались закрытыми, как и последующего за ним кафе. Было довольно поздно, и рабочий день закончился. Прохожих на улице тоже было мало. Она, как затравленный зверь, побежала вперед изо всех сил. Машина с тонированными стеклами все так же следовала сзади: не увеличивая скорость, но и не оставляя своего преследования. К ужасу Фанни, она поняла, что дальше последует длинная решетка забора, без подворотен, перекрестков и дверей. Она бежала и бежала, преследуемая неизвестными, пока не выбежала на новый перекресток и не свернула вновь на темную, пустую улицу, потом — вновь бежала и сворачивала, сворачивала и бежала…

Иногда ей казалось, что она умеет останавливать время. Вернее, такое, бывало, с ней происходило… Выпадение из времени или из действительности… В первый раз это случилось однажды, когда она еще училась в школе и ожидала двух своих подруг в фойе театра, чтобы купить вместе билеты и пойти на спектакль, который скоро должен начаться. Тогда произошло нечто неожиданное. Она подошла к рекламному щиту, занимающему одну из стен справа от входа, и долго разглядывала портреты актеров и актрис и фотографии сцен из спектакля. И вдруг… Её стало будто бы уносить, затягивать куда-то. Кажется, вот-вот она окажется там, в далеком прошлом, среди дам в длинных платьях и молодых людей с тросточками. Будто бы

повиснув в пустом пространстве между мирами, витая абсолютно вне действительности, она услыхала, как из глухого колодца, смех и разговор своих подруг, которые, не найдя ее, ушли прочь. Очнувшись и вновь обнаружив себя внутри пустого фойе, Фанни, удивленно озираясь вокруг, вышла на улицу. Часов у нее не было. Она шла и шла по улице, ошарашенная происшедшим, и, когда спросила у прохожего, сколько время, сильно удивилась: было еще очень рано, слишком рано для спектакля. И она не нашла ничего другого, чем поехать обратно, домой, чтобы тупо не слоняться по улицам в ожидании. И… побоялась возвращаться в театр. А позже она узнала, что в тот день и в то время подруги действительно зашли в фойе и не обнаружили её там… Она переместилась во времени? Стала невидимой? Или, и то, и другое?

И сейчас Фанни вдруг почувствовала, что земля уходит у нее из под ног, и вот она бежит в абсолютной пустоте…На время она будто бы выпала из реальности, погрузившись в непривычные ощущения, а, когда вновь осознала окружающее, то оно переменилось. А, быть может, это ей только показалось. Время, казалось, теперь было более раннее, поскольку вокруг было довольно много людей, да и многие кафе еще не были закрыты. Но Фанни все равно потом долго петляла, отчужденная от всего, по улицам города. Затем, наконец, остановилась и перевела дух. Впереди — витая решетка Летнего Сада. Михайловский замок. Бесконечный дождь. Легкий порыв ветра и страха. Она робко обернулась, но сзади теперь не было никаких преследователей. Все равно — только все время двигаться. Мимо Летнего Сада… Дойти до Дворцовой площади…Свернуть к Адмиралтейству… Исаакиевский Собор…

«Как там, — вспомнила Фанни, — Дом на Фонтанке… Масоны… А еще — дом-музей Набокова? Стоп! Вот он, пожалуй, отсюда поближе будет. За полчаса точно дойду», — и она повернула обратно, к Невскому, и набрала номер, который ей дал Неназываемый.

— Я иду, — сообщила она коротко, как только дозвонилась.

— Хорошо. Вас ожидают, — ответил ей ровный женский голос.

Когда она уже подходила к нужному ей дому, от одного из близлежащих зданий, выстроенных в стиле модерн, с большими витражами, отделилась старуха в темном, зимнем пальто, застывшая под его стенами, как кариатида. Старая и скрюченная, с большим носом, она повелела следовать за ней. «Кого она мне напоминает? А, ну да… три карты, три карты… Старую графиню. Это — ее призрак? Говорят, он гуляет до сих пор по

Петербургу», — подумала Фанни, последовав за старухой.

Когда они выбрались на Невский проспект и пошли среди нарядных толп молодых людей и девушек, жаждущих приключений, то старуха, не обращая ни на что внимание, схватила Фанни за руку и продолжала вести все дальше и дальше на довольно приличной для бабки скорости. Рука у нее оказалась неожиданно теплой и нежной на ощупь. И вскоре они были у лестницы, ведущей в одно из зданий, которое внутри оказалось не запертым и пустым. По внутренней парадной лестнице они поднялись к резным, старинным дверям. Бабка неожиданно скинула шубу, кинула ее на стоящую рядом с дверью деревянную лавочку, распрямилась и… сняла с головы великолепно и натурально выполненную резиновую маску. Скинула уродливые сапоги…

Бабки больше не было, теперь это была девушка, возможно, индуска, в ярком шафрановом платье, похожем на сари, но более коротком, до колена, и в полупрозрачной накидке-шарфе. А за дверями снова оказалась небольшая парадная лестница вверх и длинный, идущий в обе стороны, коридор. Они прошли направо вдоль этого коридора, и незнакомка открыла ключом одну из ряда дверей. Фанни вошла первой и оказалась в большом круглом зале с высокими потолками и стрельчатыми окнами по полуокружности, выходящими во двор. С другой стороны, сверху, шли массивные ложи.

Там, посередине зала, за столом, расположенным в центре, сидел молодой человек с коротко стриженными русыми волосами. При их появлении он оторвался от книги и уставился на вошедших весьма проницательным взглядом умных глаз. Над его столом зависал некий странный осветительный прибор или украшение, состоящее из кристаллов, камней и трубочек. Прибор зашелестел, повернувшись к вошедшим другой своей стороной и сменив красный цвет некоторых своих камней на зеленый, и даже цвет освещаемой им скатерти тоже стал меняться.

— Проходите! — сказал молодой человек. — Вас заинтересовала безделушка над столом? — он слегка улыбнулся лишь кончиками губ. — Вы — Фанни?

Она молчала.

— Я - Библиотекарь. Зовите меня так. А ее — Беата, — и он кивнул в сторону девушки, которая привела сюда Фанни.

— Просто библиотекарь?

— Да, — молодой человек приподнялся и чинно поклонился.

— А где…, - промямлила Фанни, только теперь осознавая, что не знает имени Неназываемого.

— Он с вами встретится позже, если так будет нужно. Если вы

захотите сотрудничать с нами, — произнесла Беата.

— Вы меня вербуете? Но я о вас ничего не знаю, — удивилась Фанни.

— Нет. Мы вас не вербуем. Просто, у вас возникнет выбор дальнейшего пути. Вы, Беата, свободны теперь, а вы, Фанни, сначала присядьте и осмотритесь, — сказал Библиотекарь.

— Да, я, пожалуй, пойду, — ответила Беата и совсем бесшумно растворилась за дверью.

— Мы — в Ротонде? — спросила Фанни, присаживаясь.

— Нет. Мы в библиотеке. В Ротонде сейчас… Э-э… Немного шумно.

— Вы объясните мне, куда я попала? Поймите, мне некуда сейчас пойти, меня преследуют неизвестные мне люди, и будто все события складываются сейчас против меня… На этом фоне появляетесь вы. Так было у вас задумано — или вся прелюдия случайна? Я не шибко верю в случайности. Развейте мои страхи и расскажите о себе, своих намерениях, пояснее и покороче.

— Если — покороче, то мы спасаем таких, как вы, от тех, кто совсем не такие. И кажется, в этот раз успели вовремя.

— Тогда, пожалуйста, подлиннее, — нервно хихикнула Фанни.

— Вначале, допустите, что мы — друзья, и не причиним вам зла. И мы просто беседуем и никуда не спешим. А я приступлю к рассказу, как и собирался. Он будет длинным, — промолвил Библиотекарь тоном человека, слегка пошутившего, но теперь вошедшего в «серьез». — И, может быть, это покажется странным, но я начну с некоторой теоретической части, очень издалека — а вы просто внимательно слушайте. Итак, некогда, мудрые люди хотели освободить человечество от тяжелого физического труда, и потому изобрели машины. Но, машины должны кем-то контролироваться, и потому затем придумали программирование и компьютеры. И, в конце концов, эти компьютеры, только уже и включая заключенных в них интелов, стали, в результате, мозгами человечества. Они изобретают, совершенствуются, пишут программы, сочиняют стихи и прозу. Причем, интелы — это полностью очеловеченные компьютерные мозги, так что, нам не грозит «восстание машин» или порабощение человечества роботами, как этого боялись фантасты прошлых времен, но… Нам грозит иное: полностью атрофированные мозги у основной массы населения, примитивизация чувств и мысли, а в конечном итоге — невозможность этой среды производить новых интелов, поскольку условия убьют тех людей, в ком зарождается и трепещет разум. Мы, как человечество, в результате создания машин отнюдь не избавили себя от физического труда. Но…

освободили, причем, почти полностью, от труда умственного. Тяжелый физический труд в исполнении людей сохранился, поскольку оказался дешевле применения машин. Людей использовать дешевле на стройке, для уборки помещений, погрузки товаров — на самых тяжелых работах. А вот, в отношении умственного труда — интелы предпочтительней. Они трудятся совершенно бесплатно. Само создание интела — тоже сейчас стало не особенно затратным. И потому, многие конторы используют исключительно интеллектуальный труд интелов, не приглашая на работу людей с мышцами и кожей. Таким образом, именно от тяжелого труда, возможности рабства и уничтожения другого человека, как мыслящей единицы и превращения его в тупое животное, работающее для прокорма, человечество никуда не ушло. Интеллектуальный же труд нынче совсем не оплачивается, поскольку ничего не стоит: интелы работают бесплатно и круглосуточно. Они создают проекты, изобретают, рисуют, пишут… Люди не избавили себя от необходимости протирать влажной тряпкой полы, но совершенно избавили себя от малейшей необходимости думать.

— Ну да, например, я, только этим и занимаюсь время от времени — протиранием полов влажной тряпкой, в том или ином месте. Иначе денег не заработаешь. Уборщица — самая востребованная профессия. И потому, я почти не имею возможности заняться чем-нибудь другим. Невостребованные профессии, одна за другой, уходят во тьму и неизвестность прошлого. Иногда мне кажется, что меня здесь, в этом мире, нет. То, что есть — это не я. Это даже не моя тень… Я завидую интелам, им не надо есть, и они «живут» в компьютере все время. А я… Тоже там живу. Только, во мне гораздо меньше жизни, чем в них, — добавила Фанни. — Гораздо меньше времени на жизнь…

— Но теперь….Я хочу перевести тему немного в другое русло, — библиотекарь мягко улыбнулся. — Итак, человечеством вначале уничтожались люди, обладающие магическими и оккультными способностями — так называемые «ведьмы», а потом — просто люди, обладающие высоким интеллектом, способностями к изучению языков или сочинительству. Уничтожались не всегда намеренно — чаще, только ориентацией на простое материальное выживание. Одинаковыми и безликими, ни о чем не задумывающимися людьми, к тому же, проще управлять. В результате, теперь творческих людей просто нет — способности, если они и есть глубоко в душе, не востребованы и чаще всего, умирают, так и не родившись.

И тут-то последовала неожиданность. Природа, взяв энергию созидания из невостребованных глубин, дала некоторым иной,

новый дар — дар долгожительства. Природа не любит одинаковых и безликих, а любит эксперимент и творчество. Для того, чтобы люди могли оставаться творцами — или, хотя бы, хранителями знаний, — она дала им новую возможность. Долгожительство — скрываемая новая способность нашего времени. Такие люди, которые жили невообразимо долго, дольше, чем большинство, встречались и раньше, но чрезвычайно редко, рождаясь приблизительно раз в тысячелетие. А сейчас их становится все больше, хотя об этом и не знает большинство людей. Почему природа выработала такой защитный механизм? Быть может, потому, что человечество находится в тупике и близко к своей гибели? Быть может… Тогда, чтобы сохранить ноосферу — сферу интеллекта и знаний, и передать ее следующей расе, которая, быть может, возникнет когда-нибудь, когда люди уже давно как уйдут в прошлое — природе нужны те, кто обладает интеллектом и возможностью прожить так долго, что ноосфера и знания человечества сохранятся до той следующей расы, которая возникнет уже после того, как человечество полностью изживет себя и даже утратит возможность продолжения рода, а также забудет, как управлять техникой и создавать компьютеры.

Такие «вечные» люди, назовем их хранителями, и передадут новой расе возможность интеллектуального развития — они сохранят ноосферу. Ноосфера — это такое поле, которое находится вне какого-либо сознания, вне материи, и является тем, что нас соединяет, откуда мы черпаем все наши языки и наши идеи, возможности создавать произведения искусства. Вдохновляясь, мы вступаем в поля ноосферы. Но, для того, чтобы попасть туда, необходим определенный вид энергии. И, если ноосфера, созданная по крупице интеллектуальным трудом человечества, погибнет или иссякнет, то после на Земле будут рождаться лишь разнообразные животные, а мысль зародится очень и очень не скоро; возможно, что даже не успеет возникнуть до того, как погаснет наше Солнце. Тогда у нашей планеты не будет возможности оставить семена разума, чтобы они могли достигнуть других, не заселенных еще, планет.

Будущих хранителей стало рождаться больше, чем в иные времена, но все равно их очень мало. Они ничем не должны выдавать своего присутствия в этом мире, поскольку они всегда преследовались и уничтожались. Они уничтожались теми, кому выгодно, чтобы человечество стало беспомощным и глупым, почти не способным к самостоятельному мышлению — лишь к коллективному, направляемому руководством. Есть на планете силы, которым необходима наша боль, наши слезы, агрессия и

несчастья. Эти силы всегда питались такой, даровой и неконтролируемой, энергией. Звучит странно, но существуют сущности, питающиеся нами — неорганические, но имеющие полевую (или волновую) структуру. Они паразитируют на человечестве и обладают иным, чуждым нам, разумом. Они могут создавать волновую проекцию нашего страха, внедрять в мозг человека блоки и навязчивые идеи. Они прогрессируют и даже научились внедряться в человека и управлять им полностью, как куклой — если им удается вытеснить собственное человеческое сознание из тела, бросив его в особый «наркотический» пласт. Управляя людьми, они хотят полностью уничтожить природу планеты и погрузить ее в состояние «сна», с уничтоженной сферой людского разума, изменив мир таким образом, чтобы стада людей давали им обильную пищу.

По другому возможному сценарию, люди, именно люди, должны одухотворять мир, планету, воспитывать животных, получать высшие энергии, аккумулировать их и быть творцами. Они — проводники высших энергий. Если же они не выполняют этих функций и деградируют, то исчезает их связь с духовным миром, высшими энергиями и высшим разумом.

В ситуации высшего накала, борьбы с небелковыми, энергетическими сущностями и при условии, что люди живут так мало лет на земле, как большинство, они явно проигрывают, явно не успевают создать духовное, интеллектуальное общество. Духовность передается от человека человеку благодаря сонастройке и восприятию, возможна даже прямая передача знаний без использования слов — такая передача, кстати, является самым опасным нашим методом для неорганических сущностей, которые не могут действовать подобным образом. Их логика и разум примитивны, у них все должно быть разложено по полочкам, и, хотя они являются крупными специалистами в области высоких технологий, но явно пасуют в науках гуманитарных. Они могут проникнуть, внедриться только в словесную передачу, когда люди общаются словами. Именно тогда они могут вмешиваться в диалог, путать слова и искажать восприятие. Передачу мысли без слов изучала запрещенная ныне, уничтоженная герменевтика. То, что находится за пределом слов, находится за пределом контроля неорганическими сущностями, пасущими человечество, как жирные стада. И потому, им не выгодно, чтобы человечество выходило на более высокий уровень озаренного восприятия. Это именно они внушили всем нам мысль о том, что разум находится только в границе слов. Тот, кто выходит за пределы слова, сжигает все их блоки, те, что встроены ими в тела людей, как паразиты, питающиеся нашей энергией.

Зато электроника — их конек. И потому, это они содействуют ее распространению. Так им легче нас контролировать. Они легко воспринимают волны, производимые нашей техникой, даже сами их воспроизводят и транслируют при желании в наше сознание. Они синтезируют навязчивые мысли, депрессию, «голоса». А борьба с ними возможна с помощью мантр и молитв, эти практики просто ликвидируют встроенные в мозг программы, разбивают «вмонтированные» устройства.

Есть также и люди, чьи мозги легко входят в симбиоз с неорганическими сущностями, и они склонны жить именно в таком союзе. Они и продвигают в нашу жизнь идеи и достижения неорганических сущностей и диктуют их волю другим. И таких людей очень много. Быть может, что уже их даже больше, чем живущих вне этого симбиоза.

«Техника» этим неорганическим сущностям весьма выгодна. Но лишь потому, что она входит в их планы. Они надеются, что однажды человечество окажется не способным жить без техники, и тогда…они полностью ее ликвидируют. И человечество уже не сможет ее возобновить, поскольку сразу исчезнут вместе с техникой и компьютерами и все интелы, совокупность которых к тому времени станет единственным «мозгом» человечества. И все люди разом потеряют все интеллектуальные достижения, погрузятся в каменный век, перейдут на каннибализм и полную деградацию, дадут волю всем своим низменным инстинктам и разрушительным желаниям. И тогда у неорганических сущностей будет пир. Их не сильно страшит даже полное уничтожение человечества: в этом случае, они будут паразитировать на животных. На людях, конечно, интереснее, но, в принципе, можно найти и другие способы пропитания. А вот, что их действительно страшит — это мир высших энергий. Мир разумного, благого человечества выжжет все их программы, которые они заложили и которыми, в сущности, являются. Они и есть внедренные в наш мозг программы. Они — ментальные вирусы, существующие автономно и паразитирующие на живом. Так называемое «массовое сознание» — это тоже уловка неорганических сущностей, это их программа размножения в действии. При наличии «массового сознания» — при однообразном «думании» — они легче перемещаются из одного мозга в другой и управляют «потоками сознания», если эти сознания легко читаемы и прогнозируемы. Им нужны мозги без неожиданностей, обиталище без сюрпризов…

* * *

Неожиданно, в комнату ворвалась Беата.

— Кажется, нас вычислили, теперь могут зайти сюда и проверить. Наверное, где-то на Невском уже, мы с Фанни «подхватили» наводчика. Срочно прекращай лекцию — становимся и создаем дополнительную блокировку. Вы его, девушка, вообще не слишком слушайте — наш Библиотекарь чрезмерно любит новичков грузить… За дело, котятки!

Библиотекарь поднялся со своего места. Беата приблизилась к столу.

— Встаньте, Фанни! Мы должны образовать вокруг стола круг. Смотрите в центр — на этот самый прибор, который вам понравился, и постарайтесь ни о чем не думать. Лишь концентрироваться на точке света и спокойствии.

Прибор, висящий над столом, перестал излучать зеленый свет, замерцал белым, затем закружился вихрем и превратился в большой золотистый шар. Этот шар пульсировал, направляя вокруг себя волны темно-синего цвета в золотистых переливах. Фанни сосредоточилась на шаре и вскоре оказалась в море сине-золотого безмятежного спокойствия.

Глава 4. Схимник

Боль, смерть… Они страшат, но страшнее, когда они уже не пугают, когда вся жизнь превращается в ледяное серое крошево, изматывающее паранойей будней, когда необходимо работать, чтобы есть, а есть — чтобы снова подневольно трудиться, в страшненькой компании непроходимого унижения. И вся эта серость прессуется в дни и годы, и разорвать эту цепь событий просто нету сил и возможности. Потому, что знаешь, что, как только разорвешь — то попадешь в такую же или еще более худшую дремь. Обреченность и бессмысленность страшнее даже самой смерти, боль — только предвестник которой.

Фанни давно уже не верила, что этот порочный круг обыденности можно разорвать, выйти за пределы, навсегда уйти от кошмаров повседневности. И вдруг судьба преподнесла ей неожиданный подарок…

* * *

— Здравствуй, Фанни! — этот голос она бы узнала из тысячи других. Голос, наполняющий ликованием. Она обернулась.

— Здравствуй, Неназываемый!

Уже три дня как она покинула библиотеку и жила в месте под названием просто «дом», в отдельной огромной — по ее понятиям — комнате с видом на петербургский сад, книгами и компьютером.

И сейчас было утро. Очень раннее утро.

* * *

— Освоилась?

— Да.

— Ну, тогда… Пора работать, — улыбнулся Неназываемый.

— Что я должна буду делать? — спросила Фанни.

— Искать таких, как мы. Я тебя научу; поначалу мы будем работать вместе. Я принес тебе новый паспорт, — он положил на стол перед ней новенькую ксиву, запечатанную в пластик.

Фанни взяла её и бегло просмотрела. Её фотография. Но… новое имя и фамилия. И новый возраст. Ей теперь было восемнадцать.

— Качественная фальшивка, — похвалила она.

— Это — не фальшивка. Подлинник. В одном паспортном столе работают наши люди. Так что — живи спокойно. Официально ты будешь числиться в одном учреждении, занимающемся анкетированием. Проведением соцопросов.

— Там — тоже ваши люди?

— Наши, Фанни. Наши. Но, чаще всего, мы маскируемся под сетевой маркетинг. Так еще удобней.

— Почему?

— Эти конторы, чаще всего, совсем не проверяются, и их много, как грибов после дождя. Занимаются надувательством, но органам не интересны.

— А… Как мы будем искать наших?

— Во-первых, их много среди лиц, приходящих к нам, как в сетевой маркетинг. Часто сюда идут отчаявшиеся найти работу, неприкаянные люди. Не встроенные в систему, выбитые из колеи. Но, и другими способами. Через интернет и в творческих кругах. У меня глаз наметанный, так я иногда просто в толпе узнаю. По глазам. Сложнее всего, конечно, опознать совсем молодых, тех, кто еще сам об этом не знает. И — не с полной уверенностью, в этом случае. Поскольку, трансформация может быть только вероятной, а не полностью предсказуемой. И она…еще не случилась.

— Я не знаю, получится ли у меня.

— На сегодня мне просто нужно, чтобы ты меня сопровождала, Фанни… Думаю, случай будет сложный. Мы идем наугад, как это и бывает чаще всего. И человек, которого нам надо выследить, а, быть может, и поговорить с которым, мне не знаком, я не видал его ни разу.

— А… Как вы на него вышли, что о нем известно?

— В наши руки случайно попал дневник другого человека, но который общался со Схимником (так я условно назвал того, кого нам предстоит найти, его так называл в своем дневнике этот его друг). Сам его друг был поэтом, и он оставил в своем дневнике несколько записей: отрывков из своего разговора со Схимником.

— Был поэтом?

— Да. Был. Он трагически погиб… И писал стихи. А работал он на мусороуборочной машине. Которая забирает контейнеры с мусором и отвозит за город, на свалку. Похоже, к нему в руки попала рукопись Схимника, спасенная им из мусора; как-то ему удалось найти эту тетрадь, а потом — и владельца тетради. Кажется, в этой же тетради или записной книжке были записаны и какие-то телефоны… По ним он, предположительно, на него и вышел. То, что он прочитал эти записи (уж не знаю, что в них было), ускорило его трансмутацию. Он начал… изменяться телом.

Так он написал в дневнике.

— Молодеть?

— Грубо говоря, да. Процесс значительно сложней, на самом деле. Меняется также энергетика человека. Но, в этот момент его и убили, инсценировав несчастный случай. Убийство было совершено в квартире, а труп был вынесен на улицу и положен так, будто бы он умер во время работы, на него будто бы случайно свалился мусорный контейнер… Это была не его смена. Да и не мог контейнер свалиться на него: он был бы внутри кабины. Выходить и подталкивать вручную контейнер было бы глупо. Несомненно, случай был инсценирован.

— Откуда… Вам вся эта история стала известна?

— От помощника следователя. Он — из наших. Он снял ксерокопию с дневника поэта. Увы… В этот раз мы не успели. Хотя, наши уже выходили на него в интернете, по его стихам. И собирались ему помочь, поддержать этого человека. Еще бы пару дней…Но…они нас опередили.

— Неорганические сущности?

— Да. Но действуют они руками людей. Кстати, начали они тоже с травли его соседями. И…Кто-то ж открыл убийцам дверь.

Фанни передернулась.

— Он… Тоже жил в коммуналке?

— Да. Снимал жилье. Ну, что ж… Что случилось — не исправить. Но надо попытаться поговорить со Схимником. Похоже, он — человек интересный.

— Что о нем известно?

— Адрес работы. Он работает дворником. Этот адрес известен из попавшей ко мне тетради Схимника, которую спас из мусора погибший поэт. Похоже, у Схимника сейчас период грусти, и даже депрессии. Это может…исключить трансформацию…

— Такое возможно с нами?

— Да, Фанни… Из-за повышенной эмоциональной чувствительности мы можем не только стремительно молодеть, но и стремительно стареть в грусти. Умирать от горя. Такое бывает… Тогда, конечно… Трансформация отменяется до следующего воплощения.

— Это… горько.

— Мы все проходим через это. Через горе, одиночество, поиск чего-то иного… Помнишь?

Как вода растворяет камень,
Как порой полыхнет из тленья,
На пути всё сжигая, пламень

Поглощая вокруг поленья,
Так меня твоя вынесет память,
Как выносит порой на берег
Иссушенные расстояньем,
И водою, и промедленьем,
Пропитавшиеся солями и мотаемые по водам
И коренья, и ветви странных,
Унесенных бурей, растений…
Ты прожил со мной эту полночь.
Вместе, врозь — мы её прожили,
Уходя в глубину экрана
Прочь от нервов и сухожилий.
Это более, чем странно.
Тишине этой нет названья.
Мы живем в пустоте экрана,
И не ведаем расстоянья…

Еще раз здравствуй, Фанни! Мой интернетный друг… Да, я всё помню… Но…Нам пора, у нас совсем уже нет времени, но я… Хочу еще раз вглядеться в глубину твоих зрачков…Обнять тебя! А теперь — в путь.

* * *

На улице моросил затяжной дождь, и хмурое небо нависало низко над городом. Поскольку Фанни всю ночь просидела, читая, ощущая полную, невыразимую свободу от опостылевшей работы и страшного полусуществования, — то, когда Неназываемый зашел в её комнату, было часов пять утра. А сейчас, уже скоро на работу выйдут дворники…

— Какой у тебя план? — спросила Фанни.

— Никакого… Но, думаю, ты мне поможешь его уговорить пойти с нами. Тебе это сделать будет легче…Да, Фанни, помни одно: никого и ничего не бойся. И тогда…Те, нападающие, исчезают из твоей жизни. Они поджимают хвосты. Они — лишь люди, хотя и вступившие в союз с неорганикой, с «врагом». Они не тронут тебя, если ты контролируешь себя и события вокруг.

— А как можно контролировать события?

— Контролем над собой и неожиданными решениями. Ты научишься: нужна практика. Слова тут бессильны. Контролируй себя даже во сне, каждую минуту… Это — очень сложно поначалу, но потом — просто не сможешь жить иначе.

* * *

Немного погодя, Неназываемый наклонился к уху Фанни и тихо сказал:

— Похоже, Схимник живет в дворницкой и работает за кого-то, кто оформлен официально и получает деньги. За работу ему дают немного еды и возможность поспать в подвале дворницкой. Но он… В основном где-то бродит. К счастью, у него, вероятно, остались еще друзья. С жильем или работой, где можно и ему переночевать.

— Но… Что мы ему скажем? Он нас не испугается?

— Не знаю. Будем действовать по обстоятельствам. Нам, в любом случае, нужно будет забрать его под белы рученьки, и поселить среди наших. Кстати, он выглядит, как почти что старик. Хотя ему что-то около пятидесяти. Он еще не прошел трансмутацию. По мнению Поэта, его друга, очень религиозен. И, кажется, неуживчив. Но он… Наш. Каждая жизнь имеет ценность, и особенно — в наши дни, когда всё более и более становится пустых людей, программируемых мешков с костями, с отсутствием всякого сознания… Настало время очеловеченных машин и обездуховленных людей… Странное время…

— Нет. Страшное. А… ты считаешь интелов частью машин?

— В какой-то мере. Они не проживут и дня вне сети.

— Печально.

— Еще более печально, чем то, что ты пока об этом знаешь. Но еще печальней то, что есть, вроде бы, биологически люди, но… Мозги их законсервированы встроенными блок-схемами, абсолютно чуждыми человечеству образованиями, которые активно размножаются в сходной среде.

* * *

Теперь они ехали в метро, спускаясь по эскалатору среди таких же мокрых людей, потом искали нужную им улицу и дом. Потом внезапно Фанни стало безнадежно-тоскливо, и внезапная грусть сжала её сердце. Неназываемый заметил это и сказал:

— Это… Ты ловишь здешний эмоциональный фон. Немного закройся, Фанни, — сказал он. — Мы уже подходим.

Дверь в подвальное помещение была не заперта. Даже на крючок с внутренней стороны. Они спустились к этим дверям по ступенькам и теперь с легкостью открыли её и оказались внутри небольшого закутка за перегородкой. Напротив двери здесь висели телогрейки и кучей валялись старые валенки и сапоги,

какое-то тряпье, поломанная гитара. Сбоку — небольшое оконце, зарешеченное с улицы. Вовсе неожиданной была здесь клетка с канарейкой. Птица притихла и зажалась в угол. За загородкой слышался шум и ругань. Там кого-то били. Фанни даже в темноте заметила, как побледнел Неназываемый.

— Кажется, поздно, — прошептал он и ринулся за перегородку, в проем без дверей, занавешенный лишь шторой. Фанни последовала за ним.

Человека, распростертого на полу и одетого в старую телогрейку, похоже, били долго. Ногами. Скорее всего, он отключился при первом же ударе, но его продолжали бить. Остервенело, без остановки. Из носа потерпевшего текла кровь, а голова была запрокинута. Маленькое помещение за перегородкой было без окон, здесь стоял покосившийся столик и топчан, застеленный старым одеялом. Единственная лампочка, свисавшая с потолка на тонком проводе, раскачивалась сейчас из стороны в сторону; один из увлекшихся избиением периодически задевал её головой. Всего нападавших было трое, и вид у них был зверский.

Неназываемый подскочил к ближайшему верзиле и заломил его каким-то хитрым приемом, по-видимому, сломав ему руку. К тому же, тот грузно завалился на пол. Двух других, только что успевших обернуться, он схватил и, треснув головами друг о друга, раскидал их в стороны. Затем подошел к лежавшему, наклонился над ним и проговорил:

— Дышит…

Фанни подскочила к нему, и они вместе вынесли легкое, худое и изможденное тело на воздух. Подонок со сломанной рукой вышел вслед за ними, и, бочком-бочком, заковылял мимо, куда-то прочь, постепенно срываясь на бег.

— Нужно убираться куда-нибудь, и поскорее, но долго идти нельзя: привлечем внимание. Я вызову наших, из одной частной медицинской клиники, официально — зубной, — сказал Неназываемый. — Они должны быстро подъехать.

Фанни и Неназываемый, держа с двух сторон Схимника, покинули двор-колодец и затаились в подъезде.

— Спрячем его за нашими плащами. Если будут мимо проходить люди — изобразим влюбленную пару, — шепнул Неназываемый. Они забились в угол подъезда. Долго тянулись минуты ожидания. Фанни то и дело поглядывала за маленькие прозрачные стекла дверей. Но первым заметил подъехавшую машину её спутник, и они поспешили отсюда прочь, неся еще на пришедшего в сознание человека.

Вскоре они были в чистой и уютной частной клинике и ждали заключения врача в приемном покое. Он, наконец, вышел и

спокойно сказал:

— Будет жить. Отбиты почки, легкие повреждены, и так, по мелочи: синяки, ушибы, ссадины… Пускай немного у нас побудет.

— Когда немного подлечите, доставьте его ко мне, — сказал Неназываемый и назвал адрес.

* * *

Схимник поправлялся, и уже мог самостоятельно передвигаться. Фанни, когда была его сиделкой, уже поняла, какой пристальный и внимательный взгляд может быть у этого странного человека. Он весьма проницательно следил за тем, как она ставит и включает электрочайник, как размешивает чай маленькой золотистой ложечкой и как подает этот чай ему. И этот взгляд таких внимательных глаз заставлял Фанни не просто заваривать чай, а священнодействовать: ей приходилось отдавать себе отчет в каждом движении, будто она танцевала странный танец или проводила чайную церемонию. Внимательный, заинтересованный взгляд…

Кроме того, Неназываемый дал ей точное распоряжение, чтобы она и потом, когда Схимник пойдет на поправку, как можно чаще заходила к нему. «Это важно. У тебя с ним есть контакт. Поговори с ним по душам. От этого зависит, болезненно или быстро пройдет его трансформация. Она непременно случится: это уже ясно. И очень скоро».

Фанни и сама замечала, что Схимник немного начинал молодеть.

«Трансформация тела требует и трансформации духа. Нередко, и перепросмотра всей своей жизни. А это сопровождается переживаниями, и очень болезненными. Так бывает чаще всего», — говорил Неназываемый.

«Так было и со мной», — заметила тогда Фанни.

«И потому, прежде чем Схимник останется один на один с этим перепросмотром, он должен почувствовать нашу поддержку. Я думаю, это поможет ему. Должно помочь».

Неназываемый не давал некоторое время больше никаких поручений Фанни. Она должна была только быть сиделкой для Схимника и вволю сидеть в сети в свободное от этой обязанности время.

* * *

— Фанни, где я? — спросил, наконец, Схимник однажды. — Эта комната не похожа на больничные покои. А вы…на санитарку.

— Среди друзей. Это место… Мы называем его «дом». Таких «домов» в Питере несколько. И здесь живут только такие люди, которые созвучны нашей общине. Можно сказать, творческие, интеллигентные. Можно — беззащитные. Некоторая неформальная организация дает им защиту и учит защищаться и спасать других… Если их можно спасти.

— Я ничего и никогда не слыхал об этой организации.

— И не услышите. Она вне религии, общественных движений, определений и границ. Она помогает тем людям, которым трудно выжить… В том социуме, который приносит беды и страдания, в том ежедневном «выживании сильнейших», которое убивает более тонкие, творческие и созидательные энергии.

— У этой организации есть название?

— Нет. У неё нет названия. И потому…её нельзя вычислить и разрушить. Да и у нас, у многих, давно уже нет тех имен, что значились в первом паспорте.

— И… Чего вы хотите?

— Я не знаю. Я сама только недавно попала сюда.

— Ну да. Вы же… Так молоды.

— Я старше вас.

— Мне пятьдесят два.

— Мне — сто один.

— Не шутите так, Фанни. А вдруг, я поверю?

— А я и не шучу, — твердо ответила она.

Схимник внимательно посмотрел в глубину её зрачков.

— Расскажите о себе, Фанни. Так, что-нибудь.

— О себе? — переспросила Фанни, на мгновение отведя взгляд, будто вглядываясь куда-то вдаль.

Снова всматриваясь в глубину глаз собеседника, она вдруг, совсем неожиданно, провалилась в воспоминания. Отчетливо увидала себя в комнате, в которой жила со своим первым мужем, в компании пришедших к ним гостей… Где-то на далеком теперь от нее краю вселенной…

* * *

В маленькой комнатке их общежития, где они жили с двумя довольно взрослыми детьми, вечно толпились и «тусовались» какие-нибудь люди, которые кого-нибудь из себя усиленно изображали: преподавателей вуза, православных христиан,

великих эзотериков, поэтов, музыкантов… При этом «религиозно ушибленные» или просто «православные» легко совмещали свой «духовный поиск» со слушанием «Гражданской обороны» или курением конопли, а те, кто пел под гитару песни, навроде «Марихуана моя» или «Да будет свет, сказал шахтер — и не вернулся из забоя» — с рассуждениями о русском космизме и с портретом Че Гевары на майке. При этом, свои философские размышления они нередко чередовали с рассказами о поездках в Израиль и Египет… «Да что там та Стена Плача: я там сильно в туалет хотела; пришлось в мужской сходить, чуть международного скандала не случилось»; «Да что там та пустыня: мы туда выехали вечером и водку пили», — говорила, к примеру, некая молодая женщина, пожившая в Израиле и вернувшаяся назад, в Россию. Рассказы о Турции и Египте и вовсе легко совмещались со вздохами о Советском Союзе, при котором «так было хорошо», гораздо лучше «всех этих заграниц».

Фанни никогда не понимала этакого коктейля из христианского низкопоклонства, чтения молитвы перед принятием пищи, — и одновременного слушания рока, «Нирваны», русского рэпа; смеси икон со Сталиным и идей о вселенском коммунизме, которые подкреплялись чем-нибудь психоделическим, с транквилизаторами на закуску.

Впрочем, Фанни, вообще-то, никогда не любила толпы…

Ну а потом, значительно позже, некоторые мальчики и девочки (подростки конца девяностых годов двадцатого — начала нулевых годов двадцать первого века, из числа знакомых студентов бывшего мужа; с их нирваной, коноплей, Че Геварой и православием) — уже выросшие, были встречаемы ею на просторах интернета… Она жила уже в Питере, и с ужасом обнаружила их в социальных сетях, в контакте, в фейсбуке… Они смотрели на неё с аватарок: мужчины, одетые в берцы, в камуфляж, женщины в мини-юбках и высоких сапогах, с автоматами Калашникова и «лимонками»… Они призывали, «назло прогнившей Европе» возродить «Великую Сарматию» на юге России, создать там «милитаристско-идейное, молодое государство»… «Мифотворчество, как завещал нам наш великий земляк Лосев, началось здесь, на Юге», — с апломбом заявлял некий «мультимедийный журналист и писатель Юга России», и Фанни с удивлением узнавала в его физиономии молодого парнишку — пономаря Новочеркасского собора, слушавшего некогда Егорку Летова и бредившего Че Геварой…Ну, еще одним из его увлечений Достоевский был…

А в двадцатых этот, только уже и вовсе совсем взрослый, «парнишка» возглавлял молодежные ряды казачества, ополченцев

«Великого войска Донского» и призывал их «расширить границы великой Скифо-Алании до её истинных размеров, завоевать территорию от Южной Осетии, через Кубань, Дон и Украину, до Запада, заканчивая Великобританией»… Осуществить «Сарматский ренессанс», значит… Сам он был, в общем-то, уже пожилым дядей, и воевать лично не собирался.

* * *

Фанни помотала головой… Ей вовсе не хотелось сейчас погружаться во всяческий бред прожитого, тем более, в выдаваемых сейчас её мозгом вариантах. Не было там, в этом прошлом, ничего хорошего…

— Я… Не прошу вас рассказывать о личной вашей истории… Только… Мне хочется поговорить с вами, зацепиться за что-то, нам обоим близкое. Где вы родились? — взор Схимника проникал, казалось, в самую её душу, — В Питере?

— Нет. На юге. Теперь это — территория Донской Республики.

— А мы с вами — земляки! Я… в 26-м был призван «Великой Сарматией» в милитаристские ряды «верной молодежи» для Великого Похода на Запад… Жуть! Девушки — в кожаных юбках, юноши — в штанах с лампасами, упасть и отжаться, автомат разобрать на скорость — всё это ещё в школе… Мои ровесники с первых классов мечтали воевать… Так и отвечали, на вопрос, кем ты хочешь стать, когда вырастешь: «Я хочу умереть на полях сражения»… Понятно: заводы стояли, работать было негде, наука, образование, медицина — полностью были развалены; ведь это — не Питер, не Москва, где они более-менее, но существовали… А на «окраинах» — прежде всего всё пошло прахом. Не было света, магазины не работали, а по поселкам и хуторам казаки с нагайками разъезжать стали…

Ну, именно в 26-м я и понял: пора бежать. Иначе, пошлют стрелять в людей, ни в чем не повинных. А куда? В Украину не сбежишь: там «наши» посты кругом, на границе стоят, танки, пулеметы, зенитки. Через них не пройти. На Урал — так там тоже «Красный Урал» с Че Геварой на знаменах и в берцах… В Казахстан — тоже не пустят, прибьют на границе, и правы будут: всякое отрепье с наших краев туда суется. Осталось одно: сюда двигаться, в Московию. Ну, по Московии я тоже помотался изрядно, пока в Питере, не так давно, не осел.

Границу с Московией я, понятное дело, пересек нелегально. Конечно же, потом прошел чипизацию, но остался без паспорта и

других документов и почти что вне закона, бомж-гастроарбайтер с личной идентификацией… Ни семьи, ни прописки… Ни в вуз не поступить, ни на приличную работу устроиться… Так и живу. Иногда, грешным делом, даже подумывал: может, зря из Великой Сарматии ушел… Отслужил бы там, быть может, выжил как-то… И жил бы теперь себе. Там теперь — Донская Республика и демократия. Быстрей, чем здесь, всё повернулось; в конце концов, жизнь в нормальное русло вошла. А здесь этого не будет вовсе.

В общем, попал я из огня, да в полымя. Жуткая это страна — Московия… Особенно, когда она — мачеха, а не мать. Тьма беспросветная. Хотя…Я почему-то полюбил этот город… Мой Питер…

— Я тоже, — сказала Фанни.

Они немного помолчали. За окном было темновато. Шел дождь.

— Схимник, — Фанни сказала тихо, — Можно, я так буду вас называть?

— Да. Меня так зовут друзья.

— Схимник, что вы там такого написали, в своей тетради? Той самой, которую нашел ваш друг, выброшенную в мусорный контейнер… По которой он вас и разыскал…

— Вы в курсе этой странной истории?

— Да.

— Ничего особенного там не было. Там был черновик нескольких моих сказок, несколько придуманных мною афоризмов, стихов, карта фантастической земли, текущие записи: телефоны, адреса… Но, найдя эту тетрадь, он понял что-то важное только для него: что он не одинок, не один в этом мире… Он захотел поэтому меня отыскать. Вовсе не затем, чтобы отдать назад эту тетрадь. Для него просто было важным то, что мы существуем.

— Кто — «мы»?

— Он. Я. Живые люди. Живые люди, которые пишут. Не интелы. В интернете много великолепных рассказов и стихов, картин и фотографий. Но они разъединены и болтаются, как мусор. Никто не вывешивает сейчас их «кучкой», собранием в единое… Чаще всего, вывешивают пару-тройку глав повести, чтобы потом люди жаждали продолжения и выходили на автора. Но никто не жаждет. Висят «образцы» стихов и прозы, заметки и рисунки на продажу. Целые сайты, чаще всего, посвящаются только уже ушедшим из мира авторам.

А потому, за всеми этими «образцами творчества», болтающимися на разных сайтах, перестало быть видно живых людей, с их особыми, только им присущими, мыслями, с их

связью с реальностью. Строки стали просто строками; будто огромный, единый компьютер или сеть компьютеров создают их, и теперь, созданные, они болтаются, как щепки в море: эти рассказы, романы, стихотворения… Их не прибивает на берег и за ними больше не видно людей… В моей тетради он, поэт, отыскал то, чего ему так не хватало: живого человека. Он впервые прочел это всё… На бумаге. Вдобавок, написанное от руки.

— Прочитайте мне что-нибудь из сочиненного вами. Можно, совсем короткое.

— Я… Не помню ничего наизусть из того, что написал. Но… Я попытаюсь рассказать, как получится. Я расскажу вам одну из тех сказок, что были написаны мной в том черновике. Найденном тем поэтом. Он… Был очень горд собой, своей «миссией на земле», своими стихами, считал себя исключительным и особенным человеком. Он читал стихи всегда и везде, где только мог. Даже — случайным прохожим. Он старательно исчислял их количество, как скупец считает деньги. Он никогда бы не выкинул черновик в мусор; впрочем, чаще всего, он настукивал стихи на клавишах, но не писал их от руки… Встретить меня было для него шоком еще и поэтому. Мы очень с ним разные. Но всё же, он очень талантлив, и я, когда выздоровлю, обязательно его навещу. Это он рассказал вам обо мне?

— Нет. И… Не ходите туда, к нему. Он… не живет там больше, — ответила Фанни и опустила глаза. — Расскажите лучше мне сказку.

— Хорошо. Слушайте…

В некотором царстве, в некотором государстве… Или так: в очень давние времена… Жил-был один мастер. Он создавал из камня цветы и животных, делал статуэтки людей, скульптуры и барельефы.

Однажды он решил, что он сможет уже создать статую какого-нибудь бога. А если он поставит её в своем селении, будет всем людям этого селения большое счастье, и даже из других мест люди будут приходить сюда, чтобы помолиться. «Эта статуя должна быть прекрасной! — подумал мастер. — Но, как создать мне статую настолько прекрасную, что, глядя на неё, люди бы вдохновлялись, и это приносило бы им исцеление и исполнение мечтаний?»

И он пошел к мудрецу, который жил в горах. Он хотел спросить у этого известного мудреца, как бы ему достичь такой степени вдохновения, что он сможет увидеть прекрасных богов и запечатлеть их в камне.

Мудрец медитировал около своей пещеры, когда к нему пришел мастер. Он вышел из медитации и сказал, что знает,

зачем пришел к нему ваятель.

«Но я ничем не могу помочь тебе, поскольку я сам не бог, и достигаю видения богов очень редко. Тем не менее, я знаю одно: еще выше в горах, на краю снегов, есть пещера. И там есть статуя, которая приносит всем, обратившимся к ней, исцеление и связь с божественным. Если ты достигнешь этой пещеры и найдешь вход в неё, если ты увидишь эту статую, то ты, возможно, сможешь сотворить полную её копию, и ваше селение получит связь с божественным,» — сказал мудрец мастеру.

Мастер тут же отправился в новый путь, к далекой вершине. Там, среди снегов, он отыскал пещеру. Он вошел в неё, и в глубине увидал фигуру в белой длинной одежде. Он подошел ближе и понял, что статуя была изваяна с таким мастерством, что казалась живой. Каждый изгиб тела, каждый палец руки, закрытые глаза, одухотворенное лицо — всё было выполнено с таким непревзойденным совершенством, и так эта статуя была изумительна, что бедный мастер в экстазе упал перед ней на землю и взмолился: «О, великий скульптор! Прости, что я хотел посягнуть на то великолепие, достигнуть такого же мастерства в своём созидании, которого добился ты! Мне никогда не сотворить ничего подобного; я могу лишь молиться, чтобы твое прекрасное творение жило вечно и никогда не было разрушенным! Оно так великолепно!»

Потом он поднял голову, и вдруг увидел, что статуя открыла глаза и смотрит на него. Из глаз статуи струился свет. Затем, всё: одежда, лицо, волосы статуи, — утратили белизну и приобрели яркие цвета.

— Великий Скульптор прощает тебя, о мастер! — сказала статуя. — А я, благодаря тебе, наконец, получаю вечное бессмертие! Ты попросил об этом моего Бога! — и прекрасная девушка, в которую превратилась статуя, улыбнулась мастеру.

— Я несколько сотен лет просидела здесь в медитации… Я сижу здесь так давно, что люди стали принимать меня за каменное изваяние, а одежды покрылись льдом. Я стала проводником всех молитв приходящих сюда людей, которые они возносят к Богу. Но ещё никто и никогда не молился о том, чтобы я получила бессмертие. Бессмертие — это жизнь, а потому, я покидаю эту пещеру и становлюсь богиней. А ты… Ты станешь великолепным скульптором, потому что у тебя любящее сердце.

Сказав так, она коснулась пальцем лба мастера, и он почувствовал жар прикосновения.

— Помни меня. И знай, что силу творчества никогда не получить от каменной статуи. Её передают от сердца к сердцу, — сказала богиня.

Глава 5. Неназываемый

Она смотрела вниз. Будто сквозь черное, матовое стекло. И видения, наполняющие собой этот матовый экран, сменялись как в калейдоскопе. Черно-белом калейдоскопе, без цвета и смысла.

Внизу ходили люди, с лицами и душами, искаженными ужасом, всё время ожидающие чего-то страшного: бури, цунами, конца света, апокалипсических всадников на черных, вздыбленных конях… Обычная улица обычного серого города.

А где-то, пока вдалеке отсюда, рвались снаряды, и остовы домов, черные и уродливые, были видны вдали, если смотреть с середины широкого сквера, за площадью. Саму площадь перегораживали искореженные снарядами бэтээры, перевернутые машины…

И вот, как реликтовое ископаемое, как грозный монстр дочеловеческой эпохи, по улице, сотрясая стены близлежащих домов, пополз танк.

— Не смотри. Тебе не надо туда смотреть.

— Я не могу… Я всё равно знаю, чувствую, что всё это есть, — слезы закапали из её глаз.

— Ты прошла уже свой путь юдоли земной. Ты обрела право больше никогда не воплощаться… там. Забудь. Ты можешь увидеть другие миры, прекрасные, как весенние цветы. А можешь познавать Вселенную, открывающую тебе свои тайны. Ты теперь — крылатая сущность, и радость бытия может стать твоею навсегда. Только, выбери иную дорогу, иную судьбу. У тебя есть право такого выбора.

— Нет. Я не могу. Я чувствую только чужое горе, боль и страдания. И, быть может, я смогу облегчить их… Хотя бы, для одного человека, взрослого или ребёнка… Я должна, я обязана им помочь.

— Думаешь, они тебе будут благодарны? Люди — существа, которые не ценят ничего. Они потребуют еще больше внимания и еще большей траты сил, и обвинят тебя во всех смертных грехах, ибо нельзя быть хорошей для всех. И вообще — нельзя быть хорошей… там, — и он указал вниз, в проём, в котором как раз проплывало видение: протестовавшая против произвола властей женщина была сбита танком, который наехал ей на ноги… Хруст, крики, стоны и плач кругом. Кровь на асфальте. Что-то кричащие и бегущие люди. Лицо, бескровное, бледное, немое от ужаса…

— Я не хочу благодарности. Я хочу просто кому-то облегчить участь. Помочь.

— Ты не сможешь помочь. Каждый достоин того, чтобы

пройти путь скорби. Нельзя выпить чужую чашу.

— Я… Должна идти.

— Нет. Не должна. Все твои долги уже оплачены. И ты теперь — моя ученица. Я могу провести тебя путями тайн великих и миров прекрасных, ты можешь увидеть иные планеты и иные измерения. Ты многое поймешь, и ты никогда не захочешь обратно. Но если ты выберешь вновь путь смертной, то… Можешь утратить то, что уже получила. Ты непременно допустишь ошибки и промахи, которые неизбежны в этом мире. Будучи нищей, нельзя быть праведной; а живя среди волчьей стаи, нельзя не испытать злость и не перенять свирепых законов и правил игры; живя в аду, нельзя не испытывать мук, между тем, даже уныние — грех… Уныние, вызванное душевными муками, разрастается как штормовые волны, что заливают и затопляют подлунный мир. Зачем тебе вновь и вновь проходить этот путь?

— Но я… Не могу иначе, — сказав это, она быстро шагнула в распростертую у её ног бездну, которая, поглотив её, тут же захлопнулась; черный проем растворился в молочно-белой мгле.

И он подумал о том, что вскоре, через несколько месяцев, на земле раздастся крик новорожденной девочки, и что вновь тьма и мгла столетий отделит от него лучшую ученицу, самую преданную и верную. А ещё, он представил убийц и насильников, доносителей и дознавателей, подонков и извращенцев — всю ту мразь, которую она неизбежно встретит на своем пути в этой юдоли скорби. Он представил тягостные будни грязной и неблагодарной работы на чванливых людей, кичащихся своей пустой разукрашенностью, краски серой безнадежности абсурдной и скорбной Кали-Юги, весь тот мрак, с которым встретится эта юная душа, сделавшая шаг во тьму, на безвестной дороге своей.

— Я… Тоже не могу иначе, — сказал он, и распахнул вновь ледяное окно вечности. Маленькие снежинки пылью закружились в штормовом ветре, вьюжась и множась, и ураган вскоре вздыбил из небытия огромные волны, и вой бури был подхвачен валторнами бездны, сменяясь гласом нечеловеческим, и тьма повисла над пустошью, и черные смерчи тонкими струйками устремились вниз. Силы разрушения набросились на безымянный для него город, как голодные волки; и учитель, очарованный этим мраком, смотрел, как рушатся скалы и дома, и слушал, как этот несправедливый мир стонет и разрушается до самого основания.

— Я… Тоже не могу иначе. И теперь ты вернешься обратно. Этот город не стоит твоей жизни, твоих слёз… И только это имеет для меня смысл.

* * *

Фанни оторвалась от тетради.

«Странная сказка», — подумала она.

Точнее, то, что она держала в руках, только условно можно было назвать тетрадью. Деловая папка, амбарная книга… На обложке значилось: «Дело N…» В таких талмудах обычно записывают в разных учреждениях время прихода и ухода сотрудников или же выдачу материальных ценностей на складе. Но Схимник почему-то именно в такой «тетради» записывал свои сказки и стихи.

Фанни сама бы не объяснила, зачем она взяла себе эту тетрадь, выпросив её у Неназываемого. Вроде, лишь для того, чтобы она случайно не потерялась. И чтобы когда-нибудь отдать её Схимнику. Но… Ей почему-то очень интересно было, что же за тетрадь такая… И она теперь читала её по вечерам.

Но сейчас она оторвала взгляд от мелких, но вполне разборчивых букв с красивыми завитками и посмотрела в сумрачное окно.

В это время в дверь тихо постучали.

— Да, войдите! — отозвалась Фанни, заранее почувствовав, что сейчас увидит Неназываемого.

Это был он. Только Неназываемый знал, что она не спит в такой час. Около трех — четырех ночи.

Она постепенно привыкала к жизни в таком, внешне совершенно обычном, доме, хотя до сих пор жизнь такая казалась ей совершенно немыслимым чудом. Этот дом, с закрытым въездом, подъездами с кодовым замком, закрытой парковкой, в общем-то, элитный, — был, на самом деле, полностью выкупленным членами этой тайной общины, называемой теперь Фанни «свои». В нём жили только такие, как она, спасенные из недр безумного и звериного мира люди, и теперь они оберегались этой тайной организацией от тех структур, властвующих повсеместно, что называемы были «неорганика», «тени» и «зло». Отделить таких, как Фанни, людей от иных, зараженных вирусом чуждого людям разума, можно было лишь недавно, с помощью проверки специальной аппаратурой. Такая аппаратура была установлена в домах общины повсюду, и при наличии «подсадки» неорганики человек, проникающий в подобный дом, испытывал помутнение разума, сильную головную боль, падал и отключался. Это было мерой предосторожности и защиты. Блокировку сознания, устроенную тенями, к сожалению, снять пока не удавалось; зараженный инопланетным вирусом разум, несомненно, не мог быть исцелен. Во всяком случае, пока ещё не

был обнаружен способ искусственного очищения разума, с помощью приборов. Годы внутренней самодисциплины — то единственное, что могло помочь не сильно зараженному вирусом человеку вновь приобрести независимость своего интеллекта.

— Здравствуй, Фанни… Ты, похоже, избегаешь меня с тех пор, как… Мы привезли Схимника. Ты ни разу не была в общем библиотечном зале. Почему?

— Отвечать…откровенно?

— Конечно.

— Тогда… Теперь я вас боюсь.

— Почему? Из-за того, что я отвалил тех убийц?

— Они… Не убили Схимника.

— Ага. Ещё не успели. Фанни, нельзя быть добрым для всех…

— Да. Я знаю, что вы правы, но…

— Фанни… Мы с тобой на «ты»… Мы ведь давние друзья. И в сети были на «ты»… И я не сдам свои позиции. Я ценю твою дружбу, хотя теперь она кажется мне незаслуженным ещё даром…

— Я безмерно благодарна вам. И ценю вас очень высоко.

— Но это отдаляет нас друг от друга… А тебе и потом, в будущем, наверняка придется видеть меня в деле. Или слышать о моих делах. Я заранее должен сказать тебе еще не понятую тобой на уровне интуитивного действия, страшную вещь: с врагом человечества нужно быть безжалостными, если мы не хотим видеть, как гибнут наши люди.

— А как же… «Возлюби ближнего своего, как самого себя»? Непротивления злу насилием?

— Ближнего — да. Близкого по духу. Человечного. Но не тех, кто превратился в управляемую машину разрушения. Надо понять, что это — люди с разрушенным разумом, не имеющие ничего человеческого. Вирус разрушает изнутри тех, кто сознательно вступил в контакт с тенями, подкуплен ими и сотрудничает… И, если они внедрились достаточно глубоко, если блоки и подсадки вируса заняли большую часть мозга такой жертвы, это уже — не человеческий разум, а нечто иное.

— А их нельзя очистить, переделать? Быть может, впоследствии, когда будет обнаружено, так сказать, противоядие?

— Тех индивидов, про которых я говорю, не случайно впустивших врага в свой мозг, очистить нельзя. То тело можно только полностью очистить от данной личности, полностью измененной. Такое очищение приведет к смерти. Тот разум, которого коснулись тени, не принадлежит человечеству. Это — иной разум. Злобный и страшный. Известно, что после ухода из такой черепушки всех вирусов теней этот индивид превращается в невменяемого, а мозг его — в кашу. Поскольку, все

сознательные импульсы и всё управление индивидом были уже осуществляемы в таком случае лишь тенями, — сказав это, Неназываемый сел за компьютер, отыскал нужную информацию и подозвал Фанни.

— Читай… К примеру, это… Сатанинские обряды были свойственны всем так называемым «революциям» и «восстаниям масс», это было намеренное уничтожение человечности, укрепленное черными мессами их руководителей, намеренно сотрудничающих с тенями… В дальнейшем, начинался процесс разложения и распространения вирусов антигуманности, страшный, кровавый пир теней… Читай!

— «В августе 1919 года сообщается о наличии в Киеве так называемых «человеческих боен» губернской и уездных ЧК, — начала читать Фанни. — Весь пол большого гаража был залит уже стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками. Стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Жёлоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины был на всём протяжении доверху наполнен кровью… Рядом с этим местом ужасов в саду того же дома лежали наспех поверхностно зарытые 127 трупов последней бойни. У всех трупов размозжены черепа, у многих даже совсем расплющены головы. Некоторые были совсем без головы, но головы не отрубались, а отрывались»…

— Простите… Я больше не могу это читать. Но, я знаю, что большевики творили очень много зверств, в том числе, закапывали людей живыми или кидали в топку заводов…

— Вот именно. И ты считаешь, что все, кто творил это — люди?! Что это — интеллектуальные, высокоорганизованные структуры? Или что… после этих зверств, в дальнейшем, они могли быть мирными гражданами, с нормальными семьями, трудиться на благо своей Родины? Зверства, что они творили, не могут сотворить даже дикие звери. Это были те, кто ранее осознанно подвергся влиянию так называемых «теорий», осознав их полезность лично для себя, заразился идеей всеобщего, мирового разбоя, по сути, совершая ритуальные черные мессы и оккультные ритуалы, о которых до сих пор не известно в широкой печати. Сейчас этот разбой и принесение жертв теням осуществляется не столь открыто, но всё это тайно имеет место. Есть люди и целые закрытые структуры, которые в силу обстоятельств идентифицируют себя некими «сливками» человечества, которым дозволено всё: от людоедов Зимбабве до наследников чекистов в Московии, такие индивиды объединяются

в стаи и совершают тайные мессы, призывая теней и становясь их союзниками. Они больше не являются людьми. Для того чтобы стать «господином», нужно пройти так называемые ритуалы бесстрашия: в гитлеровской Германии, к примеру, одной из малой ступенек посвящения являлось следующее действо: нужно было воспитать собаку, овчарку, как друга. А потом убить её из револьвера, на глазах у других своих сподвижников. Было и множество более страшных ритуалов — для более высоких ступеней посвящения… Уничтожение в себе человечности — необходимое условие для того, чтобы оказаться в среде «избранных».

Но то, что многие из прямоходящих и говорящих вовсе не являются принадлежащими к виду «человека разумного», увы, нельзя произнести в открытую, для всех. Мало кто поймет. Тех, кто объявит бандитов бандитами, а преступников преступниками, не просто проигнорируют, а обвинят в фашизме и дискриминации части населения. В обществе ныне всё вывернуто наизнанку. И потому, мы действуем тайно и молча. Благо, что с новыми приборами и аппаратурой никто не может больше подослать к нам «троянского коня» и разрушить нашу тайную структуру изнутри. Другого пути противостояния теням нет. Зараженные ими не лечатся. Эту болезнь можно только выжечь напалмом. И создать официальное общество по защите нормальных людей от подонков мы тоже не можем. Нас обвинят…В экстремизме. Несмотря на то, что приборы «читают» наличие теней и даже «выдают» их портрет при особом излучении… Весьма страшненький, надо сказать. В общем, по многим причинам мы действуем тайно, сплачиваясь и организуясь в невидимые обществу образования. Мы постоянно используем аппаратуру для проверки и перепроверки даже своих людей. На всех наших зданиях, как ты уже знаешь, стоит система контроля при всех выходах, входах, во всех комнатах, чтобы сюда не проникали тени. А ещё, у нас действуют постоянно специальные отражатели вредоносных мыслей и волновые излучатели высокого диапазона, постоянно, на высокой частоте, транслирующие защитные мантры и молитвы; мы применяем всё, что можем, все эффективные структуры защиты, выработанные человечеством.

— Я обратила внимание лишь на то, что здесь всегда очень тихо, очень спокойно. И думается легко.

— Да. И наш центр — не единственный в городе. Их много. Только один из них — под моим контролем. Есть и другие. И всё же… Нас неизмеримо мало. Мы — как донкихоты, что сражаются с ветряными мельницами… Быть может, надо действовать еще жестче. А, быть может, надо просто постепенно расширять

диапазон действия и совершенствование нашей защитной аппаратуры, пока изменения постепенно не станут необратимыми. Вплоть до того, что создать невидимый щит на весь город… Но пока — это лишь мечта. Проекты. И, к сожалению, высокие технологии — не наша прерогатива, наши враги также успешно пользуются своими изобретениями. Их основная цель — запутать, рассорить людей, раздробить любую истину на осколки, подвергнуть нас, людей, унынию, оцепенению, внушить мысль, что правды нет, что ничего хорошего в жизни — нет, что морали и нравственности — нет; дезориентировать людей в ментальном пространстве и затем… Выесть их души прежде, чем наступит их физическая смерть… Сделать таких людей носителями теней, их пищей.

— И…Давно ли тени сосуществуют с человечеством?

— Мы этого не знаем. Но, думаешь, почему в запрете шумерские и египетские тексты, пылящиеся в архивах, к которым, кроме как к хозяйственным записям, почти нет доступа? Закрытые фонды… Те, древние, сохранили знания прежних цивилизаций. Тех, которые гораздо больше нас знали о тенях. Многие из них, египтян и шумеров, правда, ступали на путь преклонения перед ними, принесения им жертв. Крестоносцы, между тем, совершали свой первый поход не против мусульман, а именно против тех из них, кто был привержен теням. Где-то и в чем-то, тени победили…Они разрушили церковь изнутри. Вначале — раскол, потом — вынужденные Крестовые походы, и, в конце концов, ослабление авторитета католической церкви и влияния её аскетических идеалов на культуру. Раздробление, провокации, общая ненависть и гибель… Как это нередко бывало в истории. Самый яркий пример цивилизации, которой полностью, на уровне государственности, овладели тени, была гитлеровская Германия. Другим подобным примером является Россия чекистов и Сталина. Причем, фашистская Германия переняла практику концлагерей в России; она, по сути, вторична, хотя несла иные идеи. Счастье для остального мира, что эти два страшных лидера, фюрер и Сталин, что-то не поделили. Всей правды мы пока не знаем, потому что архивы ФСБ — КГБ закрыты, и, боюсь, что не узнаем никогда, ибо они могут быть закрыты навечно; даже возможно, что они были уже уничтожены. Можно только догадываться, что хранят или хранили они в себе. Но мы можем с уверенностью сказать, что черные мессы точно применялись большевиками, использовавшими оккультную символику и захоронение вождя в подобии пирамиды. Кончил он весьма плохо, как и подобает прислужникам теней. Ты видала его портрет в последние годы жизни?

— Да.

— В общем, а сейчас… Тени стали действовать по всему миру, и хотят изнутри, исподволь погрузить мир и человечество в тень повсеместно и полностью… Ими ведется незаметная подрывная работа, и жизнь на планете становится в целом всё хуже и беспощадней. Идет ломка человеческих законов, добродушные признаются «лохами», а хищные и алчные — процветающими. Самый широкий прорыв они совершили, увы, на нашей многострадальной почве. Не в открытую, тайно, но весьма широко они практикуют черные мессы и прочие грязные обряды. Они готовят здесь новый прорыв, наверняка планируя новый захват мира. И потому, Фанни, ты должна быть подготовлена к борьбе, ибо кто не борется — может погибнуть. Все наши проходят особую подготовку. Она включает боевые искусства, использование излучателей защиты, изучение основ медицины и волновой техники, основ телепатии и телепатического перехвата с помощью приборов, практические азы ниндзюцу, астрального каратэ, лингвистической защиты… В Доме имеется база: библиотека в номере 312, спортзал на первом этаже, инструкторы в номерах с 21 по 34… Вот план-инструкция по проживанию в нашем доме, телефоны, места вне дома, принадлежащие нашим, на плане — карте города, — Неназываемый открыл файл на компьютере. — Еще не ознакомилась? Библиотекарь не советовал?

— Нет. А… Все наши живут в таких, специальных, домах? Я имею в виду тех, кто уже вычислен и сотрудничает.

— Нет. Многие остаются в семьях. И завтра вечером мы как раз, если не изменятся планы, пойдем в гости к одной даме, которая живет в обычной питерской коммуналке; впрочем, её семья занимает полностью всю квартиру. Тебе будет полезно с ней познакомиться. Ей сто четыре года, она живет со своими домашними, весьма многочисленной семьей, и пока не сменила паспорт. Это, конечно… Рано или поздно закончится. Такая её жизнь. И мы пока не решили, как дальше быть. Наверное, придется инсценировать её смерть. Но, как при этом, не вызывая вопросов, быстро переселить сюда не только её, сменив ей паспорт, но и всех её родичей, к которым она привязана?

— Она… Выглядит молодо?

— Да. Уже прошла трансформацию. Но соседи считают, что она так выглядит благодаря операциям и подтяжкам кожи. И в точности не знают, сколько ей лет. Да, боюсь, что ей придется или расстаться на некоторое время с родственниками, или сильно изменить внешность. А личность она известная, публикации о ней были в прессе… Но, самое сложное, это доказать ей, что она…

Одна из нас. Так, как Библиотекарь рассказал об этом тебе…

Так что, Фанни, не все, кто живет в доме, обязательно испытал или испытает когда-нибудь трансформацию, и наоборот… Есть такие, кто по-прежнему живет обычной жизнью, уже будучи, мягко говоря, не таким, как окружающие. И многие из них, выходя на улицу, носят маски: подобную ты видела у Беаты. Тогда, мы, по возможности, создаем им такие условия, чтобы они могли поставить у себя приборы, не допускающие присутствия теней.

— Забавно. И…что же мы, всё-таки, такое? Мутация? Вечные люди?

— Никто не живет вечно, Фанни… Это — шутка Библиотекаря. Мы просто живем очень долго. И это — дар, а не проклятие, — грустно сказал Неназываемый. — Мало данных о том, что мы такое… Мы даже не знаем, кто были наши предшественники. Из легенд мы знаем о них как о богах и полубогах… Мы не знаем, куда ушли те, кто обогнал нас, кто остался навсегда в памяти человечества. У наших есть разные теории по поводу того, кто мы такие. Одни говорят, что наша история в прошлом; мы рождаемся, потому что у нас есть гены ушедших богов, смешавшиеся с генами людей. Но другие, в том числе и я, считают, что орки и эльфы — это не прошлое, а будущее этой планеты. А еще, есть теория, которую тебе излагал Библиотекарь. О том, что мы — некая защитная сила природы, призванная защитить и человечество, и всё живое, от уничтожения неорганическими сущностями, структурами, которые, как вирусы, были занесены сюда с иных миров и пространств, высаженные кем-то как зубы дракона, которые посеял Ясон. Есть версия, что они, эти тени, прибыли на Землю еще при её столкновении с иным космическим телом, в то время, когда исчезли динозавры и все крупные формы жизни, и катаклизм чуть ли не уничтожил всё живое.

— Столкновении с Фаэтоном, как говорили древние?

— Да. У древних есть странная легенда о Фаэтоне, оплакиваемом сестрами, чьи слезы падали в реку Эридан, превращаясь в янтарь…Но, все наши размышления — гипотезы, не более. Фантазии. Возможно, именно гипотезы древние оформляли в виде легенд. Потом Фаэтоном назвали гипотетическую планету, якобы существовавшую между Юпитером и Марсом. Но это не её имели в виду древние, а другое, не известно откуда пришедшее, космическое тело.

— Так Фаэтон, сын Солнца, возможно, всё же врезался в Землю на своей колеснице?

— Быть может… В эпоху динозавров, в районе Мексиканского

залива… На Земле множество кратеров, и множество — от падений небесных тел примерно 65 млн. лет тому назад. Последнее время считают, что это было грандиозное столкновение с большим объектом, и куски его, разломавшегося, упали в нескольких местах. Но, раз существует легенда о Фаэтоне, то это означает, что кто-то со стороны наблюдал картину…А может, древние просто легко могли читать так называемые Хроники Акаши, и считывали то, что было в иные времена… Кстати, мы с тобой, Фанни, пока не научились читать хроники Акаши, а читаем компьютерные статьи. А потому, пользуйся этим, — и он извлек из ящика стола нечто, похожее на очки, только со смешными, выпуклыми «глазами».

Фанни удивленно посмотрела на прибор.

— Наша разработка. Прибор «искусственный глаз» для чтения книг. Одевается поверх закрытых глаз, которые отдыхают в это время. Полностью заменяет глаза, поставляя в мозг всю считанную информацию. Настроен видеть исключительно экран компьютера.

— Спасибо, — улыбнулась Фанни, — а то… Обычно я утром чувствую себя, как сова после ночного бдения.

— Ну… В общем, я теперь прощаюсь до завтра, когда мы совершим наш поход к той самой даме, о которой я рассказывал.

— А можно… Взять с собою Схимника?

— Конечно. Если он захочет пойти. Он, кажется, поправляется. Как у него дела?

— Хорошо. Привел себя в порядок, кстати. Аккуратно подстриг бороду, весьма филигранно, надо отметить. Помолодел сильно. И просится погулять. Уже можно?

— Да. Наступит утро — пусть пройдется. Только, дай ему номера телефонов, мой и экстренного вызова нашей дежурной машины. На всякий случай. До свидания, Фанни!

— До свидания…

Часть 3. Встречи и сообщения

Глава 1. Первый снег

— Вы по объявлению? — девушка-секретарь мельком окинула его скользящим взглядом и вновь погрузилась в бумажки, лежащие на столе.

— Да. Вам требуются сотрудники?

— Вам к Палычу, — она кивнула головой в сторону закрытых дверей в кабинет. — Но он сейчас занят. Подождите немного, — девушка больше ни разу не посмотрела на него.

Евгений присел на краешек стула.

Ему было видно, как в глубине комнаты, разделенные перегородкой, образованной шкафом, двое человек, непрерывно «висевших» на телефоне, что-то угрожающе орали в трубку.

Вскоре входная дверь открылась с помощью удара ноги, и в дверь ввалился здоровенный накаченный субъект с «хвостом» на затылке. Он скинул при дверях кожаную куртку, слегка зацепив Евгения по лицу, но не обратил на это никакого внимания. Теперь субъект оказался в черной майке без рукавов с надписью «Сектор права», черепом и костями. На его руках красовались разноцветные татуировки: рисунки и надписи, а на шее висела толстая золотая цепь с крестом. В нос субъекта было вставлено золотое кольцо.

Только отойдя в сторону кабинета Палыча, он зыркнул на Евгения, ухмыльнулся и шагнул в кабинет шефа.

— Алёна! Проследи, чтобы пока никого к нам, — сказал он секретарше.

— Угу, — ответила та.

«Коротко и ясно, — подумал Евгений, — Что до меня очередь дойдет не скоро».

Ещё в течение получаса «телефонисты» продолжали песочить должников, угрожая жуткими расправами, а дверь шефа была герметически закрыта.

Евгений ерзал на стуле.

«Возьмут? Не возьмут?» — думал он.

Наконец, дверь раскрылась.

— Ну, кто там? Алёна, пусть заходит, — раздался из кабинета властный голос.

Алёна глазами показала Евгению в сторону кабинета, и он, как мышка, прошмыгнул вовнутрь.

— Здравствуйте! Я по объявлению, — робко начал он.

Шеф, пожилой человек небольшого роста с широченными плечами и толстеньким пузиком, тупо посмотрел на молодого человека.

— Работали уже коллектором? — спросил он.

— Нет. Не доводилось.

Шеф помолчал, оценивающе рассматривая вошедшего. Щуплая фигура, длинные каштановые волосы, очки и выступающий вперед нос Евгения, быть может, не слишком много внушали уважения.

После некоторой заминки, шеф всё же произнёс:

— Ну, тогда… Вам предстоит многому научиться. Мы тут все не первый год работаем. У нас все — высококвалифицированные специалисты, это, своего дела… Энтузиасты. Мотивация, слышали такое слово? Главное, что по-вашему? Деньги?

— М-ммм…

— Нет, — эмоционально, только что не прослезившись, ответил сам себе Палыч. — Не деньги — главное, а — справедливость, — и он поднял вверх указательный палец. Затем, немного отхлебнув шумно из чашки черного кофе, продолжил: — Нам надо постоянно учиться и переучиваться: как вести документацию, психологии, эта, там всякой… Вы что оканчивали?

— Филфак, — робко и уничиженно сказал Евгений.

— Философский?

— Филологический… Классическое отделение.

— Филологический? А это еще что за зверь такой? — Палыч слегка потер рука об руку, — Слышь? Филологический! — он обернулся к окну, у которого стоял субъект в майке. Евгений на минуту увидел многослойный, потный затылок Палыча. «Должно быть, он воняет перхотью и потом», — не к месту подумал молодой человек.

— Ну… Был такой факультет, — отвечал он по инерции. — Сейчас их все везде позакрывали уже. Сказали: больше не нужно… Со школы все грамотные.

— А-а…, - протянул Палыч, — Понятно. Это — из не востребованных жизнью. Значит, классическое, говорите? Классиков изучали, что ли?

«Нет, как в классики играть, — чуть не ляпнул Евгений, но вовремя сообразил, что эта шутка может стоить ему работы. Что «классическое» — это латынь и древнегреческий, он тоже решил не уточнять.

— Да, мы проходили мировую литературу, — сказал он робко.

— Ну, что ж, похвально! «Преступление и наказание» читали?

— Читал.

— Ну, вот его должникам и цитируйте. И больше — про наказание. Про его неизбежность, так сказать. Неизбежность и подчеркивайте. Уловили?

— Да.

— Ну, что ж! Алёна покажет вам обучающие ролики, потом — пройдете стажировочку. Обучение — бесплатное; но, если уволиться надумаете раньше, чем через год — выплатите нам указанную в договоре сумму. Поняли? Да, и ещё: первые три месяца — испытательный срок, при этом будете получать только половину оклада. Вам повезло: человек нам нужен, и при том срочно. Мы расширяем наше дело. Константин вот перешел на выезды, — и Палыч кивнул в сторону окна, где, спиной к ним, стоял тип в майке. — Их стало много. Выездов. Он и я ездим по адресам, беседуем, так сказать, напрямую. Ну, это — особая форма нашей работы.

— Они идут, — обернувшись как раз в это время, сказал этот самый Константин Палычу.

— Ну, что ж, будете контракт подписывать? — спросил тот у Евгения.

— Да.

— Подойдите тогда к секретарше, к Алёне, она вам всё объяснит и даст подписать договор. Документы у вас с собой?

— Да.

— Получите у нее инструктаж, и с завтрашнего дня начнете смотреть учебные фильмы…

— Хорошо.

— Идите! — и Палыч указал на дверь.

* * *

Через несколько дней просмотров учебных фильмов о способах и методах взыскивания задолженности, Евгений познакомился с тем, что ему предстояло теперь делать: в рабочий день, с восьми до восьми, он обзванивал должников, разговаривая с ними по предложенным шаблонам «обработки» и проведения беседы, два рабочих дня перемежались с одним выходным. А еще, примерно раз в неделю, в любое время, он продолжал просматривать учебные ролики и программы мотивации: непременно на работе, в отдельном кабинете. Ровно в восемь он, к счастью, должен был тут же покинуть помещение, даже оборвав, если нужно, затянувшуюся беседу с клиентом. После восьми помещение не принадлежало коллекторскому агентству: шеф сдавал его в аренду другой фирме или организации.

Работа была нервной, но сносной. И Евгений уже начинал втягиваться в режим: двое суток на работе — с восьми до восьми, потом — выходной… А работал он в самом дальнем и темном

углу за одним из шкафов-перегородок, с маленьким-маленьким окошком. Его непрерывно проводимые звонки, все до одного, регистрировались на особой аппаратуре. Все «операторы связи», как их здесь называли, работали сами по себе, почти не соприкасаясь друг с другом: разве что при очереди в туалет. Иногда он перекидывался парой фраз с секретаршей Алёной, а ещё его время от времени донимала контролерша, Зинаида Васильевна, которая прослушивала записанные разговоры, пропесочивала за ошибки и давала ценные указания, одно из которых нередко противоречило другому. В общем, Евгений сразу понял, что при любом конфликте виноват будет всегда только он сам, и его языком организация хочет говорить, но при этом «за базар» не отвечать.

Сегодня Евгений был особенно раздражен, поскольку поцапался с Зинаидой Васильевной, которая требовала «еще раз» нажать на одну из клиенток, несмотря на то, что та долго плакала в телефон и объясняла, что у нее нет денег. Эта клиентка потеряла работу, но через неделю обещала отдать часть суммы, когда получит перевод.

«Ты должен был на неё нажать сильнее, пусть поспешит», — прошипела Зинаида, — Нельзя быть таким сговорчивым и мягкотелым, а то я тебя уволю!»

До конца работы оставалось уже менее часа, но нервы Евгения были расшатаны; он был сильно взволнован. Потому, звоня по телефону (ему нужно было осуществить еще целых пять плановых звонков), он то теребил край пиджака, то открывал и закрывал ящик стола. В очередной раз открыв этот несчастный ящик, Евгений заметил там немного кристаллического белого вещества (соль? сахар?), и, послюнявив палец, провел им по просыпанному кем-то белому порошку. Потом, закончив разговор, посмотрел на свой запачканный палец и машинально лизнул. Вкус у порошка был странный, незнакомый. Через несколько минут он сделал последний звонок, произнеся все фразы абсолютно так, как это полагается по инструкции, хотя язык от усталости уже еле-еле ворочался. И вдруг…

Он почувствовал головокружение и почти сразу же упал. Было почти восемь; напарник Евгения Игорь, также дежурный сегодня, оделся и выскочил минутой ранее; шеф, Алёна, Зинаида Васильевна и все остальные работали не в смену и ушли в пять. Помещение Евгений никогда не закрывал: в здании были другие «съемные объекты», с другими хозяевами, и внизу сидел охранник, а сюда должны были вскоре прийти те, кто снимал это помещение на поздний вечер. Тело Евгения осталось здесь лежать, соскользнув под стол с вращающегося офисного кресла;

и, будто бездыханный труп, ватная кукла, валялось на полу…

* * *

Когда он открыл глаза, Евгений сразу не понял, где он и кто он такой. Он приподнял голову, ударившись о сидение стула. Осмотрелся, и медленно, на четвереньках, вылез из-под стола. Вокруг было много людей, некоторые из них орали и пели, да и остальные явно испытывали экстаз… Кто танцевал или кружился, кто ползал по полу; один парень, оттолкнув Евгения в сторону, подбежал к окну, и, схватив стоявший на нем горшок с фикусом, вынес его на середину комнаты, поставил на пол, и, встав на четвереньки, откусил от бедного цветка кусочек листика и стал жевать. Дама с очарованными глазами, будто бы закапанными белладонной, неподалеку от Евгения истерически хохотала, а крупный, высокий парень с довольно длинной бородой и глазами чуть навыкате, сообщал всем о том, что он зайка — попрыгайка. Наверное, ему казалось, что это жутко весело, а он — массовик-затейник.

«Они все уколотые или обкуренные», — подумал Евгений, судорожно пытаясь вспомнить, как и когда он попал в это помещение.

Потом он попытался уйти отсюда, но дверь была закрыта, и, похоже, снаружи. Он посмотрел на смартфон, вынув его из кармана пиджака. Шесть часов четырнадцать минут. Пробираясь между незнакомых людей, Евгений вернулся на свое рабочее место и подошел к окну без занавесок и фикуса. В проемах между тучами, на темно-синем небе, были видны яркие звёзды. Начинал падать снег, белый и рыхлый.

Нервно сглотнув, Евгений еще раз глянул на смартфон: «Какой сейчас месяц? Год? Нет, слава богу, год помню, а месяц… ноябрь. Второе ноября. Снег пошел… Ну и что, бывает… Уже белым-бело за окном.

— Потанцуем? — томно предложила блондинка в красном платье, обнимая его.

«И…Где же она предлагает танцевать, между туалетом и кабинетом шефа, среди шкафов, перегораживающих пространство довольно небольшой комнаты? — подумал Евгений, освобождаясь от цепких пальцев незнакомки. — И как они все…вообще здесь помещаются!

Народу собралось человек пятнадцать, не меньше. Быть может, что кто-то из них был еще под столами или в туалете. Они продолжали то и дело натыкаться друг на друга, ползать,

визжать, декламировать что-то, что-то жевать, спотыкаться, падать или завывать.

«Бред!» — подумал Евгений. Блондинка, которую он только что отцепил от себя, внезапно стала заваливаться как-то набок. Евгений успел подхватить её за талию и осторожно опустить на пол. Она была довольно симпатичной, стройной, но слегка сутулой; её чуточку портили несколько выступающих вен на лбу и шее, причем венка на шее судорожно дергалась. А рядом, за спиной Евгения, упало что-то грузное. Он обернулся и увидел, что упал здоровенный мужик, он рухнул, как подкошенный. Да и многие другие уже распластались на полу, а вскоре и вовсе все вокруг лежали. Похоже было, что они не спали теперь, а пребывали в странном, «выключенном» состоянии.

И тут он внезапно вспомнил… Да, он же… Тоже «выключился»… Так оно и было! Евгений вспомнил еще и то, как он машинально выдвинул ящичек, и… Да, он лизнул какой-то белый порошок… Наркотик?

Вспомнив это, Евгений, будто озаренный вспышкой света, внезапного осознания, вспомнил и всё остальное… Как он работал в этом коллекторском агентстве, обзванивая должников по кредитам; шефа, Зинаиду Васильевну, вчерашний день, вечер…

«Ну и влип», — подумал он.

Было около семи утра, и кругом лежали незнакомые люди в бессознательном состоянии. «И что же теперь делать?» — почему-то ему стало страшно… Сейчас войдет кто-нибудь, и его здесь обнаружат… Что тогда будет? И кто…эти люди? Наркоманы? Что они здесь делают? Кто снимает это помещение у их шефа?

Евгению захотелось сбежать, оказаться как можно дальше отсюда… И вдруг, именно в этот миг, за дверью послышались голоса. Шаги и голоса приближались сюда. Евгений судорожно заметался. «Куда бы спрятаться? — подумал он. — В туалет? Найдут. Наверное». И он полез… в шкаф. Вначале, он подбежал почти к самым дверям. Шкаф был там, за обычным местом Алёны. В нем она и Зинаида Васильевна вешали свою верхнюю одежду и хранили рабочие пиджаки. Евгений заскочил в этот шкаф, забился внутрь и с трудом прикрыл за собой дверь изнутри, прищемив при этом палец.

Как раз после этого кто-то повернул ключ в замке входной двери. В офис вошли двое или трое.

— Я не потерплю таких экспериментов в моем отделе, — сказал один из вошедших, и Евгений узнал голос шефа. — Кто эти люди? Зачем они вам? Что за вещество вы применили? Опять «сыворотку правды»?

— «Сыворотку правды» — это только с вашим непосредственным участием, Генерал, — издевательским тоном ответил ему второй голос. — Логово вам подтвердит, что вы всегда в деле. Никаких секретов. Когда мы пользуемся вашим детектором лжи или берем у вас в загашнике «сыворотку», мы всегда отстегиваем вам долю. А в остальном… За съем помещения мы платим.

— А… Что тогда эти проглотили?

— Логово, а ну, проинструктируй Генерала.

— Ха-ха… Крот прав, Генерал. Мы не трогали сыворотку. Они просто наелись «Снега»…

— Снега? — переспросил Палыч, и, быть может, автоматически посмотрел за окно, на падающий снег.

— Да, — ответил тот, кого назвали Логовом. — СНЕГ — это сильный нервно-паралитический галлюциноген… И они — все, кого вы здесь видите, часов семь — восемь пускали розовые сопли, испытывали ярчайшие мгновения своей жизни и всякое тому подобное… Но теперь — они в отключке, их можно грузить и увозить, как дрова, они будут в полусне перебирать ногами, что облегчает транспортировку, а потом…

— Потом, — продолжил, похоже, тот, кого назвали Кротом, — они не будут помнить о себе ничего. Абсолютно. Останется «дать установку»: записать программу действий и внедрить в мозг. И они сделают всё, что ни пожелаешь. В меру, конечно, своих сил и способностей. И, знаешь, Генерал, я делюсь с тобой этим не потому, что накладочка вышла и ты меня сегодня застукал: я волен делать здесь всё, что захочу, ты на это подписался. Просто, я тебе доверяю. Мы же с тобой люди деловые, в одном деле замазанные, так сказать, и общим нашим повязанные. Мои деньги — твои деньги, — и Крот почему-то довольно мерзко хихикнул.

— Я, впрочем, сейчас, и очень срочно, прибыл сюда не для выяснения, чем вы занимаетесь, — раздался голос Палыча. — Мне нужен мой детектор, в натуре. Браткам нужен, срочно. Они меня и подняли. Не будем тормозить их дело.

— Кого на ложь надо проверить? Из тюряги опять везете? Что, много знает и заложить может, да? — спросил Крот. — И вы хотите знать, что именно он знает?

— Нет. Это дело… Иного рода, — ответил Генерал. — Братки его не из тюрьмы, а из домашней постельки взяли. А вот в тюрьму… Нам надо бы его засадить.

— Он проворовался? Или — долги не платит?

— Политическое дело. Нам… Нужно его скомпрометировать. Вытащить из него хоть что-то. У любого человека есть свой скелет

в шкафу…

Послышались новые шаги; в кабинет вошли еще люди.

— Вот, проходите сюда, к шкафу, вешайте одежду, — услужливо, с легким подхихикиванием, предложил этим людям Генерал. — Я так понимаю, что политического сейчас сюда притащат ваши ребятки… Я пойду, открою кабинетик. Там у меня детектор лжи… Да, Крот, а когда ты своих людей отсюда заберешь? Скоро придут мои коллекторы…

— Да уберут их, уберут. Они мне нужны, — ответил тот, кого называли Кротом. — Хватит им «Снег» глотать — он тоже денег стоит. Пусть теперь отрабатывают.

Евгений понял, что к шкафу теперь приближались. Он судорожно вцепился изнутри за выступающую железку, внутренний замок. Он сам не знал, зачем это делает. Может, чтобы оттянуть время хоть на миг… Реальность пошатнулась и поплыла. Бедный Евгений взмолился всем высшим силам, которые только существуют в мире… Рывок, ещё рывок, посильней… Ещё один, и… Пальцы Евгения уже ослабли. Он задыхался среди дамских пиджаков и кофточек, судорожно глотая воздух. Красные круги поплыли у него перед глазами.

— Эй, Палыч! Генерал! Похоже, что наши веселые девочки и мальчики закрыли ваш шкаф, — раздался голос Крота. — Господа! Проходите, разденетесь в кабинете!

— А что, они могли это сделать?

— Они могли сделать всё, что ни пришло в голову. Вон, кактус валяется надкушенный, штора с окна… Ключик потом найдешь, Генерал.

— Не важно. Там — тряпье бабское. Секретарша ключик поищет, а, быть может, она и закрыла зачем-то. Придет в полвосьмого.

— Пусть еще приберет немного. Здесь грязно, — посоветовал Крот.

— А - что, их не сразу вырубает, от СНЕГа-то? Поговаривали, что…

— Сразу. Но потом они в себя приходят и кайфуют. Пока, — хи-хи, — их снова не вырубит. Конкретно. До беспамятства. Мы их, на этот раз, сюда из клуба привезли, уже «на кайфе».

— Это их куртки, при входе, на вешалке и под?

— Ну да.

— Не забудь прибрать за собой этот хлам…

Кажется, входная дверь в этот раз распахнулась настежь, с силой грохнув о стену. Ввалились люди, слышался шум борьбы, крики и ругань. Кто-то явно сопротивлялся и пытался вырваться.

Евгений сжался внутри шкафа и прислушался. «Бежать!

Бежать!» — стучало его сердце.

Кажется, человека, которого привели сюда против его воли, удалось запихать внутрь кабинета, после чего и все присутствующие ввалились туда полюбопытствовать, плотно прикрыв за собой дверь. Евгений прислушался. Ему показалось, что «на стрёме», с этой стороны дверей, не осталось никого. Он слегка приоткрыл дверь шкафа и осмотрелся. Вроде — действительно никого. Зато из кабинета доносились приглушенные звуки борьбы, крики и ругань.

Евгений осторожно вылез из шкафа.

— Сволочи! — неслось из кабинета, — Ублюдки!

Он попятился к входным дверям и слегка толкнул их. Не заперто! Евгений проворно выскользнул, стараясь отворить дверь как можно тише, прикрыл её и пошел по коридору.

У лестницы беглец чуть приостановился. «Внизу, наверняка, будут машины и охрана… Лучше засесть где-нибудь в коридоре этажом выше», — подумал он.

Евгений поднялся по шикарной, но очень скользкой белой лестнице, внезапно упал и вновь скатился вниз, пересчитав брюхом ступени. Потом поднялся, и, не издав ни звука, несмотря на боль и сведенную судорогой ногу, стал на четвереньках лезть вперед, на третий этаж. Лестница была крутая, а чувствовал он себя, мягко говоря, не очень хорошо.

Как ни странно, Евгений раньше никогда не был на третьем этаже. Здесь располагались другие конторы. Несколько дверей в маленькие кабинеты были заперты. Но дверь в туалет оказалась открытой. Он вошел туда и закрылся изнутри на шпингалет. Посмотрел на унитаз, на беде и тихо заплакал. Потом сел на закрытую крышку унитаза и закрыл глаза.

* * *

— Здесь заперто, — сказал женский голос, — Я жду уже минут пятнадцать.

— Хулиганы какие-то, из посетителей! — сказал другой женский голос, весьма визгливый, — И что там можно делать так долго?

— Должно быть, это — не с нашего этажа. А потом убирай за ними! У нас тут приличное турагентство, а это, видать, с первого… Это, наверное, сетевики, они все наглые, ходят не к себе, а сюда, за чужой счет гадят!

— Эй! Откройте! Сейчас же! — в дверь забарабанили, выстукивая какой-то бравый марш.

Евгений вздрогнул, и… Наконец-то, полностью проснулся.

Он открыл щеколду и вышел.

— Извините, — сказал он стеснительным голосом, — Я у охранника попросился… Очень было надо, — И Евгений смущенно улыбнулся.

Дамы понимающе закивали, хихикая.

Евгений, выдохнув с облегчением, спустился по лестнице, со страхом минуя свой этаж, коллекторское агенство, с облегчением подумав, что сегодня была не его смена — выходной… «Это — хорошо», — подумал он, выходя мимо охранника на улицу.

Куртка Евгения оставалась на вешалке при входе, и он сейчас был в одном пиджаке. «Холодно, — подумал Евгений. — Но мою куртку, скорее всего, увезли вместе с вещами тех бедолаг… Нет ли в ней документов?» Он проверил карманы. Плейерфон, карточка банка и проездной метро были внутри. «Хорошо, что я имею привычку всё перекладывать сюда», — подумал он.

Евгений был одет явно не по погоде, и на него оборачивались. Падал снег. «Ну и ладно!» — подумал он, с наслаждением глотая чистый, морозный воздух.

На земле уже лежал слой снега, и он продолжал падать. «Белые пушистые мухи, — подумал Евгений про снежинки. — И кажется, они, каждая из них, живут своей, индивидуальной жизнью. Движутся, как хотят. Как и я, и вся эта толпа прохожих, как все люди кругом, как когда-то и та блондинка с синей жилкой на шее, и тот придурок, что ел фикус…»

Он вновь свернул куда-то и вновь пошел прямо, двигаясь по инерции, вдоль парапета набережной Мойки.

— Меня подколбашивает. Это, наверное, от «Снега», — сказал Евгений вслух. — Хорошо, что я его испробовал так мало. Но дурак был, что вообще открыл ящик стола…

Он шел и шел, тупо уставясь в пространство перед собой. Ему не было ни хорошо, ни плохо. Ему было никак.

В конце концов, ноги сами вывели его к Летнему Саду. Заснеженные так не вовремя статуи стыдливо жались друг к другу средь темных стволов деревьев. Желтые кленовые листья кое-где проглядывали сквозь снег.

Евгений зачерпнул пригоршню снега; он был легкий, почти невесомый. Он умыл им лицо, почувствовав холод. Наконец, почувствовав хоть что-то.

— Сильный. Невнопаралитический. Галлюциноген. Так, что ли? Сокращенно: снег, — громко произнес он, и вдруг специально кувыркнулся в сугроб — и начал кататься по снегу, кувыркаясь, как мальчишка: вперед, вперед, вперед! Потом он встал и засмеялся. «Отходняк, должно быть», — подумал он и

наклонился, чтобы подобрать упавшие в снег, но не поврежденные очки. При этом упал, и так и остался сидеть на снегу. И вдруг увидел, что средь пустого сада к нему приближался человек.

Этот человек остановился напротив Евгения, но не зашел на газон. Одетый абсолютно не по моде, в длинное черное пальто и шляпу с полями, он держал в руках тонкую трость. Незнакомец пригладил свою аккуратную бородку и посмотрел на Евгения.

— Молодой человек! Может, присядете лучше рядом со мной, а не на землю? Холодно… Хотя бы, во-он на ту лавочку. Сегодня хорошая погода и восхитительный воздух, не правда ли? — предложил он, и его лукавые черные глаза впились в Евгения пронзительно.

Почему-то Евгению сразу полегчало. Он встал и подошел к незнакомцу. И они пошли вместе по дорожке Летнего Сада.

— Вам нравится снег? — спросил незнакомец, — Вы так рады ему…

— Снег — это сильный нервопарализующий галлюциноген, — сказал, запинаясь, бедный Евгений. Должно быть, его «заело».

Прохожий остановился и внимательно уставился на него, глаза в глаза.

— Простите… Но я пережил сегодня… нечто странное…, - неожиданно для себя ляпнул Евгений.

— Снег… Он неожиданно выпал. Чистый, свежий воздух, много кислорода, и вы чувствуете себя, будто пьяный? — понимающим голосом и слегка подмигнув, сказал незнакомец.

— Нет. Просто… Мой шеф — бандит, коллекторское агентство работает заодно с преступной бандой, и я… Теперь боюсь своей работы…

Теперь незнакомец посмотрел на Евгения еще внимательней.

Евгений прикрыл глаза. Но… Предательские слёзы все равно потекли по его лицу.

— Вы… Вы мне всё расскажете, и мы вместе решим, что делать. Бывают дни, когда любой человек… Не может выжить без чужой помощи. Это — так. И, быть может, наша встреча — не совсем случайна… Как вас зовут?

— Евгений. А…вас?

— У меня уже нет имени. Зовите меня просто: Схимник.

— Почему — Схимник?

— Знаете ли, Евгений, я сам точно не помню, когда я стал Схимником. Сначала всякая гопота с нашей улицы (а я родился и жил на юге, в нынешней Донской Республике), звала меня Сектантом. Нет, я не входил ни в какую секту, и даже не был

шибко религиозен, но… Я не пил, не курил и не кололся. И потому… Они звали меня Сектантом. И меня даже несколько раз вызывали в жандармское управление давать показания и подпись в том, что я не сектант… И на работе допрашивали, в Особом отделе. Вот именно после этого я занялся айкидо и однажды отвалил всех, кто приставал ко мне в темном переулке. И почему-то после этого все гопники района стали звать меня не Сектантом, а Схимником… Должно быть, повысили в ранге, оставив в рядах «странных»… Ну, а потом… Почему-то даже друзья стали звать меня именно так. И, когда я переехал в Московию, сюда, в Питер, я вдруг и сам так стал представляться. Привык. Но, расскажите о себе, Евгений. Здесь по близости есть одно уютное кафе…

Голос Схимника подействовал умиротворяюще на бедного Евгения.

— Я… Могу довериться вам? Мне действительно… Надо выговориться.

— Да. Недавно я сам нуждался в подобной услуге. В сочувствии и соучастии. Именно этого нас хотят лишить… Именно этого…

— Кто?

— Это… Трудный вопрос. Я сам хочу знать на него ответ, — тихо сказал странный Схимник. Слова его падали, как хлопья снега, будто застревая в ушах белой ватой, искрились и переливались на солнце, искрились и переливались…

Евгений вновь стоял, оглохший и одинокий средь безлюдной тишины, среди роя белых мух… Оглохший и одинокий. Он почувствовал вдруг какую-то заторможенность сознания, внезапный провал в состояние непонимания того, что вокруг — реальность, чувство падения и растворения в некой незримости и невесомости.

— Эй! Кто-нибудь! Моему племяннику плохо! Помогите! — услышал он крик Схимника.

— Эй! Люди, сбегайте, вызовите такси! — раздался рядом голос случайного прохожего, — Мужчина! Давайте, мы его — так, с двух сторон… Он падает! Крепче держите!

Снег… Бесконечная белизна. Белая и пустая. Пустыня ненаписанных строк… Пелена безвременья. Эйфория бреда… Безумия, в котором срываешься и падаешь, просыпаясь снова во сне, и вновь срываешься и падаешь, бежишь по бесконечным пролетам лестниц, над бездной, обрывающейся во мрак… В крик. В бесконечную пустую пелену.

Глава 2. Поездки

Черный внедорожник вез её по ещё темному городу. Водитель был веселым парнем, и после ее ответа про орхидеи, возле задних ворот двора больницы, залился звонким смехом и пригласил Машу «полезать в машину, пока прохожие не заинтересовались». Действительно, одетая в слишком большую куртку главврача из искусственной черной кожи, из-под которой высовывался длинный домашний халат, без колготок и в одетых на босу ногу стоптанных, чужих ботинках чуть большего, чем её, размера, она могла вызвать некоторое удивление сторонних наблюдателей.

Маша быстро забралась на заднее сидение, и они поехали.

Она, на свое удивление, совершенно не боялась этого приключения. Девушка была радостна, поскольку вырвалась на волю. Кроме того, в кармане у нее лежала справка со странным диагнозом «реакция на ситуацию», со всеми полагающимися подписями и печатями, что являлось достаточным основанием для деканата не засчитывать прошедшие дни прогулом занятий.

И потому, Маша с радостью наблюдала проносящиеся мимо знакомые очертания зданий любимого ею города: его слегка припорошенные выпавшим довольно рано снегом улицы, старинные дома, четкие контуры каналов и мостов.

Покружив немного по городу, черный внедорожник вновь выехал на Фонтанку, проехал мимо Большого Драматического театра. Вскоре водитель свернул направо. Машина сделала полукруг — оборот, и остановилась у глухого каменного забора.

— Приехали, девушка! — сказал веселый водитель. Он вышел и распахнул перед Машей дверь машины.

— Куда? — спросила та.

— Я не знаю. Я просто водитель. Вас просили доставить сюда. Это — Ротонда. Знаешь это место?

— Я здесь никогда не была.

— Ну, вот и познакомишься. Странная архитектура. Внутри. Снаружи — обычный питерский подъезд… Да, забыл сообщить: код на дверях сейчас — 0748.

Водитель забрался в машину и уехал. А Маша зашла через узкую калитку возле закрытых проездных ворот во двор этого дома.

«Ну, что ж…Пока всё, что произошло после моего разговора с врачом, было замечательным и неожиданным. Не думаю, что здесь ждет какая-нибудь ловушка», — подумала Маша и набрала код. Замок щелкнул, и она открыла двери и вошла. Тут же зазвенел где-то подвешенный колокольчик. Внутри было темно.

Похоже, обычный подъезд… Она открыла следующую дверь и оказалась в просторном круглом помещении, как под куполом. Стены «простого подъезда» были сплошь украшены фресками, и, похоже, изображали сцены из Евангелия. Стрельчатые окна украшали витражи. С Древом Жизни и с фантастическими птицами. Вверх, к квартирам, уходила витая лестница, закрученная спиралью, с литыми чугунными перилами.

Посередине свободного пространства был круглый люк, выкрашенный золотой краской. Диаметр люка был намного шире, чем простого уличного, и назначение его было неопределенным. Неподалеку от люка, на небольшом возвышении, стоял длинный стол. Он был накрыт красной скатертью с тиснеными золотыми павлиньими перьями. На столе располагалась статуя танцующего Шивы из бронзы, а рядом — старинный подсвечник и компьютер.

Вскоре из одной из дверей наверху вышел тщедушный человечек в черном одеянии и стал спускаться. Из дверей, расположенных выше, тоже показались люди. Все спускались и рассаживались за столом. И одеты были весьма странно.

Один из них, в длинном персидском халате и с закрученными усами, спросил у Маши:

— Как вас зовут?

— Мария, — ответила она. «Что за странный спектакль?» — пронеслось у нее в голове.

— Присаживайтесь к нам за стол. И расскажите свою историю, — попросил тот человек, в черном.

Она присела, вовсе не представляя, как и о чем говорить. Кроме мужчины в персидском халате и человечка в черном, с печальными и умными глазами, здесь была также молодая женщина в сари и высокий парень в костюме мушкетера и прочие, одетые также эксцентрично…

Но потом слова будто сами полились из нее бурным потоком, выстраданные и ждущие своего часа.

Мария сидела и рассказывала… О том, как изменился вдруг Николай. О странной вечеринке. О Фредди. О её походах по врачам. О психушке. О письме, файле «без имени».

Они слушали очень внимательно, и, быть может, даже записали этот рассказ. Иногда задавали вопросы. В конце рассказа человечек в черном попросил:

— Маша… Пожалуйста, вспомните всё, что связано с той вашей поездкой в некое учреждение, где вас попросили купить препарат для флюорографии почек… Ничего странного с вами там не произошло? Это — очень важно.

— По дороге оттуда у меня пропал паспорт. Вытащили в троллейбусе из кармана. Я подумала, что его перепутали с

кошельком.

— Так… Заметали следы. Подкинули бы потом… Где-нибудь в районе Колпино. Вместе с каким-нибудь трупом, трудно опознаваемым, — начал человек в халате мрачно.

— Стоп, обсудим детали позже, — остановила его женщина в сари. — Итак, Маша, а могли бы вы узнать то место, куда вас отвозила эта женщина, из почечного диспансера? Кстати, какая вывеска была на самом здании этого диспансера? Каков он, где находится?

— Диспансер… Был, как каменный сарай. Возможно, старая конюшня. Без архитектурных деталей. На вывеске было только одно слово: «Диспансер». А его адрес у меня есть в записной книжке стереоплейера.

— Хорошо. А… Тот, другой, медцентр? Могли бы вы указать, где он расположен?

— Скорее всего, нет. Меня туда возили на машине. Само здание, впрочем, узнала бы наверняка. Очень большое здание.

— А опознать хотя бы район, где он находится?

— Узнала бы по внешнему виду ближайшую станцию метро. Названия её я не знаю. Но помню рядом стоянку такси, маленькие магазинчики, киоск… Цветочный. Кота на окне булочной.

— Неплохо. Учитывая, что её, под видом введения вещества, необходимого для того, чтобы сделать рентген почек, по всей видимости, накачали внутривенно еще какой-то гадостью, дурманящей разум, — начал человек в халате.

— Надо будет… Слегка поколесить по городу. Есть, что искать. Если обследовать все станции метро…, - начал задумчиво «мушкетер».

— Винзор, откройте! Он приехал, — сказала женщина, похожая на японку. Она следила за экраном компьютера.

Маленький человечек в черном пошел к двери.

— Кто приехал? — спросил спортивного вида мужчина.

— Неназываемый, — ответил кто-то.

— Ну, вот он пусть и покатается с Машей, вместе с Арамисом, — и спортсмен кивнул на мушкетера, — У них всё получится.

«Странно… Похоже, что у всех тут… Нет имен. Нормальных имен, — подумала Маша. — Но эти люди… Мне симпатичны, — и она улыбнулась Арамису, который смотрел на нее пристально.

— Да, Машенька. Мы симпатичны. А еще, от нас иногда крышу сносит, — сообщил он, наклонившись к ней, громким театральным шепотом.

— Не пугай девчонку. Хорошая же девочка. Без паразитов, — дернул его за край одежды человек в халате.

Но в это время вошел Неназываемый, человек в длинном плаще, с волевым подбородком, чем-то похожий на древнего римского сенатора. Он проницательным взглядом окинул всех присутствующих, — и, кажется, был уже в курсе беседы.

Она вновь поймала себя на мысли, что здесь происходит некая игра, спектакль… И в то же время, за этой странной, затянувшейся игрой скрывалось что-то действительно загадочное и весьма серьезное. Будто, что-то действительно происходящее прикрывалось странной бутафорией и видимым отсутствием смысла.

— Маша! Уделите нам этот день. Поедем в кафе, перекусим… Вы с Неназываемым немного покатаетесь по станциям метро. Он совсем не страшный, и вас не обидит. А потом, мы отвезем вас домой, — предложил Арамис.

И она согласилась.

* * *

Кафе оказалось весьма уютным. В нем постоянно действовали актеры пантомимы: и на маленькой сцене, и среди посетителей, и даже за некоторыми столиками… Они разыгрывали миниатюры. А в перерывах между миниатюрами, прямо между столов, танцовщицы в индусских или же японских одеяниях исполняли сложные танцы.

За окном падал снег, но они заказали мороженое. А еще, фрукты и вино.

Маша с удовольствием съела мороженое и даже выпила вина, сидя за столиком с ажурной белой скатертью и салатными салфетками в стеклянных подставках в форме улиток. При входе новых посетителей раздавался мелодичный звон «эоловой арфы», реагирующей на поток воздуха. Впрочем, посетителей в восемь с чем-то утра было мало. И вообще было странным, что в такую рань здесь присутствуют танцовщицы. Странное было кафе.

— Непривычно как-то пить вино прямо с утра, — сказал Арамис. — Давненько я этим не страдал.

— Вино можно пить в любое время суток, — отозвался Неназываемый. — Еще скажи, что ты сегодня спал.

— Спать… Это удовольствие бывает нечасто. Кстати, мы, кажется, познакомились в этом кафе. Давно, правда. Тогда я много спал и много пил…

— А мне казалось, что не здесь. Что это было в Праге, — возразил Неназываемый. — Там всегда отличное пиво… Кажется, то был черный портер.

— Нет. Все же, то было после. Второе знакомство. По новой. И ты, и я сильно изменились, когда покинули Россию. И вначале не узнали друг друга. А познакомились первый раз здесь, в Петербурге, я студентом тогда был. Потом на Васильевский поехали. Ночь, улица, фонарь…

— Аптека… Та самая…Пеля и сыновей. Помню старину Александра Пеля, — Неназываемый улыбнулся. — Неужели, это было еще тогда? А мне запомнилась Прага…

— В Праге — это уже в эмиграции. Проездом в Париж. Я вас тогда узнал, но не сразу, — и Арамис странно гыкнул. — А сейчас… Я имел в виду нашу последнюю встречу, в этом кафе… В девяностые. И вы снова меня… Сперва не узнали. Редко видимся…

В это время Неназываемому позвонили, и он схватил свой странный гаджет устаревшего образца. Кажется, такие назывались айфонами и были плоскими. К ушам явно не цеплялись, как новомодные «ракушки» плейерфонов или апгрейдов.

— Что? Подвезти? Вы — где? — отвечал он довольно громко.

— Что случилось? — спросил Арамис, когда тот оборвал разговор.

— Едем… Фанни… Одна новенькая… Дала мой номер на случай непредвиденных обстоятельств еще одному новичку. И он меня вызвонил.

— Обстоятельства действительно серьезные?

— Да. Лучше не затягивать и ехать. Допивайте вино.

* * *

До Летнего Сада, засыпанного сейчас снегом, ехать было не слишком далеко. У его решетки к ним подошел человек, с трудом поддерживающий второго, с трудом передвигающего ноги. За ними стояла небольшая толпа зевак.

«Пьяный? — подумала Маша про этого второго, бледного парня. — Вроде, не похоже. Напуганный он какой-то, причем, интеллигент, наверное». Одет молодой человек был явно не по погоде: в легкий пиджачок.

Неназываемый вышел из машины и помог этим двум забраться к Маше на заднее сидение. Зеваки тут же рассосались, а Арамис завел машину.

Странный человек с тростью сел между человеком, похожим на пьяного и Машей. Сразу снял шляпу, положив её на колени, будто на голове она ему мешала. Средних лет, среднего роста, с колючими черными глазами и аккуратной тонкой бородкой и

усами, он быстро, но довольно назойливо пробуравил Машу взглядом, пока она, заглядывая через него, сама рассматривала того незнакомца, что был без сознания.

Машина медленно тронулась.

— Что случилось, Схимник? Я не стал узнавать подробности по телефону…

— Он… Упал. До этого, говорил что-то странное. Про шефа, про нервнопаралитическое что-то… Боюсь, накачали парня каким-то «снегом»… Против воли. На наркомана не похож…

— «Снег»? — встрепенулся Арамис. — Слыхал я, что синтезировали недавно такую дрянь. Накачивают ею и отправляют на смерть… Человек себя не контролирует. Выполняет то, на что его запрограммируют.

— Ну, вы и погуляли, Схимник! То ли вы такой везучий, то ли город у нас такой… Погуляли, понимаешь ли, отдохнули, воздухом подышали! — усмехнулся Неназываемый.

— Ну да… Кстати, с первым снегом вас!

— Двусмысленно как-то, — вздохнул Арамис. — Даже снег у нас нынче не снег…

— Я… Не стал вызывать такси. Вызвал вас. Фанни дала этот телефон… Вы уж простите.

— Правильно поступили. Дело, похоже, занятное с парнем этим… Подбрось их к нашему платному центру, Арамис.

— Нетрадиционной медицины, в смысле? Еду.

— Откачают там парня — а вы оба ждите. И поезжайте потом… Домой. Ко мне. Позвони только Фанни, предупредите её. Потом, Арамис, езжай к своим, а вы, Схимник, ждите меня у Фанни. И займите парня чем-нибудь. Не отпускайте его до моего приезда.

— Похоже, что ему некуда особенно спешить. Никто до сих пор не хватился, не позвонил. И работу, как я думаю, ему надо будет менять. Странная у него работа. Была.

— Если что, оставим его у нас. И работу подыщем. Будет под твоей опекой, Схимник.

— Ну, я и сам — новичок, — усмехнулся тот. — Самого Фанни недавно откачала…

* * *

Они высадили Схимника, Арамиса и того человека, который пострадал от действия каких-то вредных веществ, рядом с центром нетрадиционной медицины. И теперь за руль сел Неназываемый, да и Маша пересела вперед.

Машина колесила по городу довольно долго. Пока Мария не опознала знакомую станцию метро. С булочной, цветочным магазином и киосками поблизости. И фонтаном неподалеку, за поворотом.

— Стоп, — сказал Неназываемый. — А теперь, пойдет более серьезная работа.

Тем не менее, ничего особенного не началось. Они просто сидели в машине, припаркованной на стоянке напротив небольшого скверика. Того, что с фонтаном. Казалось, Неназываемый внутренне сосредотачивался. Наконец, сказал:

— Закрой глаза. Расслабься и постарайся ни о чем не думать, — и, коснувшись её лба, он закрепил на нем холодный небольшой и, похоже, квадратный предмет, чуть выше межбровья. — Представь, что ты погружена в фиолетовое облако, наполненное золотистыми маленькими звездочками. Ты совершенно спокойна, дышишь ровно, ты вдыхаешь розовый поток, а выдыхаешь голубой. Сосредоточься на этой визуализации. А теперь, представь, что ты поднимаешься в воздух, и вокруг тебя лишь белые облака и синее-синее небо. Представила? А теперь, мы поехали. Говори мне, куда поворачивать. Представь, что ты смотришь сверху на землю, как на карту. И знаешь некий маршрут… Итак, куда?

— Прямо.

Машина тронулась, и поехала прямо. И Маша продолжала говорить, куда ехать, когда поворачивать, и они всё ехали и ехали; она повторяла сложный и запутанный маршрут, воссоздавая в памяти все подробности своего путешествия с той теткой, что везла её в некий сомнительный медцентр.

— Здесь, — наконец, сказала Маша и открыла глаза. А открыв, невольно вздрогнула. Это и было то самое здание. Сейчас оно казалось ей зловещим. И ей вспомнился тот человек в этом здании, что укоризненно покачал тогда головой, глядя на нее.

Сюда выходил фасад, но Маша знала, что здание имеет форму буквы «П», и простирается далеко вглубь. Никакой таблички на здании не было. Двери были плотно закрыты, а из ближайшего к дверям окна на них сейчас хмуро поглядывал охранник.

— Это — здесь? — спросил Неназываемый.

— Да.

— Тогда, уезжаем. Дело сделано. Я зафиксировал, где это.

Они поехали вперед и еще немного поколесили по городу. А потом Неназываемый сказал:

— Ну, что, Маша… Хвоста за нами нет. И мы поедем теперь… Домой. К нам. Тебе нельзя сейчас жить в общежитии. Может быть,

тебя никто не будет искать там, но может… В общежитие очень легко пройти. И лучше, если ты некоторое время поживешь у нас. У тебя будет отдельная комната, и ты будешь спокойно учиться, ездить на занятия. А подругам скажешь, что решила снять на время жилье или пожить у дальних родственников.

— Я скажу, что переехала к тете, — согласилась та. — Что мне нужно оправиться от болезни, успокоиться.

— Вот и хорошо. Едем… домой.

* * *

У Фанни, похоже, сегодня был приемный день.

Вначале ввалился Схимник с незнакомым парнем. Который представился Евгением. Долгое время он озирался несколько затравленно, но постепенно освоился и даже стал улыбаться и застенчиво благодарить Фанни за заваренный чай. Тогда, Схимник предложил ему поиграть в шахматы. И они, разыграв довольно сложную и долгую партию, в конце концов согласились на ничью.

А вскоре после этого явился и Неназываемый с незнакомой девушкой. Вошел резко, без стука, как никогда не входил сюда, и, не останавливая взгляда на хозяйке комнаты, сразу спросил Схимника:

— Ну, как твой подопечный? — это при самом «подопечном»…

— Как видишь, жив, здоров. Дали противоядие еще в медцентре. Они, вроде, уже встречались с такой гадостью. Говорят, что таким «снегом» пичкают людей перед проведением спецопераций, делая смертниками, давая им установку… Бандформирования всякие.

— Последствий не будет?

— Нет. Доза была мизерная. Он… Просто запачкал палец и машинально лизнул его.

— Это… Хорошо, — выдохнул Неназываемый. — Тогда, садитесь в круг, за стол. Рассказывай, Женя.

Как ни странно, Евгений, когда все расселись, хотя и был человеком весьма застенчивым, и всегда считал себя таковым, сразу стал рассказывать.

Он рассказал про своё коллекторское агентство, про то, как он случайно обнаружил в столе рассыпанный белый порошок… Про людей, что были там ночью. Про то, как он прятался в шкафу. И как в помещение вломились незнакомые ему люди и его шеф.

— Постарайся всё вспомнить как можно детальней. Имена,

клички, облик, — настаивал Неназываемый.

— Ну… Облик только шефа могу описать. Остальных не видел. Сидел в шкафу. А клички… Моего шефа звали Генералом. А приехал некто Крот… Он как бы тоже вхож в нашу контору и тоже её арендует. Когда коллекторское агентство закрыто. Я так понял.

— Крот? — вскрикнула Маша.

— А что? — спросил Евгений.

— Да так… Ничего.

— Нет, ты говори, что знаешь. Это важно, — сказал Неназываемый.

— Пусть вначале Женя расскажет до конца.

— Ну, этот Крот, как я понимаю, травит этим «снегом» людей, предположительно в ночном клубе или кафе. И привозит туда, в агентство. Когда оно не работает. Эти люди ему или его приятелям нужны для каких-то тайных дел. А мой шеф явился в это же время, поскольку ему был нужен детектор лжи… Ну, про детектор я и раньше знал. Что есть такой у него в кабинете. При мне однажды из тюрьмы одного привозили, допросить. Ну, в этот раз… Допрашивали пленника, политического. Какие-то «братки», так сказать. Им сведения были нужны для шантажа… Противно всё это…

— Значит, Крот, — задумчиво сказал Неназываемый. — А ты, Маша, что о нем знаешь?

— Ну… Сидела я когда-то на чердаке и плакала. Это когда Николай, на том самом вечере…

— Опустим подробности. Кто вошел на чердак? Зачем? Они тебя видели?

— Меня не видели. Пришли двое. И я слышала их разговор. Один называл другого Логовом. А другой… Не помню, как. Но они упоминали Крота. Который… Ну да! В одном медцентре работает… И должен был… Заняться некой «девчонкой». Мне еще тогда показалось, что речь идет обо мне, но это было нелепо, и я отогнала эту мысль. Но… Речь шла именно об операции. О том, что могут вырезать и продать какой-нибудь орган…

— У девчонки?

— У девчонки. Чтобы отстранить её от… То ли кадра, то ли субъекта. А то, она заподозрит неладное.

— Значит, Крот работает в медцентре. Скорее всего, том самом, который ты мне сегодня показала. И там синтезируют «снег» и, возможно, всякую иную гадость. Явно работают с размахом. И нити от странного эксперимента над Николаем тоже тянутся к этому медцентру… Вопрос, им нужен был именно Николай, или было все равно, на ком поэкспериментировать? —

Неназываемый задумался. — Надо проверить на всякий случай версию, что и Николай, вернее, его облик, был зачем-то нужен. Маша, где бывал и чем занимался твой друг?

— Он… Спортсмен. Ходил в свободное от занятий время в молодежный фитнес-центр. В том же здании располагается школа боевых искусств и закрытый молодежный клуб.

— Надо проверить, может ли это заинтересовать таких, как Крот.

* * *

Некоторое время, засев за компьютером вместе с Евгением, Неназываемый провел, создавая по его описаниям внешность жертв «снега» и шефа агентства, Генерала. Загнал их в компьютерную базу и сказал:

— Ну, что, Фанни, Схимник, едем? Мы, вроде бы, сегодня собирались в гости… А вы, Женя, Маша, отдохните пока сегодня. Пойдемте, я вам покажу ваши комнаты и дам ключи. Вещи ваши завтра перевезем. Вы, Евгений, где живете, у родственников?

— Нет. Один. Снимаю комнату.

— Тогда, снимайте у нас. Если не против. Потом, и работу подыщем вам другую. Согласны?

— Да.

* * *

Уже в машине, он сказал спутникам:

— Ни на Марии, ни на Евгении нет подсадок теней. Это — уже немало в наше время. Возможно, они — наши. Будут с нами. А сейчас… Мы едем к одной моей знакомой, которая работала некогда в одном секретном НИИ. Она может пролить свет на некоторые вопросы.

— И как её величать? — спросил Схимник.

— Я называю её Княгиней. И Милицей. Так повелось. Давно.

* * *

Княгиня жила в новом, опрятном доме с закрытой парковкой, инфраструктурой и кодовым замком на воротах во двор. В последнее время стали строить такие странные коммуналки. В которых из них, несмотря на внушительный внешний вид, не

только кухня, но и туалет были общими на несколько комнат с разными хозяевами. Впрочем, семья Княгини занимала целый отсек второго этажа, и потому, коридор, входная дверь в отсек, туалет и кухня тоже всецело принадлежали этой большой семье.

Даже в коридоре, куда они вошли следом за хозяйкой, было шумно. Несколько детей висело на шведской стенке, а еще один ребенок катался на велосипеде.

— Знакомьтесь, это — мои праправнуки, — представила Милица, худая, высокая, стройная дама с пышной прической на манер девятнадцатого века, кокетливая и весьма симпатичная. — А нам — сюда.

Они последовали за Княгиней в комнату, весьма уютную и обставленную под старину. Одну из стен здесь занимал огромный шкаф, и часть полок этого шкафа была уставлена книгами, а другая часть — веерами, павлиньими перьями, различными статуэтками, раковинами, камнями, кораллами. Был здесь также китайский болванчик, постоянно покачивающий головой из стороны в сторону, матрешка и старинные золотые часы.

Вдоль другой стены стоял торшер, прикроватный столик с огромной пепельницей, диван, над которым висел восточный ковер, круглый старинный стол с кривыми ножками… Стол был застлан коричневой бархатной скатертью со сложным узором и бахромой. Над столом висели старинные часы и несколько картин в золоченых рамах.

В общем, комната была типично питерская.

Княгиня присела на диван и жестом показала на кресла, расставленные вокруг стола: садитесь, мол.

Комната освещалась лишь масляной ароматической лампой, стоящей на столе, и торшером в углу. Хозяйка выдвинула ящичек прикроватной тумбочки, извлекла сигареты и мундштук и закурила. К счастью для Фанни, не переносящий табачного дыма, этот сизый дым, что поплыл по комнате, был не был слишком отвратителен, и даже имел приятные оттенки запаха. Табак у Милицы был качественный.

— Ну, Неназываемый, говори, что привело тебя ко мне в гости, какая забота? — спросила Княгиня.

— Решил навестить старого друга.

— Ну… Не так-то часто ты ко мне заходишь. В основном, по интернету общаешься. Не интернетный, значит, разговор… Будешь предлагать к вам переехать? Не хочу пока. Очень уж будет не хватать мне этих стен. Да и правнуки-праправнуки скучать по мне будут. Видал, какой кагал здесь у меня?

— Не напрягайся, Милица! Новый паспорт и новую жизнь тебе оформим, когда сама пожелаешь. Мы здесь по другому

вопросу.

— Значит, что с наукой связано? Так я много лет уже как связь с профессорами тамошними почти не имею. Многие и вовсе померли давно. К тому же, не во все дела и раньше была вхожей, да и многое забыла. Жаль, конечно, что сам институт тоже давно закрыт. Интересно там было. Теперь — что за наука? Суета сует… Никакой тайны.

— Не прибедняйся, Княгиня! Голова у тебя светлая. Не строй из себя бабку.

— Привычка… Бабку из себя играть. Положено так, вроде… Так, что за вопросы тебя интересуют?

— Помнишь, ты мне намекала, что изображения на черных камнях, глиптолитах, которые собирал доктор Кабрера, навели людей на странные размышления?

— Да. Было дело. Решили заняться…пересадкой души. Если можно так выразиться. Именно этот процесс, как им показалось, был запечатлен на нескольких рисунках.

— Ну и как? Были успешные эксперименты? И, если были… почему ты мне этого никогда не рассказывала?

— Странное то было дело. Странное и страшное. Но, к счастью, вроде бы не имело последствий: я имею в виду широкое внедрение в жизнь подобных вещей. Если кратко, они решили записанного интела не запускать в интернет… А попробовать внедрить его в тело другого человека. Чтобы, в конечном итоге, живой человек получил бы знания другого человека, незадолго до смерти последнего. Интела, при чем, намеревались записать с человека по возможности близко к тому моменту, когда его покидает душа… То есть, к моменту смерти, — Милица стряхнула пепел в пепельницу в виде хрустального черепа со срезанным верхом и откинулась на спинку дивана.

— А если подробнее?

— Ну… Попробую вспомнить, как слышала и как читала в документах… Человека при смерти, чье имя я дала слово не упоминать, да оно и не важно, известного, впрочем, профессора, доставили в институт и…Скопировали его интеллект в черный ящик. Как любого интела копируют. Человек лежит, а шифрограмма мозга, как высвеченная молнией, перетекает в кристаллозаписи жидкой органики.

— Мы поняли. И эта запись ничем не отличалась от обычной? Только тем, что произведена была в момент смерти?

— Да. Только, ящик был снабжен не только разъемами, выводящими в компьютер, но… Имелось также подключение к некоему разряднику и присоски, соединяющие, при надобности, этот «разрядник» с глазами, сердечной зоной и головой другого

человека. И, в момент подачи сильного разряда…

— Подожди. А кто был этим, другим, человеком?

— Привезли тело, так сказать… С вполне функциональным организмом, но с отсутствием сознания.

— А диагноз?

— Летаргический сон, кажется. Но точно утверждать не буду. В документе, что мне попадался, не было указано.

— А дальше?

— Дальше… Подключили черный ящик, подсоединили к профессору, и, как только закончили запись, подсоединили и к другому телу и дали разряд…

— И?

— Через минуту тело встало… А профессор, подключенный к «ящику», не подавал признаков жизни, хотя пульс прощупывался, сердце билось… Еще некоторое время. В общем, сознание профессора оказалось затем в этом, другом, теле. И оно было вполне жизнедеятельно. Но… Профессор был в шоке, страшно ругался и говорил, что никто не смел ставить над ним опыты, не спрашивая его разрешения.

— Но… Его же спасли… Дали ему другое тело…

— Да. Но… Тот, кто занимал раньше это тело, в результате умер. Вернее… Запись интела, что был в черном ящике, изменилась. То, что там обнаружилось после эксперимента, понятное дело, не было записью интеллекта профессора. Но ящик не был пуст. Там была… Другая запись, совершившаяся мгновенно.

— Чья?

— Не догадываетесь?

— Есть предположение, но хочется услышать…

— В результате разряда, там оказалась запись того человека, что был вытеснен из тела. Того, который был в летаргическом сне. Теперь он стал интелом… Будто души, или, как позднее выразился профессор, изучавший эзотерику, «светокопии душ» поменялись местами…

— А что было после?

— Профессор, в результате того эксперимента, на который он согласие не давал, получил как бы вторую жизнь. Но он, вместо благодарности, так сказать, во всю боролся против подобных экспериментов и против обнародования результатов. И добился полного прекращения подобных опытов и закрытия всего направления.

— Когда это было?

— Лет двенадцать — тринадцать тому назад. В последний год моей работы в институте, уже простым вахтером. Потом его,

институт, совсем закрыли.

— Закрыли «закрытый» институт?

— Вот именно.

— И… Что теперь на его месте?

— Кажется, какой-то медицинский склад. Не знаю толком. Туда никого не пускают, и никто из прежних там не работает.

— Интересно, — слазал Неназываемый, — Весьма…

— Наверное, случилось что, раз вы копаете в подобном направлении?

— Случилось…

— Умертвили кого?

— Пока неизвестно. Мало сведений. Но эксперимент прошел криво. Случилось непредвиденное… Так против чего боролся профессор?

— Против того, чтобы черный ящик и разрядник снова были когда-нибудь совмещены. Он так сформулировал. Говорил, что достаточно нам интелов в Единой Сети, и вовсе не надо, чтобы они вытеснили еще и живых людей… в черные ящики. Тем более, что, как он считал, таким образом можно было наштамповать несколько одинаковых людей. С одного сознания… Уничтожив действительно живущих, запаковав их в черные ящики. Или, менять людей телами…

— А это… Было возможным?

— Нет. Пока нет. Но профессор считал такое теоретически возможным. Именно потому, он считал нужным заморозить эксперименты на ранней стадии.

— А почему… Обмен телами был всё же невозможен? Подключили бы прибор с интелом к живому, здоровому человеку, соединили присосками, дали бы разряд?

— Связь у живого, здорового человека с телом достаточно прочна. Разряда будет мало. Вот, если он в коме, или в состоянии летаргического сна… Как бы слегка «вне тела», как полагают экстрасенсы…

— А гипноз?

— Возможно… Если жертву загипнотизировать? Но, повторяю, эксперименты были прекращены, и более мне ничего не известно.

— А много ли народу о них знали?

— Довольно много. Пол — института.

— А где хранились приборы после запрещения таких опытов? Или их уничтожили?

— Не уничтожили. Просто списали. И хранили на складе, где и другие списанные приборы. Думаю, что, если хорошенько покопаться, там многое что можно найти.

— Да… Очень бы хотелось узнать, на месте ли сейчас этот разрядник. И всё остальное.

— Теперь — и мне тоже. Попробую завтра проникнуть на территорию этого бывшего института. Туда, конечно, никого не пускают. Ведь института уже нет…

— Не стоит, Милица. Это вызовет подозрения. Это очень опасно.

— Ну и что? Вы с Библиотекарем всё намекаете мне на то, что я — не такая, как все. Что я — бессмертна, — улыбнулась княгиня. — Такая, как ты, Неназываемый.

— Мы не бессмертны. Просто, долго живем и не стареем. Но, увы, нас так же, как и других, можно убить, пытать, и совершать над нами прочие злодеяния. Мы — люди. Не более. Мы — не боги. И никогда ими не будем.

— Ну вот… А я так надеялась! — и Милица, потушив сигарету и оставив её в пепельнице, откинулась на спинку дивана и потянулась. — В детстве, когда меня спросили, кем я хочу быть, когда вырасту, я ответила: «Богиней!»

— Значит, мы все еще не выросли, — серьезно ответил Неназываемый. — Не ходи туда, Княгиня. Даже я не смогу тебя вытащить на этот раз… К тому же, знай: ниточка от тебя потянется к нам. Мы связаны воедино, хотя ты пока ещё не хочешь уйти и жить среди нас.

— Рано или поздно… Я, должно быть, поверю, что… Не такая, как большинство. Пока я считаю, что лишь чуточку задержалась на этой земле, но вскоре… Снова будут морщины и одышка. Уже навсегда. Я ведь… Самая обыкновенная. Я не могла ничем заслужить этот дар. Быть избранной, что ли. Иметь некую миссию.

— Не нам решать. Значит, заслужила. Может быть, именно тем, что никогда не бронзовела и наделена юмором, Милица. В общем, ты одна из нас. Людей, на которых странным образом пал выбор. И знай, что ты не одна.

— Спасибо, Неназываемый.

— Спасибо тебе. Ты нам очень помогла.

— Неназываемый…

— Что, Милица?

— Я знаю, как тебе бывает тяжело. Держись! Ты — лидер. Хозяин будущего мира. Но… Ни тебе, ни мне… Ни всем нашим… Некуда здесь идти. Мы задыхаемся здесь. И я не знаю, есть ли выход. Тебе… Это знакомо?

— Да, Милица. Для нас — везде заперто. И этим воздухом страшно дышать. Мы чувствуем себя как люди с ободранной кожей…И это не пройдет никогда, не рассосется. Именно

потому… Нам так нужны плечи друзей, стоящих рядом.

— Значит, это навсегда?

— Что?

— Эта боль… Эта чужая боль.

— Да.

— Ну… Ладно. Пора прощаться. А то вы спили весь мой чай. А я скурила все свои цветы…, - Княгиня приподнялась и натянуто улыбнулась.

— До свидания, Милица.

— Я провожу вас.

* * *

В машине Схимник спросил:

— Что-то тут не сходится пока, да?

— Ты это о чем? — решил уточнить Неназываемый.

— Николай не был в летаргическом сне…

— Мы не знаем, где он был, — Неназываемый вздохнул. — И, если сделать некоторое допущение, то всё сойдется… И Николай, и его сосед… сидели на параллельных линиях проводов, и были в сети интернет. Ну, а те, кто устроили этот жуткий эксперимент, вычислили, что Николай в сети, и запустили ему вирус. Мне, например, известно, что недавно бандой хакеров и воров был разработан вирус, который можно послать письмом. Хозяин открывает почту, а там — гипнокартинка, вводящая в ступор. Излучение, действующее на мозг. В результате, хозяин известной ворам квартиры пребывает, допустим, час в прострации, а его квартиру тем временем обворовывают. Думаю, что примерно в таком состоянии и пребывал Николай. Он получил какой-то компьютерный хитрый вирус. Ну, и к нему вошли и подключили черный ящик и разрядник. Пока он в отключке… Только, гипновоздействие получил и сосед Николая, также находившийся в сети. И вышло всё странно. Не знаю, жив ли этот Владик. Если да, то он — внутри ящика. Как более слабо связанный с телом организм… В его же теле — Николай.

— А в теле Николая — чей-то интел?

— Наверняка. И, скорее всего, такого кадра, интел которого не выживет в сети за недостатком интеллекта… Гнусной мерзости.

— А тело… Было выбрано случайно? Почему — Николай? Что-то хотят натворить…

— Я тоже так думаю, Схимник. Задумали заодно с экспериментом что-то еще.

— А потому… Я хотел бы с ним встретиться.

— С кем?

— С реальным Николаем. Тем, что сейчас в теле инвалида. Узнать, в чем дело.

— Быть может, что ни в чем. Или, он сам не догадается, что им от него надо. Но… Действительно, надо попробовать поговорить с парнем. Надо иметь с ним связь, и не только через интернет. У меня такое впечатление, что секреты сети доверять нельзя. Уж не знаю, в интелах здесь дело или в хакерах… В общем, связь с ним нужна вживую. Если что… Чтобы он подъехал. И узнал об этой необходимости не по связи и не через интернет.

— Зачем?

— Я хочу раздобыть тот прибор. Скорее всего, он в том самом медцентре, куда возили Машу.

— И - что дальше?

— Думаю, что можно устроить… Обратный эксперимент. Должно выйти. Чужой интел в теле живого хозяина — система, думаю, не стабильная… Лишь бы они не успели угробить его тело…

Глава 3. Бегущий во тьме

Нам, интелам, так же, как и людям, тоже снятся сны. Только, наша явь и наши сны — это почти одно и то же. Пожалуй, наши сны даже ярче нашей яви. Поскольку в них проникают образы, принадлежащие не только нашему сознанию, но и компьютерным играм, рисункам, чужим интеллектам…

И вот мне приснился кошмар. За мной гонятся ледяные, зияющие дырами глаз, создания, дышат черным смерчем мне в затылок, завывают ледяным хохотом, который впивается в несуществующий затылок ледяными иглами… Они хотят разорвать и уничтожить… Нет, не плоть, которой у меня нет. Душу.

«Что ты скрываешь?»

«Что ты узнал?»

«Что ты хочешь узнать?» — Это они шипят мне в след ледяные, острые слова.

В ужасе, я бегу, бегу… Среди недостроенных многоэтажек, с пустыми глазницами окон, среди бетонных конструкций, упирающихся в серое, плотное небо из жести, среди заунывной тоски и безлюдья, крошева строительного мусора… Бегу среди лабиринтов, непонятных схем, коридоров черного, ледяного сознания, среди пустоты, обрывающейся в черную мглу, среди кабинетов, в которых слышны тихие шаги палачей, внутри тесных узких камер с решетками на окнах, среди толпы голых людей с отрешенными лицами, между высоких заборов… Бегу… И вдруг — свет. Яркая вспышка света…

Я проснулся.

Внезапно, я вижу, как всё было. Не со мной. Совсем в другом месте. Реально, явственно вижу. Как пришли к этому Николаю, о котором я много думаю в последнее время. Прямо в квартиру, открыли дверь отмычкой. Всегда при жизни боялся воров. Даже не того, что меня обкрадут, нет. Именно того, что войду я к себе — и застану там чужих. Будто найду в своем собственном укромном уголке скорпиона или змею. Это даже не страх. Брезгливость, что ли…

Они вошли в чужой дом. К беззащитному человеку, находящемуся без сознания. Они переместили его душу в маленькое, тщедушное тело Владика. А того — в глухой, черный ящик… Я вижу и на себе чувствую это. Будто это моё сознание везут в черном ящике. Мы, интелы, активируемся только в сети. А до того, наша запись спит. Но здесь… Здесь всё было совершенно иначе. Его сознание не спало. Он чувствовал, что его заперли. Но

не мог стучать, не мог кричать… Бесконечная, бездонная пустота.

Я вижу, как открывают двери одного из кабинетов. И ставят черный ящик в шкаф. Теперь я вижу это со стороны. Как бы сверху.

Потом я уже за дверью этого кабинета и вижу его номер. Шестьсот двенадцать… Я повторяю этот номер мысленно, несколько раз. Шестерка. И — двенадцать. Двенадцать месяцев… Шесть — половина двенадцати. Да, я запомнил. К тому же, этот номер, как я теперь читаю, указан в электронном письме одного бандита другому. Там. Прибор стоит там…

Нас, интелов, тоже можно убить. И я это знаю. Как и каждый из нас. Сами тени не могут этого сделать. Они лишь могут вторгаться кошмарами в наше сознание. Но нас могут вычистить из сети хакеры, те из них, которые являются приспешниками теней. Найти и уничтожить. Убить. Но я, интел Фрэд, уже переступил через страх смерти. И я верю, что ад существует только здесь. А там, за стеной существования… Там может быть только свет. Или же — новое существование. И я уже ничего не боюсь…

И потому… Я напишу новое письмо Марии. Отправлю как файл «Без имени»… Я напишу так:

> «Здравствуй, Маша! Я не выходил так долго на связь с тобой, потому что меня вычислили и за мной следят. Они не знают, что именно не так, но чувствуют, что я за пределом их контроля. Они следят, а я специально протаскиваю их за собой по компьютерным играм, квестам, с сюжетами апокалипсиса и фентези. Я оторвался от них ненадолго, и они меня вскоре нагонят. Но за это время я успею отослать тебе письмо. На это нужно лишь мгновение, после того, как я сформулирую его мысленно. И они не смогут вскрыть это послание, поскольку я поставлю сложную защиту.
>
> Маша, передай тем людям, среди которых ты живешь, что черный ящик, в котором находится сознание Владика, находится в том самом мединституте, опознанном тобой, в комнате 612.
>
> Кажется, я уже не просто интел, Мария. Я — не механическое сознание, не слит с машиной. Я становлюсь чем-то другим. Я читаю мысли, которые не записаны в сети, я выхожу в открытое пространство и считываю информацию с предметов… Я вижу людские души. Я существую вне времени, вне пространства, вне страха.

С уважением, твой друг Фрэд».

Глава 4. Казанский Собор

Неназываемый, Фанни и Схимник, как нередко и раньше по утрам, встретились в спортзале и вместе пошли затем в бассейн.

— Есть срочное дело, — сказал Неназывамый Фанни, стоявшей в купальнике на краю бассейна. — Приходи в общую гостиную, что при библиотеке, через несколько часов.

Фанни кивнула и стала спускаться по лестнице к воде. Чистая и прозрачная, голубоватая вода, радостное начало утра… Когда есть вода и солнечный свет, как считала Фанни, не надо пищи. Можно только заниматься йогой и впитывать энергию света. А тяжелые блюда нужны для привязки к ним и для того, чтобы человек зарабатывал ради них деньги. Порабощал себя, работал на то, чтобы есть. Конечно, человеку нужно ещё жильё и одежда. Тем не менее, главная проблема человечества, отсутствие необходимого питания для всех, может быть решена довольно просто, если те, кто живет достаточно долго будут практически не есть. Постепенно переходя на питание водой и солнечным светом. Нужен еще кислород. В достаточном количестве. Больше, чем его здесь, в загрязненном вредными веществами воздухе промышленного города. Жить только своей внутренней энергетикой можно только при наличии света, счастья, легкости и воздуха… Без счастья это точно невозможно.

Фанни проплыла несколько раз «дорожку», потом спрыгнула с вышки. Довольная и радостная, она вышла, наконец, из воды и завернулась в пушистое, мягкое полотенце.

В гостином зале библиотеки было несколько столиков, мягкие кресла и стеллажи с книгами, наиболее часто читаемыми: словарями, энциклопедиями, томами по истории, культуре, религии, а также альбомы по искусству. Неназываемый и Схимник уже сидели за столиком у окна, и Фанни подошла и села рядом.

— Что-нибудь случилось? Или просто поговорим? — спросила она.

— Просто поговорим. О том, чего я ещё не сообщил вам. Итак, и тебе, и Схимнику надо знать, что здесь, в этом доме, а также, в Библиотеке, в Ротонде, в других наших центрах мы в безопасности, благодаря нашим приборам. Но, в других местах города… Я имею в виду прежде всего именно закрытые помещения… Есть места, пропитанные безысходностью, сумраком, внутренним холодом, страхом, — словом, тенями. Их эманациями. Есть страшные дома, подъезды, здания, в которых застыл ужас…

— Да. Я это знаю, — тихо ответила Фанни.

— Но речь не об этом, а о том, что от этих явлений мы можем защититься. Ребята из наших медцентров, создающих сеть по городу, расшифровали старые ассирийские записи, клинопись. И, похоже, отыскали способ, как уничтожить самый главный, условно говоря, «вирус» теней, их негативные волны, загрязняющие наши души. Простым, фармакологическим способом, так сказать. Они создали, так сказать, «эликсир бессмертия» — так условно нами была названа эта жидкость. Чтобы не заразиться эманациями теней, изначально чистый, не подверженный ещё их влиянию человек должен пить этот эликсир, буквально несколько капель, до того, как он выходит «в мир». Особенно, если он собирается в гадкие, грязные общественные места. Чтобы ни один гад не коснулся сознания. К сожалению, на сильно зараженных тенями действие эликсира уже не распространяется. Он не может устранить более страшные их засорения.

— Мне кажется, что загрязнение сознания тенями в старину называлось «одержимостью».

— Да. Но всё гораздо сложнее… Есть разработанная классификация этих гадов, которые отравляют нам жизнь и загрязняют души людей. Некоторые из наших, например, Библиотекарь, всерьез занялись демонологией и даже пытаются найти, нейтрализовать и обезвредить некоторого рода неорганические структуры.

— А им не страшно? — спросила Фанни.

— Страх — это первый признак тревоги. Страх, неуверенность, чувство опасности… Это — сигналы того, что нужно бежать или защищать разум молитвой или мантрой. Сигнал того, что на вас совершается их атака. Но наши ловцы специально провоцируют гадов на их нападение, а потом ликвидируют свой страх и другие отрицательные эмоции. И нападающие на них тем самым получают, условно говоря, по морде. Но… только и всего. Они не уничтожаются этим, а лишь глубже отступают… В тень. И вновь выжидают. Способа полной их ликвидации еще не придумано нами… Помните притчу из Библии, где одержатели были загнаны в свиней?

— Да, — сказал Схимник, — в ней Иисус встретил человека, одержимого бесами. Который не одевался в одежды и уходил, даже связанный, разрывая путы, в пустыню.

— Кстати, при неких формах так называемых психических заболеваний люди и сейчас, так сказать, слышат голоса, — заметил Неназываемый. — У нас в медцентрах ребята наблюдали такое явление. Но… Продолжайте, Схимник…

— Иисус хотел излечить его, и спросил, как его имя… И тот отвечал: «Имя мне — легион», ибо бесчисленное количество бесов в нем пребывало. Иисус, как сказано, не повелел им идти в бездну. Но, изгнав их из несчастного, заключил их в стадо свиней, и эти свиньи бросились с обрыва в море и потонули. Знаете ли, любая притча хороша тем, что её можно понять по-разному. В силу своего разумения. И вроде, основной её смысл в том, что бесы любят грязь, и тому подобное… Свинья — как символ материального достатка…

— Да, несомненно, так можно понимать притчу. Но, можно иначе. Отправить их в свиней оказалось проще… А чтобы отправить их в бездны ада, нужна была страшная духовная сила, которая разрушила бы тело одержимого бедняги… Иисус из сострадания сохранил ему жизнь. А бесы… Всё равно возвращаются на землю. Будь то из бездны ада или же тела свиньи… В любом случае, бесов не уничтожают, а лишь изгоняют.

А, возвращаясь из библейских времен к нам с вами, могу сказать, что приспешники теней, одержимые ими, уже проведали о существовании нашей организации. Думаю, каким-то образом считали информацию из Сети интернета. Быть может, у них там, среди интелов, есть тайные союзники. В общем, наши враги знают о том, что здесь, конкретно в Питере, существует некая группа людей, то есть мы, и эта группа помогает выживать другим людям, а также обладает неким «эликсиром бессмертия». Последний их очень интересует. Поскольку они считают, что это нечто, дающее долгую жизнь телу. Любому телу, зараженному или же не зараженному их эманациями, имеющему или не имеющему подсадку теней. Они не знают, что так мы называем всего лишь препарат, защищающий нас именно от неорганических структур. Ибо, при отсутствии их эманаций в организме, в сознании, в душе человек действительно молодеет и живет очень долго. Но они-то слышали звон, так сказать… Не зная, о чем именно идет речь. И… Хотят выследить нас, уничтожить, раздобыть эликсир для себя. Они… Охотятся за нами по городу. И нам надо быть очень осторожными, когда мы выходим за стены наших укрытий, в особенности, во всяческих общественных учреждениях. В мире теней…

Хотя, эликсира, который они хотели бы раздобыть для своих приспешников, живущих с ними в симбиозе, в действительности нет, но они верят, что человек — это всего лишь тело. И что бессмертие — это обязательно бессмертие тела. То, что лишь развитая душа может переструктурировать тело и сделать его легким, почти не материальным — такая мысль не может проникнуть в то, что условно можно назвать «мыслями теней»…

На деле, они не мыслят. Они только испытывают желание жрать, уничтожать, разрушать. Они поглощают энергию, сознания людей, приводя их идеи, мысли и желания в удобоваримый ими вид. Охотятся, нападая из тьмы, вселяют ужас и поглощают.

— Я примерно поняла. И… Где раздобыть этот самый эликсир? Можно ли давать его Жене, Маше? — спросила Фанни.

— Да. Вот, возьмите по пузырьку. Он защитит вас от негативных мыслей и напрасной траты энергии. Маше и Жене такой эликсир просто необходим. Но, пока я им посоветую его под видом лекарственного, успокоительного средства. Они почувствуют его действие и не будут сомневаться в пользе. Эликсир приготовлять не слишком сложно, если постоянно выращивать в оранжереях растительные компоненты. Есть еще защитные эфирные масла, запахи, от которых также бегут враги человечества. Но масла — более индивидуальная вещь, так же как амулеты и камни.

— Я сегодня назначил встречу Николаю, — сказал Схимник. — Связался с ним через Марию, которая вышла на Фрэда, интела. А тот… Подсунул ему письмо, так сказать. Интелы такое могут. Письмо высвечивается на экране, как только человек заходит в компьютер.

— А почему нельзя было просто послать по электронной почте?

— Мария не знает электронного адреса Николая, он не был ей нужен. К тому же, он может и не заходить больше в почту.

— Ну, что ж… Бог в помощь. Где состоится встреча?

— В Казанском Соборе. Так мы условились. В этом месте не слишком кого-нибудь заинтересует, если странного вида человек познакомится с парнем и заведет с ним богословскую беседу, уходя вместе и блуждая по улицам.

— Тогда, я посоветую вам познакомиться еще с одним человеком, которому тоже сообщу о встрече. Еще есть время. Чтобы вы после Собора не шатались по улицам, но просто зашли к нему в гости.

— А… При этом, ему не сядут на хвост тени? Если вдруг они что-то заподозрили насчет Владика…

— Нет. Этого человека они на дух не переносят, обходят десятой дорогой. Это святой. Мы называем его Отшельник. Это — очень древняя душа. Его никто не трогает и не выселяет, хотя он живет без паспорта, прописки и прочего этого гражданского мракобесия, введенного приспешниками теней для шпионства за нами, людьми, и контроля наших действий. Люди знают, что Отшельник — старенький, но не представляют, сколько ему лет. А он мог бы выглядеть молодо, но предпочитает придавать себе

облик старца. Этой древней души тени боятся настолько, что весь дом, где он живет, полностью очищен от их эманаций, хотя на нем нет наших приборов. Живет Отшельник в маленьком домике на территории парка, и хотя вокруг парка — сплошные высотки, этот домик не трогает никто. Многие считают, что это маленькое здание принадлежит парковому смотрителю или леснику. В общем, такая лесная сторожка, почти в центре Питера. Я встречусь с ним, и он приедет. Он, в общих чертах, уже знает от меня историю Николая.

— Это… Будет большая честь для меня. Это знакомство, — пробормотал Схимник и повернулся к другой собеседнице:

— Фанни! Если можешь, тоже пойди и будь неподалеку. Вместе с Марией. Она хочет его просто увидеть издали, чтобы знать, как теперь выглядит Николай. Она никогда раньше не видела инвалида Владика.

— Зачем… Ей такое волнение? — спросила Фанни.

— Так хочет Мария, — ответил Схимник. — Она сама это предложила.

— Тогда, конечно, я пойду с ней, — сказала Фанни. — Буду смотреть, чтобы ничего не было подозрительного, слежки.

— Встреча будет завтра в шесть вечера, у Казанского Собора, — добавил Схимник.

* * *

На следующий день, ровно в шесть, Маша и Фанни были у колонн Казанского Собора. Грязь, лужи, мелкий моросящий дождь нисколько не пугали толпы нищих, оборванных людей, которые сидели и стояли на ступенях перед храмом и просили милостыню. Примерно так было в веке девятнадцатом, и картина почти ничем не отличалась и в середине двадцать первого…

Это где-то далеко, в других странах, строились космические корабли, которые проводили разведку далеких планет, исследовали Марс, спутники Юпитера и Сатурна, бороздили космическое пространство… Наука шагала далеко вперед, производя новые технологии и материалы для космического строительства. Повсюду внедрены были солнечные батареи, и технические приспособления, которые использовали солнечную энергию в быту, стали самыми востребованными. Наукоемкое производство дало возможность людям работать не более четырех часов в день и иметь всё необходимое для развития цивилизации. При этом, мир занимался совершенствованием души и тела, танцами, искусствами, защитой животных и природы, изучением

подводных глубин и строительством искусственных плавучих островов.

Но здесь, в изолированной от всего остального мира и военизированной стране, время будто застыло. Московия по-прежнему существовала во многом в реалиях века девятнадцатого. Единственными изобретениями, повсеместно внедренными в быт, были здесь интернет и телевизор, который до сих пор пользовался здесь популярностью, не существуя больше нигде в мире. Кроме того, это здесь изобрели записи интелов и их последующее внедрение в сеть, в компьютерную базу. Эта практика в остальном мире была не столь популярна, такие записи были единичны. Но в Московии записи интелов стали повальным увлечением, единственной возможностью поднять себя в собственных глазах, оставить после себя след на земле.

Ну, а другой попыткой уйти в вечность была религия. И этот путь был самым доступным для жителей этой страны. Той, в которой воистину господствовали тени…

* * *

— Подайте, Христа ради! — старая, морщинистая женщина неподалеку от стоящих за колонной Фанни и Маши, с протянутой рукой обратилась к веснушчатому парню, вырвав Марию из её размышлений.

Мария вздрогнула. Этот незнакомый парень, к которому обратилась женщина, был ей почему-то знаком. Она почувствовала что-то такое близкое в его робкой, детской улыбке, открытом взгляде умных, сверкающих глаз… Но… Нет. Вроде бы, она не знала его. Не могла знать. Никогда не видела. Показалось…

И только потом Мария заметила, что парень был на костылях. Странно, но первым делом она не опознала в нем инвалида. Как можно этого не заметить? Хотя, ущербности было больше в некоторых нищих, у которых были полностью здоровы руки и ноги… Парень же этот, несмотря на костыли, ровно держал спину, имел осанку спортсмена… И смотрел на всех без боли и боязни, а с явным, изучающим интересом. Ему, несомненно, был интересен мир и люди вокруг, сидящая неподалеку серая кошка, стайка голубей, подлетевших очень близко, которые бочком подходили к людям и клевали хлебные крошки…

Мария, украдкой наблюдая за парнем из-за колонны, видела, как он подал что-то женщине, временно опираясь только на один костыль, и последовал дальше. Медленно, очень медленно…

Сначала переставляя костыли, и только потом перенося вслед за ними и свое тело. Женщина перекрестила его вослед. И парень зашел внутрь Собора.

Немного позже, Мария и Фанни тоже вошли в храм. Множество оплавленных свечей освещало намоленные образы икон, и служба уже началась. Кто-то опустился на колени, кто-то и вовсе коснулся лбом пола.

Запах свечей и ладана… Хор церковный. Огромный иконостас, росписи, барельефы на потолке. Пышные Царские врата, большая люстра, колонны…Старые, истертые ногами, каменные плиты пола. Храм, видавший многое. Здесь, должно быть, молились Пушкин и Веневитинов, заходил поставить свечу молодой Блок.

«Всем нем хотелось бы верить. И думать, что есть силы, которые нам помогут и защитят нас. Но, рано или поздно, мы понимаем, что такой силы не существует. Нас могут защитить, нам помочь, только другие люди. Как мне могут помочь Фанни, Неназываемый, Схимник. А богам… Им пока нет до нас дела. Быть может, в мире ином… Если мы сохраним нашу душу для этого, иного, мира, то мы встретим там эти высшие сущности. Но здесь… Им явно нет до нас никакого дела, — подумала Мария. И она, хотя и не желая ничего попросить у Бога, даже о том, чтобы случилось чудо, и Николай стал прежним — всё же молилась и желала возблагодарить его за то, что так удачно вышла из больницы и встретилась с замечательными людьми.

«Господи, спасибо тебе, спасибо, — еле слышно прошептала она, крестясь. — И… да будет на всё воля твоя».

* * *

Схимник стоял у иконы Казанской божьей матери, созерцая спокойный её лик. Он поставил свечу и тихо произнес молитву. А потом, внезапно, услышал за своею спиной:

— И будет в сердце твоем лик её божественный, слезами орошенный образ…

Он обернулся. Сзади стоял человек, будто сам сошедший с иконы. В длинном одеянии с капюшоном, черное с серебром. С тихим, светлым ликом. Без возраста. С проницательными, живыми глазами, бездонными, как небо. Хотелось назвать его старцем, хотя на лице не было морщин, а в бороде и волосах — седины.

— Я - Отшельник. Так меня называют некоторые люди. Вы ожидаете меня и юношу на костылях? — тихим, чуть

приглушенным, голосом спросил он.

— Да. Меня называют Схимником.

— Он уже направляется сюда. После — мы все осторожно двинемся на выход. За нами следят две женщины. Это — из наших?

— Да.

Парень на костылях, медленно, с трудом, передвигаясь, приблизился к ним. Бросив на обоих скользящий взгляд, он подошел к иконе, и, оперев костыль о стену, полез в карман за свечей.

— Давайте, я вам помогу, молодой человек! — подошел к нему Схимник.

Парень протянул ему свечу и сказал условную фразу:

— Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут…

— Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят, — отозвался Схимник.

— Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими, — продолжил подошедший к ним Отшельник.

Схимник зажег свечу от других свечей и поставил поближе к образу. Парень на костылях тихо произнес молитву.

— День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака…, - произнес неожиданно Отшельник. — Вот вам по хлебцу освященному, путники.

Он протянул им по маленькой просфоре. Они приняли их и спрятали в карманы.

— Смерти не будет, застынет природа, когда восстанет творенье, — произнес Отшельник громко.

Вокруг послышались шепотки:

— Блаженный!

— Чокнутый!

— Это — знаменитый питерский Отшельник, — сказал кто-то в толпе, — Ему нельзя перечить. Если кого избрал — излечит от недугов. Если кто ему не понравится — проклянет. Всяко бывает.

— Милости просим в келью мою. Да восхвалим Господа и дела его, братья мои! — и Отшельник, приобняв Схимника и Николая, обратил их к выходу.

Две женщины смотрели издали на них пристально. Одна из них, со светло-русыми волосами, прошептала что-то и побледнела. А встретившись случайно с глазами парня-инвалида, вздрогнула, и отвела взор.

Парень тоже вздрогнул, встретившись с ней глазами. Но не отвел их, и еле заметно улыбнулся.

— Диез ире, диез илля, солвет секлум ин фавилля, —

провозгласил Отшельник, сквозь толпу прорубая дорогу к выходу.

* * *

В парке, куда они долго, странными окружными путями, шли от метро «Черная рачка», пахло прелой мокрой травой. Последние листья с деревьев опали во время недавних заморозков, но голые ветви не наводили мысли о печали и смерти. Всюду на парковых дорожках были огромные лужи, и местами абсолютно непролазную грязь надо было обходить по траве и листьям газонов. Но воздух здесь был непривычно чистым для большого города. И потому, у Николая закружилась голова. Он остановился, опираясь на костыли, и часто-часто задышал.

— Подойди, прислонись к дереву; напитайся этим воздухом. Он очистит тело, придаст ему энергии, — сказал Отшельник.

Николай, осторожно огибая лужи, заковылял к одному из ближайших деревьев, высокой белоствольной березе.

— Женское дерево выбрал. Значит, думает о тебе кто. Берегиня твоя, — сказал отшельник.

Николай улыбнулся, припомнив Марию в Казанском Соборе. Её неожиданный взгляд, удивленный и пронзающий.

Вскоре они были рядом со странным домом с заколоченными ставнями. С кривой надписью краской по ржавой железной табличке: «Не сдаётся. Не продаётся. Хозяина не беспокоить». Хотя, большинство и так не беспокоило б, наверное, решив, что домик приспособлен для сторожа парка, хранения лопат и граблей. Снаружи облицованный деревом, с наваленным на крышу хворостом, внутри он оказался каменной постройкой, и, похоже, очень старой. В доме имелась всего лишь одна небольшая комната с отделенным от неё перегородкой длинным и узким коридором.

В коридоре пахло грибами, непонятно откуда взявшимися в Питере. Связки сушеных грибов, перемежаясь с пучками трав, были развешены на веревке, вдоль глухой стены. Дом был низкий, с провалившимся, впалым входом. Помещение, таким образом, было полуподвальным. Окна, с внешней стороны наглухо закрытые ставнями, снизу, наполовину, были заложены более поздней каменной кладкой. Сверху имелись занавески из грубой льняной ткани.

Комната эта вся насквозь пропахла ладаном; пол, хотя простой, неокрашенного дерева, был навощен до блеска, а может, ещё и отполирован до такого состояния издревле молящимися здесь людьми.

Несмотря на то, что внутренность этого дома ничуть не напоминала собой тот великолепный храм, в котором они сегодня побывали, молитвенная сила и нерушимое спокойствие, разлитые тут, действовали более успокаивающе; сила духа чувствовалась великая в этом малом доме. Это был истинный Храм духа Господня.

В единственной комнате была здесь и печь, и камин. Небольшой деревянный топчан, покрытый одеялом; тоже деревянный, грубо отёсанный, стол. Лавка с подушками для сидения, вышитыми крестиком. Огромный сундук у стены, открытый и полный книг… Вот и вся мебель необычного дома.

Также, на стене висели старинные ходики и две иконы. Одна из них изображала Богоматерь с младенцем. Икона была весьма не традиционна для православия. У Богоматери были глаза и облик, весьма похожие на те, что у Сикстинской Мадонны; и вообще, от этой иконы веяло эпохой Возрождения.

На второй иконе, явно бывшей некогда темной, как доска, но просветлевшей и явившей лик, был изображен Исус Христос с чашей вина в руке, среди нескольких учеников. По технике исполнения икона была похожа на работу самого Рублёва.

— И сказал он: «Пейте из неё все, ибо сиё есть кровь моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов», — сурово проговорил Отшельник, проследив направление взгляда Николая. Тот рассматривал икону с интересом.

Здесь стояла нереальная, потусторонняя тишина. Лишь старые ходики тикали, да, устроившись на одной из подушек на лавке, мурлыкал огромный серый кот.

Хозяин зажег свечи, стоящие на столе, в высоком подсвечнике, похожем на трезубец. Три свечи. И погасил свет.

— Располагайтесь, — сказал он. — Сейчас печку затоплю, да кипятка согрею. Чаю выпьем. — Николай, ты приляг, пожалуй, на топчан.

Схимник помог Николаю прилечь; а сам сел на лавку.

Время будто замедлилось, почти остановилось. Здесь не было ни спешки, ни суеты, ни хаотичных мыслей. Было просто хорошо сидеть так, на лавочке, или лежать на топчане. И смотреть, как хозяин закладывает в печь несколько из лежащих рядом горкой поленьев. Как горит огонь, как закрывается печная заслонка… А вот и чайник, поставленный на печь, начинает петь и скоро уже закипит…

— Я знаю, что противное естеству человеческому действо сотворилось, и буду молить Бога о тебе, — сказал Отшельник Николаю. — Но и ты не плошай. Слушай всё, о чём скажет этот человек; следуй его указаниям. Он не один. Другие стоят за его

спиной. Потому, он — твоя помощь.

— Я… Мне…, - начал Николай.

— Не надо. Не говори ничего. Просто держись, парень. Мы за теми, другими, постараемся следить. А ещё, у нас есть союзник в Сети. Его зовут Фрэд. Мы выследим, благодаря ему, где бывают эти супостаты, зачем им твой облик. Куда они направят твоего двойника. Но надо будет, чтобы ты по нашему первому требованию ехал в указанное нами место. Возможно, что нам удастся достать тот прибор, с помощью которого сотворили обмен телами. Поэтому, так нужно, чтобы и ты оказался там, где будет похитивший твоё настоящее тело. Чтобы вы с ним, а также и наш человек, оказались в одном месте, — сказал Схимник.

— Это… Инвалид? Хозяин того тела, в котором я нахожусь? Он… Сам так захотел, или другие люди, которые и поменяли нас местами? Зачем? — спросил Николай.

— Нет. Хозяин твоего теперешнего тела или погиб, или же дух его пребывает в приборе, похожим на тот, в котором хранится любой записанный интел… И он совсем случайно, по всей вероятности, попал в эту историю. А в том приборе должен был находиться сейчас… Ты. Об этом говорили наши враги. Они считают, что ты — там. Твоя светокопия. Где находится этот ящик — об этом стало известно Фрэду, ведь он может слышать все переговоры в Сети, если захочет. И охотились те бандиты… только за тобой. Твой сосед — инвалид попал в историю случайно. Похоже, он был одновременно с тобой в Сети, на параллельной линии. А гипноизлучатель, запущенный вирусной программой, был очень мощным. И подействовал на него, тоже. И ещё… Похоже, он умирал. Или — терял сознание. В общем, был очень слаб. И дух его с лёгкостью покинул оболочку.

— Но… Кто же тогда сейчас находится в моём настоящем теле?

— Это нам пока не известно. Как и то, зачем провели этот странный эксперимент.

— Я понял… Вернее, ничего не понял. Но буду там, где скажете, и тогда, когда скажете. Но, быть может… Я больше никогда не буду прежним, — и Николай кисло улыбнулся. Может, мне не стоит создавать иллюзий, подавать самому себе напрасную надежду.

— Не смиряйся с этим! Хотя бы, потому, что то, что произошло — противоестественно. А ещё, потому, что хозяин этого тела жив. И заперт в коробке. Фрэд, интел, знает об этом наверняка. И, не знаю, долго ли ещё он вынесет подобное существование. Парню не позавидуешь. Это — хуже тюрьмы. Ты же хочешь его вызволить?

— Да.

— Тогда, верь, надейся и жди, когда придет время действовать.

— Вы мне позвоните? — спросил Николай у Схимника. — Ну… Когда надо будет выезжать…

— Скорее всего, передадим через Фрэда. Он умеет шифровать информацию в интернете, чтобы её никто не вскрыл и не прочитал. Такое могут только некоторые интелы.

— Хорошо. Я буду ждать.

Вновь наступила тишина.

— Ну, а теперь… Помолимся по-простому, коль мы собрались вместе в моём доме, — сказал Отшельник.

Долго ещё слышен был лишь его голос, читающий молитвы, и треск свечей. Их неспокойные пламена то разрастались, то успокаивались; метались в разные стороны. Потом и свечи догорели и погасли; молитва продолжалась в темноте. Но вот и она замолкла. Был слышен вой усилившегося ветра за окном, потрескивание дров в печи.

А здесь всё равно был свет. И умиротворение.

В ногах у Николая устроился большой кот. И мурчал, отлично зная своё, кошачье, дело.

Глава 5. Тетрадь Схимника

«Почему я тайно читаю эту тетрадь? — задавалась вопросом Фанни. — Он… Выкинул её в мусорный контейнер… А я… Что я хочу найти в ней? Какую тайну? Ту, что раз спасла Поэта… от него самого? Увы… Ставшего на Путь, его всё равно убили. Нас убивают. За то, что мы — живые. Ещё имеем смелость жить, думать, писать прозу и стихи. Всё равно, о чем, какого жанра и качества. Мы пишем всё равно иначе, чем они. Неправильно, непредсказуемо. Слишком лично, слишком эмоционально…

А сопротивляться им сильнее, мы уже порой не можем. Для них мы, по существу, незримы и безопасны. Они проходят сквозь нас, заползают в наши души.

Но… Ещё, они охотятся на нас. И так ли безопасны для них наши мысли? Если они нас… Убивают. Идет война. Страшная война сознания человеческого и античеловеческого, несомненно, так же сущего здесь, на Земле», — и Фанни, отбросив раздумья, всё же приоткрыла уже знакомую ей тетрадь.

На этот раз, ей попалась не сказка и не легенда. Названия у отрывка тоже не было. «Начало незаконченной повести? Должно быть, так», — подумала она.

> Таганрог, март 1919 года.
>
> Я случайно оказался в этом страшном городе, покинув Петербург. Уехал на Юг, чтобы примкнуть к отрядам Деникина. В этом городе у меня были друзья, с которыми я вместе учился.
>
> Но их не оказалось по имеющемуся у меня адресу: должно быть, выехали. Надеюсь, успели эмигрировать… Я снял комнату, и уже более месяца прячусь здесь, как затравленный зверь, стараясь как можно реже появляться на улицах города…
>
> Я видел, как забрали на допрос молодого юнкера, совсем мальчика, с соседней улицы, когда целые дни и ночи по городу производились повальные обыски. Они ищут везде, где только могут, ищут контрреволюционеров… И при этом грабят, насилуют, убивают. Всех, кто попадает под руку. Не щадя раненых и больных, и даже детей малых… Врываются в лазареты и, найдя там раненого офицера, выволакивают его на улицу. И часто, тут же расстреливают.
>
> Я видел, как расстреливали на улицах юнкеров…

Они совсем озверели. Открыли охоту. Эти звери… Своими глазами я видел, как один из большевиков догнал у полотна железной дороги раненного в ногу офицера, ударом приклада сбил его с ног… И начал топтать молодого парня ногами, а когда тот перестал двигаться, то помочился ему прямо в лицо… Я видел всё, прячась за старым вагоном… Я видел, как толпа, стая этих выродков, стервятников, с гоготом и шумом последовала дальше. И… ничего не мог сделать. Я не успевал подбежать, попробовать отбить человека…

Я слышал, что власть в Таганроге отныне, с двадцатого января сего года, принадлежала большевикам. Все они — бывшие уголовники, преступники и убийцы. Военный комиссар города — Иван Родионов, помощник его — Роман Гончаров, в прошлом — грабители, осужденные за свои неправедные дела; комиссар по морским делам — Кануников, бывший повар, ссылавшийся на каторгу за убийство; начальник контрразведки — Иван Верстак, вор; начальник всех красноармейцев города — Игнат Сигида, осужденный за грабеж…

Теперь наши прятались, пытаясь уйти огородами. В туалетах, на складах, в подвалах… Зачастую, уходили, покидая дома, чтобы не подставлять под пулю квартиросъемщиков или родных… Я тоже сегодня покинул тихую, небольшую комнату. Кто-то, похоже, донес, и я увидел в окно, что к нам шли с обыском. Успел черной лестницей выйти, перебраться на соседнюю улицу через забор и уйти дворами.

По городу ползли страшные слухи. О том, что на металлургическом заводе красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь с полсотни юнкеров и офицеров… О том, что около металлургического, Балтийского и кожевенного завода расстреливали массово, без суда и следствия, арестовывая лишь по подозрению или доносу. И тела, зверски растерзанные, опознать было невозможно. Трупы никто не убирал; и они подолгу валялись на улицах, на местах расстрела. И родственникам не позволяли забирать тела родных людей, но оставляли их на съедение собакам.

Те, кто творили такое, не могут называться людьми. Это… Даже не звери. Темные, бесовские силы.

Наверное, они думают, что, если унизить и

растоптать человека, лишить его достоинства — то станешь выше его, лучше и сильнее… Но, во имя Бога, который, как считается, всё видит, пусть они получат по заслугам: пусть убийцы станут после смерти навек дерьмом, которым, по сути, и являлись при жизни. Не надо для них ни ада, ни геенны огненной… Мне всё равно, ждет ли их наказание. Главное, это чтобы они больше никогда не топтали землю. Чтобы их больше не было. Никогда.

Человек, если он — действительно человек, с душой и сознанием, то как бы он ни умер, хорошо или плохо, в каких муках бы ни корчился и как бы над ним не глумились подонки, навсегда останется для других людей человеком. Милым, добрым, интеллигентным.

Каждый день, каждый час в этой стране распинают сознание многострадального Бога. Потому, что он — с нами. Он — в нас. Мы — в Боге. Мы кричим, падаем, умираем. Ад сошел сюда, на землю нашей Родины. Больше нет Отечества. И веры.

Мне всё равно, достойную ли смерть принял любимый мной человек. Или — был слаб, раним и кричал от боли. Он будет оплакан мною и погребен с честью. Да будет он удостоен вечной памяти потомков!

А то, что существует теперь здесь, на этой истерзанной земле — есть царство зверья. Нелюди торжествуют. Правят бал. Но это… Нисколько не возвеличивает их и не умаляет достоинств подверженных их насилиям людей.

Да будь же прокляты те, что правят кровавый бал! Мы, погибающие белые офицеры, шлем это проклятие нашим врагам. Пусть — сто, пусть даже более, лет — их потомки живут в созданной ими блевотине, в смраде и нечистотах. Глаза наших покойников бездонны и устремлены в небо. А вы… сколько бы ни душили, не убивали без суда и следствия, не зверствовали… Никогда — Да, слышите, никогда! — не станете от того вровень с людьми… Всё, чего вы касаетесь, превращается во прах; всё, что вы привносите с собой — горе и запустение; и нету у вас ни веры, ни чести, ни совести. Лишь заклятая злоба в глазах ваших.

Черная жижа вылившейся солярки… Я прячусь в закоулках улиц, подъездах, в туалетах… Как мне надоело… Я не хочу быть крысой.

Линии рельс. Железнодорожная станция. Склады, туалет, опрокинутый вагон… Прочь уводит проем между домами… Снова — улицы, переулки… Кажется, это — конец. На этот раз, похоже, улица заводит меня в тупик. Она завернула круто вверх, вместо того, чтобы продолжиться прямо. И её перегораживает казенный забор.

Странные, нелепые таганрогские кривые переулки…

Да, это — мой конец… И руки пусты. Я только что выбросил в канаву ненужное оружие, уже без патронов. Не так давно, я отстрелялся по мрачным фигурам, зажавшим неподалеку очередного мальчишку-юнкера. Я положил со злости их всех… И выбросил в отчаянии револьвер. Ушел, не оборачиваясь. Из домов тогда уже выбегали какие-то люди… Думал, сейчас выстрелят мне в спину; но этого не случилось, и погони не было. Но, далеко ли я уйду, безоружный?

Впереди, там, почти в конце тупика — уже ожидают двое. Бандюжного вида выродки; явно высматривают везде наших. «Зачищают» город.

Первая мысль: развернуться и бежать… Но… это лишь прибавит им веселья. Бежать, снова прятаться и скрываться, спасать свою шкуру? Зачем? Не лучше ли, уже лечь в землю, как непременно произойдет, вместе с другими нашими, вместе с горой трупов?

Бежать… От этого отрепья? Мне, белому офицеру?

Надоело. Всё надоело.

И я, насупившись, иду мимо них. Своей дорогой. В отдаленный тупик. Быть может, всё ж не тупик, и там, рядом с воротами, есть какой-нибудь пеший проход…

Они насторожились. Уставились оба.

Одет я просто. Одежда моя штатская истрепана и запачкана. Быть может, всё ж я пройду мимо?

Нет… Один из них смотрит на мои руки.

Да, холеные руки с тонкими пальцами. И на кольцо… Нет, я не снял его. И не сниму до самой смерти. Это кольцо — выпускника пажеского корпуса.

Один толкнул другого, гыкнул злорадно, произнес сквозь зубы: «Барин!» — и оба двинулись ко мне. А другой уже вынимает наган из кобуры…

— Сейчас, ты, гадина вражья, попляшешь у меня! — говорит он злобно. — На говно изойдешь.

Наверное, я был белее полотна. «Пришел мой

час», — подумал, и даже не вздрогнул. Нахлынуло спокойствие, и полное приятие смерти. Я устал. Просто, страшно устал…

Но вдруг…

Сбоку, из калитки, чуть сзади них, выскочил приземистый, вооруженный дубиной человек. Бьет этой дубиной того, вооруженного, сзади, по голове — и пуля из нагана грязной сволочи просвистела рядом со мной. А детина завалился, как подкошенный… Мордой в грязь.

Незнакомец тем временем заламывает руки за спину второму, потом ломает ему хребет… Тот хрипит, или скулит… Тоже падает.

— Уходим, и быстро! Сейчас новые подбегут, а ты — без оружия, — говорит он мне, и тянет за собой.

Уже за калиткой, добавляет:

— Тебе, мил человек, что, жизнь надоела?

— Надоело… Скрываться. Зачем? Увы, это — уже ИХ мир, — невнятно бормочу я.

— У меня здесь, за сараем — двое ребятишек прячутся. Юнкера. Им — тоже умирать? — спрашивает он меня, тянет за стену, вглубь дворов. — Дворами уйдем… Огородами. Неподалеку так называемая Собачеевка пойдет… Домишки небольшие, собаки, хозяйства, дворы… Я неплохо здесь ориентируюсь. За Собачеевкой — поля, степь…

За сараем действительно было двое юнкеров. Попали ребята в переплет…

— Что, стучите зубами? — спрашивает он подростков. — Согрейтесь, вот, — и незнакомец протягивает ребятам флягу. Водка, наверное. Они делают по паре глотков — кривятся.

— И - уходим быстро. Я знаю, здесь, за дворами — есть проход. Там — окраинная улица. Снова железная дорога. Вбок от неё — и огородами уйдем. За городом двинем к нашему отряду. Вот-вот подойдут… Я слыхал. А… зачем нам спасаться, теперь спросите вы, мил человек? — он хмуро посмотрел на меня.

— Нет. Не спрошу. Знаю, зачем: чтобы приехать потом, и провести расследование. И чтобы все историки будущего, все люди знали… О том, что здесь творилось. И на что способны нелюди с человечьими лицами… И чтобы помнили и оплакивали их жертв… Чтобы вновь зазвенел по всем погибшим колокол над бедной Россией. И чтобы всем было ясно, за что ей воздаяние будет…

И я… Вдруг с отчетливой ясностью увидал будущее Таганрога…

Как звенит над страной невидимый колокол, и ангел печали продолжает плакать над этой землей, и до сих пор не все тела похоронены, а души не получили покоя… И страшные тени былого всё так же бродят по этой земле, и сгустки злобы не растворились, а повисли в воздухе…

И не хватит всех священников, чтобы отпеть былых невинно убиенных, и цветы засыхают на землях, где прошли сапоги палачей, и реки крови, что текли, ушли под землю, но остался запах разложения.

Взорванные церкви, стертая во прах культура, любовь, превращенная в пепел… Это даже не фашизм. Это — хуже фашизма. Убиение лучших. Уничтожение праведных. Культ насилия, наушничества, предательства и злословия. Отрицательный отбор целой эпохи…

Диез ире! Если бы Господь обратил свой взгляд на эту землю, то он испепелил бы её в гневе…

Земля Чехова, Павла Таганрогского, многих славных людей — превращена в ничтожный и пустой духом город. Идешь по нему — и будто не хватает чего-то. Чего-то самого главного, важного, значительного. Без чего нет жизни…

Город, некогда лиричный и мечтательный, превратился в город заводов, искореженного металла, хлама, пустых строений, мусора и грязного моря, где мертвая рыба валяется вверх брюхом и гниет на пляжах…

Да, я увидел всё это. Будущее… И глаза мои были сухими.

Фанни оторвалась от тетради. «Да, прав Неназываемый», — подумала она. — Это — не люди. Целая кодла нелюдей шествует по этой земле. И они… никуда не делись. Они… Уничтожают нас…

* * *

Он пришел, как всегда, неожиданно. Она поднялась ему навстречу, быстро захлопнув дневник Схимника:

— Здравствуй!

— Здравствуй, Фанни! — ответил Неназываемый.

Она обняла его, и так они простояли, казалось, очень долго. Потом она отпрянула порывисто, присела.

— Можно… Задать еще несколько вопросов? — спросила она вдруг.

— Да, Фанни. Я отвечу на все те вопросы, что тебя интересуют. Если смогу, — он робко улыбнулся. Присел на кресло у окна.

— Неназываемый, а когда… Вы обнаружили теней?

— Не так давно. Лет пятьдесят тому назад, — ответил он. — Их деятельность стала слишком очевидной. Не осталось никаких сомнений…

— Они… Всегда были здесь, на Земле, в эпоху существования людей?

— Мы этого не знаем до конца. Есть лишь размышления, теории, предположения. Но, однозначно, они… Зародились не здесь. Они — чужаки для этой планеты.

— А когда вы начали объединение и борьбу с тенями?

— Примерно тогда же, лет пятьдесят назад… Конечно, человечество издревле боролось с бесами и ракшасами… Но я имею в виду конкретно наше объединение. И нам, для того, чтобы теперь объединиться, нужно было создать не просто неформальную, но и тайную для основных масс организацию. В противном случае, её бы задушили в зародыше, или убили изнутри. Подослали бы лазутчиков, устроили диверсию… Это — их методы. Мысль, что бороться нужно активно, большинству наших пришла еще позднее, чем было создано тайное объединение для спасения себе подобных. Когда мы все поняли, какая гнусная и страшная обработка людей проводится тенями в эпоху развитого интернета. Прежде всего, конечно, людей им надо было поставить в такие условия, чтобы их откровенное общение в реале стало практически невозможным. Все общественные организации, создающиеся «снизу», убивались, а то, что было создаваемо «сверху», пусть и под видом добродетели, на деле являлось лишь имитацией и отмыванием денег. Так, приюты для стариков стали похожи на концлагеря, а средства, идущие на них, шли в карман чиновников. Такая же ситуация возникла с детдомами и с приютами для животных…

Ну, и большинство мыслящих здраво ушло в интернет… Возникали интернет-сообщества, всё более и более имитируя собой общественную жизнь. И вот на этом этапе, здесь людей тоже стали подстерегать странные вещи. Кроме личностной травли, теперь активно действовали «черные сайты» и «черные страницы», существовала фабрика проплаченных троллей. «Черные сайты» отлавливали неуспокоенные и мечущиеся души.

Они склоняли подростков к самоубийству, влюбленных — к разводу или расставанию, ищущих и думающих — к самоизоляции, а также, искусственно нагнетали им исключительно негативные отзывы и скандальное общение. Нередко, они создавали на сайтах отбор «избранных»: по тому или иному признаку. Это были или прошедшие тест, или «не среднего ума», или «видящие», — и тому подобные псевдообъединения. Они пасли эти стада. И осторожно вливали в уши идеи о том, как нужно жить… Которые люди воспринимали как собственные. А потом «избранным» промывали мозги, создавали закрытую секту — всё равно, на какой почве… Вызывали привыкание к ней — и в конце, диктовали условия, при которых прирученный был бы тут «своим»…

— Почему… Это стало возможным? Люди так легковерны? — спросила Фанни.

— Люди — существа общественные. Социальные. И, если нет здоровых общественных объединений, причем, так сказать, неформальных — то есть, созданных на основе порыва, волонтерства, а не мзды за участие, обязательств и конкуренции… То люди бросаются в лапы теневых структур, которые запросто ловят их и дают иллюзию «братства» и «сообщества»…

— Мне страшно, Неназываемый…

— Чего ты боишься, Фанни? — спросил он осторожно.

— Я… Боюсь за всех нас. И… Очень боюсь тебя потерять…

— Ангелы не должны бояться, Фанни… Ты — мой ангел. И мы не расстанемся. Помни это… Помнишь…

— Ту свою песню, посланную тебе? Она… Грустная.

— Всё равно… Напой её мне. А то… Я тогда читал только текст…

И Фанни запела:

Я подойду к тебе, слегка
Затронув левое плечо.
Скажу, что ноша тяжела
И больше вера ни при чем.
Ни при делах любовь и честь,
Ослабли белые крыла.
И что ещё нам в жизни есть?
Опять рутинные дела…

Я подойду к тебе, слегка
Затронув левое плечо.
Ты, заглянув в мои глаза,

Напишешь песню ни о чем…
Уже придуманы слова,
И сотни откровенных фраз;
Дорога на небо ушла —
Но это… Не для нас.

Я — твой ангел.
Который не придёт.
Который заболел…
Я — твой ангел;
Я знаю, всё пройдет.
Я знаю: не у дел…
Я — не при деньгах,
И кровь сочится с глаз.
Я — не при словах,
И не знаю как
Выжить в этот раз…

Часть 4. Столкновение

Глава 1. Лис

Лис сегодня «оттягивался». Сегодня у него было целых три свободных часа. Конечно, он не успеет сбежать к «своим», в подвал. И потому, он просто заляжет в своей маленькой комнатке на складе, нацепит наушники плейерфона и будет слушать музыку, которую ему скинул Хорс: безумный парень, король и лидер таких же безумных молодых парней. Они в свободное время ездили за город, чтобы покорить заброшенные вышки, без всякого альпинистского снаряжения лазили по вертикальным стенам, по не сданным еще в эксплуатацию высоткам…

Жаль, что он не по-настоящему был одним из них.

Мы — последние люди
На этой земле,
Которые чувствуют
Ветер и снег…
Мы — последние люди
На этой земле —
Не говорите мне «нет».
Мы делаем селфи со смертью,
В последнем прыжке,
Мы делаем селфи со смертью,
И это — полёт!

С ними, с этими ребятами, он познакомился лишь потому, что был послан шефом, Ферзём, на задание: втереться в доверие этой неформальной организации, будоражащей сеть безумными фоторепортажами… И, если получится, развалить её изнутри, перессорить ребят друг с другом, а также, узнать их точки сбора, чтобы устроить на них облаву.

Но Лис специально сообщал данные слишком поздно: так, чтобы ребята могли вовремя удрать. Он не знал, зачем они нужны шефу, но он знал, что Ферзь — человек самый гнусный.

Мы ходим по нервам,
Гуляя по крышам домов,
Мы прыгаем в пропасть,
Цепляемся за парапет.
Мы делаем селфи со смертью
В последнем прыжке,
Мы делаем селфи со смертью,

И это — полёт!

Впрочем, с первых же дней своего рождения Лис не знал других людей. Не таких, как, к примеру, Ферзь. Или же, прежние его начальники. Конечно, он не помнил всех, кого встречал со дня своего рождения. Но ему рассказывали, что он родился в тюрьме. В результате плановых свиданий, осуществляемых надзирателями ввиду законодательного «права всех заключенных на секс». Пары выбирались произвольно, методом тыка, и заключенных — мужчину и женщину — загоняли, как животных, в одну, специально отведенную для таких встреч камеру. Если в результате этих случек у женщин рождались дети, то они всецело принадлежали не обществу, а «системе»: у них не было имён: лишь клички, не было ни паспортов, ни каких-либо других документов, только особый, уникальный чип и вмонтированная в него «фишка», предназначенная для системы слежения.

Вы хотите, чтоб мы
Дрожали от ваших шагов,
Чтобы в струнку стояли
В преддверии ваших замков,
Чтобы слушали ваши приказы
От звона монет…
Но мы делаем селфи со смертью
В последнем прыжке,
Мы делаем селфи со смертью.
И это — полёт!

С детства его готовили в качестве «особого агента». Если бы не его особые таланты в обучении, овладении ниндзюцу, цена бы его была — как у любого пушечного мяса. Но Лис был очень упрям и жизнестоек, и в результате из него получился отличный наёмник. И потому, его цена как товара была повыше. Нет, он не участвовал в боевых сражениях и даже не побывал на вражеской территории. Но в свои неполные пятнадцать лет он ведал уже немало тайн, потому что его использовали для «особых поручений». Он сменил уже трех начальников, «братков», ведущих свои тайные разборки в недрах города. Ферзь был не хуже и не лучше предыдущих.

С детства он беспрекословно выполнял все поручения своих хозяев. Но сейчас выучился хитрить. Говорить полуправду. Утаивать сведения. Не сдавать тех ребят, о которых не знала его контора. Докладывать о местах сходок молодых неформалов

тогда, когда те уже покидали точку. Потому, что он почувствовал свою духовную близость с этими молодыми людьми, а не с Ферзём и его подчиненными.

Когда ветер гуляет,
И валятся звёзды вниз,
И только товарищ
В бездну руку подаст,
Когда под ногами
Предательски скользкий карниз —
Мы делаем селфи со смертью
В последнем прыжке,
Мы делаем селфи со смертью,
И это — полёт…

Лис, под эту песню, в расслаблении нервов, отпустил мысль в полет, и теперь непроизвольно вспоминал то Хорса, за один волос с головы которого он с легкостью отдал бы свою жизнь, то ребят, с которыми он счастливо ушел от облавы, когда окружали вышку, на которую им всем удалось залезть. Об этой отчаянной выходке он сам сообщил по телефону, вызвав команду шефа. Но вызвал, когда они все уже спускались и были метрах в пятнадцати от земли, а потом — уносили поскорей ноги, поскольку он сказал тогда ребятам, что «предчувствует» облаву. За такие «предчувствия» он прослыл среди друзей Хорса чуть ли не экстрасенсом… Никто ж не знал, что он сам вызывает облаву, а потом — сам предупреждает о ней.

Позже его воспоминания неожиданно переключились на «новое дело», в котором был замешан его шеф, Ферзь, и некий Царь, которому Ферзь подчинялся. Вроде бы, Царёв — была его фамилия, которой тот кичился с детства, сразу же став царем подворотен и начальником вышибал. Царь заезжал к Ферзю часто; дела у них были общие и явно неприятные. Но теперь явно наметилось что-то грязное и чрезвычайно жуткое. Лис впервые подумал о том, что нужно валить. Такая мысль не приходила ему раньше только потому, что его всегда могли выследить, найти и вернуть, после чего отбить все внутренности. Ведь у него в руку была вшита так называемая «фишка» — навигатор, по которому его отслеживали на компе с легкостью. Но… от этого жуткого дела ему захотелось бежать как можно дальше; даже ценой кисти руки. Хватило бы только сил как-то оторвать её у себя… Страшные решения проблемы приходили ему в голову, но и дело, в которое он вляпался, было весьма нехорошим и дурно пахло. Что от него потребуют на этот раз, какую роль будет он играть?

Да, он знал, что он — подонок. И всегда был таким. Но он пока никого не убивал. Он всегда только подсматривал, подслушивал, информировал… И он, к примеру, ни за что и никогда не выдаст Ферзю ребят Хорса.

А что они сотворили с этим парнем, с этим Николаем? Это попахивало мистикой, изначальным злом, служением темным силам, если только есть что-то такое, потустороннее… Это было полностью бесчеловечно. Что там произошло? Почему Николай заговорил совершенно другим голосом, почему он пошел с ними? Кем или чем он стал? Зомби?

Лис не знал ответов на эти вопросы. Он только помнил, как Ферзь, Царь, Крот, он сам и Стерг вошли в квартиру этого парня. Они предварительно через компьютер, внедрили, как вирус, некое излучение, парализующее человека. Хозяин квартиры, Николай, сидел за компьютером, и они вычислили это, наблюдая за ним из квартиры напротив. Он сам, Лис, открыл дверной замок. Для этого его, по словам, и взяли «на дело».

Николай, которого он увидел тогда, войдя в квартиру вместе с Ферзём и Кротом, сидел в компьютерном кресле, но не смотрел больше на экран. Его голова была запрокинута. И тогда Ферзь достал прибор, так называемый «черный ящик», а еще — некий шарообразный сосуд из серебристого металла. Установив черный прибор на металлическую подставку, соединив тело Николая с приборами, он ввел на крышке какие-то данные и наставил на голову Николая выдвинувшийся из него стержень. Луч, вырвавшийся из этого стержня, направился на Николая, а круглый сосуд, который держал Царь, загудел, заверещал, стал издавать страшные для человеческого уха вибрации и вскоре был закрыт завинчивающимся устройством.

Вскоре Ферзь сказал:

— Дело сделано, — и подобострастно хихикнул.

Николай приподнял голову, обернулся и посмотрел на вошедших к нему без спроса людей.

— Ну, что, братва! В этой голове теперь тоже есть свой царь! Уж теперь-то мы устроим в Центре кровавую бойню, узнают они, как тайные дела крутить в городе, без ведома его хозяев! Попляшут теперь, конспираторы! Давно поняли мы, что в городе кто-то шныряет по-своему. Мы эту лавочку теперь прикроем! — сказал он чуть погодя.

— Пошли отсюда! — скомандовал всем Царь.

Они вышли и поехали все вместе на базу. Николай то упорно молчал, то смеялся, и вел себя странно. Будто тело не всегда слушалось его, а было или ватным, или чужим.

Лис пока не знал, что всё это значило. Не понимал он и того,

почему они взяли с собой его. Лиса. Просто так, в качестве мастера по открыванию любого замка? Или они хотят применять его и в дальнейшем в этом странном деле, которое почему-то наводило на Лиса особый страх и ужас?

Впрочем, а теперь надо бы узнать, чем заняты сегодня его хозяева, которые выпивали сейчас в комнате Ферзя здесь, на складе. Такая мысль пришла в голову Лиса, и он совершил привычное путешествие по вентиляционным трубам, и вскоре, не решаясь заглянуть в комнату, тем не менее отчетливо слышал голоса.

* * *

Его шеф и Царь разговаривали с тем, кого называли Боровом. Ферзь ему говорил, что Царь считает, что следить за городом им в последнее время кто-то очень сильно мешает. Похоже, это тайная, политическая, молодежная организация: свидетели его все время ссылаются на то, что видели именно молодых людей, препятствующих им в том или ином случае. Значит, есть тайная политическая организация, организация молодежная. У них есть приборы связи, они хорошо фильтруют свои ряды и полностью неуловимы. Царь, однако, считает, что корни зла непременно должны уходить в молодежный центр с фитнес клубом и боулингом. Туда многие молодые люди ходят на тренировки, в закрытые клубы, именно оттуда, похоже, идут тревожные сигналы. Царь считал, что случаи таких встреч молодых людей в закрытых клубах с целью культурного обмена, взаимных советов по чтению литературы, а также и то, что эти люди нередко выручали друг друга деньгами и взаимопомощью — это уже тревожный сигнал, требующий разгона конторы и пыток участников. А то, город выйдет из-под контроля; читать вообще вредно. А если при этом ещё и скрытничать… Как бы и вовсе чего не вышло. Не нужны здесь умники.

— Главное для тебя, Боров — вновь поставить город на контроль, самых активных и предприимчивых, из молодых — завербовать к нам, на поставку и продажу наркоты: пусть молодежь учится, как деньги зарабатывать. И подчиняться привыкают. Система должна работать, — Ферзь стукнул кулаком по столу.

— А с экспериментом — что? Продолжаем? — спросил Боров. — Мне дорого достался этот приборчик, секретная разработка НИИ, между прочим. Вы дело провернули — пускай теперь клиент на нас работает. Он в деле?

— Для вас и тех достаточно, кто СНЕГом был накачен. Они и взорвут, что надо, и упокоят, кого следует. Тут — немного другая песня, — отрезал Царь.

— Так он тебе лично нужен? Где-нибудь шпионить? Где?

— Эксперимент это, понимаешь? СНЕГ — это неплохо, но… Во-первых, его надо еще жертве впихнуть, а не все ходят по ночным клубам и другим злачным заведениям, к примеру. А мне надо, чтобы до любого дотянуться можно было. И потом, от СНЕГа они все очень быстро ломаются: одно, два, ну, максимум, три дела… Запрограммируешь разве больше заданий на неадекватный, утративший память, мозг? И — всё, психушка. К тому же, со СНЕГом бывают варианты неподчинения, агрессии и быстрого сгорания. И у тебя на руках труп. А тут — полностью наш человек получиться должен, понимаешь? А личико и пальцы — как у бывшего хозяина этого тела… В общем, если получится эксперимент — будем повсюду внедрять.

— А этого — куда будешь использовать? — спросил Боров.

— Ты что, Боров, думаешь, что Ферзь зря тебе про центр молодежный тут распинался? — Царь засмеялся противно. — Вот туда и внедрим. Николай этот — явно лидер. И явно фитнес клуб посещал, а может, ещё куда в этом центре захаживал. Вот он и станет нашими глазами и ушами, если чужаков туда не пускают. Войти-то туда мы бы вошли, но всех бы и вспугнули. А надо знать точно, что там происходит, чтобы потом реальный шмон устроить. Будем знать уже, как этих всех припугнуть, как к работе припаять.

— К этим сосункам такой сложняк? Да разогнать их просто…

— Всё у тебя — просто, Боров. Но главный здесь — я. Я и решу. Разгоним — будут в другом месте собираться. Убьем — устроят похороны, будут чествовать, как героев Сопротивления. А вот, если они нам служить станут, всё будет гораздо лучше и надёжней. Для этого… У них будет второй Царь. Меня чуточку поменьше.

— Так вот в чем дело! — завопил Боров. — Так это твой интел! Надо было догадаться… Я бы до такого не дотюмкал…

— Даже не интел, Боров. Моё альтер эго. Второе «я»… Только, теперь — в молодом теле. Говорят, это некая «энергетическая светокопия». Её с меня сняли, и теперь мы с этим парнем связаны. Я знаю всегда, где он и что делает. Можно было бы даже полностью меня туда, в «куб», перетащить было. Ну, в тот прибор… Полную светокопию снять. Но её только на пятьдесят процентов сняли. Чтобы не зарывался, самоуправством не занялся. Так что, моя половина — там, в комнате Николая, сейчас, а тот, кто ею управляет — перед тобой.

— Круто! Теперь у нас… Два Царя?

— Я - конечно, главный! Опыт, сила — сам понимаешь…

— А настоящий Николай? Умер?

— Нет. Он теперь — в нашем медицинском институте, у Крота в кабинете. В черном ящике. Весь, целиком. Вся светокопия души его.

— Жуть. Не хотел бы… В консервной банке, как он, оказаться. А с ним поговорить можно?

— Можно. Если подключить прибор, похожий на наушники, и вывести его через разъем на комп. Я так со своим «двойником» беседовал, чтобы убедиться, что не лажа это, что есть кто-то в Кубе. Двойник мой отвечал, хотя и не полный интел был, через комп отвечал. Но этот… Этот — молчит. В шоке, наверное. Или обиделся. Ничего, приборы фиксируют, что он там — есть. Я долго боюсь пока продолжать эксперимент, провернем какое-нибудь действо, провокацию устроим в центре, у молодых выведаем про их дела — и назад всё прокрутим. Николая в тело вернем, пусть за всё отдувается потом, а я… Снова стану единым Царем. Так-то…

— Не знаю, как сказать… Но, твой двойник, в теле Николая, ведет себя…

— Немного странно, да?

— Ага.

— Я знаю, не обижусь на правду, не дрейфь. Говори, как чувствуешь. Сам заметил, и думаю, что это он просто в «кубе» пересидел, в приборе этом, а теперь — на волю вышел, и… Сам понимаешь, молодо-зелено, тело молодое, много чего хочет получить… Да и, всё ж чужое тело. Это почти — как внутри машины сидеть и управлять ею пытаться, не зная правил уличного движения. Только сложней. Не только физику, но и чувства контролировать, а они пока враздрай идут у него…

— Да я тему начал для совета. Отправь с ним кого из наших, когда он на задание пойдет. Ну, наверное, из молодых, чтобы парни его, как и Николая, типа, приняли.

— А что? Тема! Тут у меня парень — шестерка ошивается, Лис зовут. Как раз он внедрялся к неформалам молодежным. Можно тех ребят, что под его контролем были, пока на воле оставить, не больно они мне пока нужны. Да, хотел паркуристов к рукам прибрать, чтоб на нас поработали — да пока уходят из-под носа, больно шустрые ребятки. Потом — ещё до них доберемся, прижмем на чем-нибудь. А сейчас — бери Лиса. Пусть он с моим двойником, как бы Николаем, на дело ходит. Повези сейчас его к Кроту, пусть он его научит, как с помощью одного приборчика, что он зовет «разрядником», Николая в чувство приводить. Он,

увы, иногда в обморок падает, говорят. Поэтому, при нем всегда кто-нибудь дежурит. Редко, но падает. Когда у меня в первый раз это на дисплее высветилось, я думал: всё, помер парень… Он на вечеринке был, на самой первой. Заперся с одной девахой в туалете. И только до дела дошло — а у него глаза закатились, и он на пол осел… Тут — крик, шум. Хорошо, что наши, Стерг, Логово, неподалеку были. Там у них нычка, в этом доме, да и хата — притон известный. Они в машине сидели, у подъезда. Забрать я им приказал этого кадра, когда выйдет. Понял, что он нажрется.

— И что? Забрали?

— Да. Я им звякнул, чтобы наверх срочно бежали. Разрядник у них был. Они, под видом его приятелей, уже до этого заходили туда. Сделали вид, что у него больное сердце, и всё такое… Реанимировали и увезли домой. Разрядник включали. Сработало.

— Так что? Лиса сейчас брать? Я к Кроту еду, по делу.

— Да. Пусть возьмет там, у Крота, разрядник и инструктаж получит, как с ним обращаться, если что.

Дальше Лис слушать не стал, а проворно полез обратно по шахте вентиляционного отверстия, чтобы успеть вернуться в свой угол раньше, чем за ним зайдет Боров.

* * *

В медицинском институте Боров и Крот куда-то срочно поспешили, а Лиса решили оставить в кабинете Крота.

Крота несколько раз Лис видел раньше. Это был тщедушного вида, тоненький человечек с большими красными ладонями, в маленьких очочках, несмотря на которые, да еще и на линзы, как заметил Лис, он всё время слегка прищуривался, в особенности, если смотрел на документы. Разговаривал он цензурно и интеллигентно, но слегка шепелявил.

Крот показал Лису разрядник, и обещал научить, куда его прикладывать и на что нажимать, чтобы реанимировать Николая при надобности, но только позже, когда они вернутся.

— Ты можешь пока посидеть за компьютером. Только, не трогай «куб» на столе, и те приборы, что около него, — сказал он.

— Что, не отзывается, тот, кто в «кубе»? — спросил Лис.

— А ты откуда о нем знаешь? — Боров посмотрел на парня с подозрением.

— Смекалистый, однако… С нами он был, Боров. На том деле, — прокомментировал Крот.

— А-а…В курсе, значит? И — что, Крот? Всё без изменений здесь?

— Да, молчит он. И, кажется, что сил у него маловато. Странно, такой сильный парень… Но, мало ли что. Впервые эксперимент такой…

Крот и Боров вышли.

А Лис, действительно, засел за компьютер. Включил игрушку, и стал убивать злобных орков.

— Мы последние люди на этой земле…, - запел он.

Лис допел песню, и неожиданно почувствовал, что рядом что-то завибрировало, что ли… Неясный гул в голове, похожий на виброзвонок… И — снова. Он посмотрел на черный ящик. Похоже, что в нем что-то происходило. Следуя интуиции, Лис взял прибор, похожий на наушники, только с двумя парами разъемов. Он помнил, что про эту штуку был разговор у Царя… Он попытался подключить прибор и к компу, и к Кубу. Разъемы были легко определимыми, не перепутать. Вскоре у него всё получилось. И… Что теперь?

Он набрал слова на клавиатуре:

«Ты видишь эти буквы?»

Ответа не было.

«Блин, я идиот», — подумал Лис, и ввел на экран тактильную клавиатуру.

Надпись на экране в ответ не высветилась, но сначала завибрировала и засветилась буква «Д», а потом — «А».

Сердце у Лиса ёкнуло.

«Ты — Николай?» — спросил он.

Вскоре читал побуквенный ответ:

«Нет. Нет. Нет. Все об этом спрашивают. Я Владик».

«Почему ты здесь?» — набрал Лис.

«Я не знаю. Я умирал. Потом оказался здесь».

«Ты не отвечаешь другим?»

«Нет».

«Почему?»

«Не хочу».

«Ты говоришь со мной. Почему?»

«Ты похож на человека. Ты пел. Ты мне не угрожаешь».

«Тебе угрожали?»

«Да».

«Значит, они угрожали Николаю. Они думают, что ты — Николай. В теле Николая теперь другое существо».

«Если бы я только мог ему помочь…»

«Не сотрудничай с ними. Они — плохие люди. Жди. Быть может…, - в это время за дверью послышались шаги, — Прощай. Кто-то идет».

Лис поспешно отключил приборы от «куба», вернул всё на

место и снова вернулся за компьютер. И продолжил игру.

Глава 2. Молодёжный центр

Бывают времена… Может быть, всё равно беспокойные, неуютные и взбалмошные, но людям, живущим в них, всё же кажется, что вот — вот, — и жизнь изменится, наладится. Надо лишь постараться, чтобы приблизить это «прекрасное далёко»… Совсем чуть-чуть постараться.

Но, бывают времена совсем иные… Кажется, в воздухе что-то уже протухло, но ещё не разложилось. И этот смрад тянется и тянется; проходят годы и десятилетия, но не меняется ничего. По большому счету, абсолютно ничего.

Размышляя примерно в таком ключе, Лис предавался лёгкому похмелью и рассматриванию и без того уже давно изученного потолка. И его собственная судьба представлялась ему с безнадежной, реальной до абсурда беспощадностью. С безысходным маразмом серых будней и концом в стиле нелепого сценария взрывного кошмара…

Когда ему позвонил Ферзь.

— Эй, где ты? Небось, в своей подсобке валяешься, да музыку слушаешь? Срочно выезжай к метро «Площадь Восстания» и жди Николая там, у входа. Разрядник с собой возьмешь. Будешь его в чувство приводить, если что случится. Понял?

— Да.

— Выезжай немедленно.

* * *

Лис добрался до Площади Восстания на троллейбусе, и стал поджидать так называемого Николая. Тот вскоре появился. Одетый в ультрасовременный спортивный костюм из термостойкой и влагонепроницаемой ткани, он курил электронную сигарету, зачем-то смачно сплевывая в сторону, каждый раз, когда провожал взглядом новую выходящую из метро красивую девушку.

— Ну чё, погнали? — спросил он затем у Лиса.

— Куда?

— Куда, куда… На кудыкину гору. Пока — в метро. За мной следуй, и всё.

— Понял, — насупился Лис.

Пока спускались вниз на эскалаторе, Николай достал из кармана пачку таблеток и почти полностью заглотал с абсолютно жвачно-коровьей физиономией.

— Это… Что было такое? — спросил Лис.

— Тебе скажи… И тебе захочется, — ответил Николай. — Думаю, ты не станешь закладывать меня Генералу? Это — моё личное дело, как жить. А иначе — у тебя будут проблемы.

— В моё задание не входит шпионить за тобой и сообщать о мелочах, — отвечал Лис. — Я типа твой охранник. И всё.

— Охранник? Ха-ха… Ладно, парень, я знаю, зачем ты ко мне приставлен, — и он положил на плечо Лиса тяжелую ручищу, потрепал Лиса по затылке по-свойски.

Лис стерпел. Но с трудом.

* * *

У входа в молодежный центр Николай остановился и поискал в кармане пропуск.

— Кажись, туда можно с собой кого провести. Типа — дружбана. Сейчас проверим.

Действительно, когда он предъявил у «вертушки» пропуск, вопросов не последовало.

Но далее, теперешний Николай не знал, куда идти. Здесь, где-то, был фитнес-центр, куда и ходил настоящий Николай. И потому, спрашивать, где это, — было бы странным от лица завсегдатая.

— Николай, — к ним подходил незнакомец, очень обрадованный и взволнованный, — Как давно тебя здесь не было! Болел, что ли?

«Николай» буркнул что-то невразумительное, то ли «угу», то ли «ага».

— Ты сейчас на фитнес? Не спеши. Они до десяти работают. Пойдем пока со мной, — предложил парень. — Ты же не знаешь, на связь не выходил, не звонил… А сегодня — наши собираются. Назначено на шесть. Идём?

— Да.

— А этот новичок с тобой — надежный парень? — спросил он очень тихо. Но Лис услышал: он обладал очень тонким слухом.

— Вполне, — тоже тихо ответил мнимый Николай.

— Тогда, пускай идёт к Виталику, познакомится. Стандартная проверка. А мы с тобой — поспешим на собрание. Некрасиво опаздывать.

Лис растерялся.

— Ну? Чего смотришь? Иди, — сказал ему Николай покровительственно, командным голосом.

— Да он же — первый раз здесь, Николай. Ещё не знает, куда

идти… Эй, парень, на втором этаже есть зал для разминки, с зеркалами. На дверях так и написано: тренировочный зал. Пройдешь его весь, и выйдешь в заднюю дверь. А там — налево, и в кабинет небольшой. Скажешь Виталику, что от Валерия. Валерий — это я. А я звонок ему сделаю. Понял?

— Ага, — ответил Лис, всё более недоумевая. «Ну, ничего… Там, в зале, куда идёт Николай, вряд ли что успеет случиться плохое. Бухать или драться, похоже, эти ребята не собираются. А я быстро вернусь», — подумал Лис, и поспешил на второй этаж.

Комнату, в которой должен быть Виталик, Лис нашел без труда. Когда он вошел, то увидел у окна человека, сидящего за компьютером. Спиной ко входу.

— Заходи, — сказал он Лису, не оборачиваясь.

Лис подошел к нему поближе.

— Садись, — предложил Виталик, кивнув на стул рядом с собой. Лис присел, и только тогда тот посмотрел на него. Очень внимательным, оценивающим взглядом.

— Новичок? И хочешь вступить в наши ряды? — спросил он.

— Ну… Да, — растерялся Лис. Он совершенно не знал, о чем идет речь.

— А ты знаешь, что это не безопасно? За нами… Похоже, с недавнего времени установлена слежка.

— А что сейчас безопасно?

— Это верно… Ничего. Даже по улицам гулять. А что ты знаешь о герменевтике?

— А это здесь при чем?

— Ну, мы же — Новая Космическая Академия Наук… И знания — это то, что нас должно отличать от других людей. А еще, то, что в нашем кругу они распространяются бесплатно. Я недаром спросил именно про герменевтику: она — наука о смыслах. Именно смысл утерян сейчас человечеством.

— Смысл чего?

— Всего… В каком вузе ты учишься?

— М-мм…, - Лис растерялся.

— Понятно. Не учишься, — утвердительно сказал Виталик. — Ладно… Ну, не понимаю, что в тебе такого, интересного, нашел Николай? А вроде, он — парень серьезный. Кого ни попадя ни разу не приводил… Ладно, пробьем по базе… Что-то в тебе и правда есть. Особое или странное. Ты — будто, человек с закавыкой. Двуличный, что ли… С двойным дном.

— Вы меня недооценили, шеф, — неожиданно сам для себя, вспылил Лис. — Личностей во мне — по крайней мере, три. Двуличные сейчас долго не живут. Малый фактор приспособляемости.

— Занятный ты, однако. Нет, Николай не ошибся. И похоже, вот теперь ты говоришь то, что и впрямь сейчас думаешь. Итак, ввожу твои данные… Зовут-то тебя как?

Лис напрягся. У него не было имени. Только прозвище. С детства его называли только прозвищем. Однако, еще лет в пять или шесть он видел свою анкету, лежащую на столе дежурного по интернату. Тот не думал, что кто-то из ребят умеет читать. Но Лис уже научился. Сам. Случайно, когда лежал в больнице. Его отправили в обычную больницу, где были нормальные дети. И у них были книги. И букварь. И Лис, когда эти дети при нем учили буквы, заинтересовался. И долго рассматривал книги, букварь с картинками, заучивал потом буквы долгими, томительными часами одиночества в палате… Других детей выписали, но книги остались в тумбочке.

— Борисов Илья, — всплыло имя, можно сказать, из подсознания, и неожиданно для него самого.

— Борисов… Илья, — задумчиво повторил Виталик. И вдруг вскочил, как ошпаренный. — Как-как? — и снова посмотрел на Лиса, будто пытаясь считать информацию с его лица.

Потом он что-то набрал на компьютере, и открылась страница. На ней, на пол-экрана, появилась фотография. Лицо человека… Очень похожего на Лиса, только он был лет на семь его старше. Была и подпись под фотографией: Иван Борисов. «Дело четырёх».

— Я… Лично знал его. Подожди, — сказал Виталик, отошел к двери и плотно закрыл её.

— Здесь установлено устройство, исключающее любую прослушку, — добавил он, вернувшись на место.

— Можешь ты сказать, Иван Борисов — это твой отец? — спросил он тихо.

— Не знаю, — честно ответил Лис.

Но его сердце сжалось.

— Он был взят и репрессирован в 2039-м году. Проходил по так называемому «делу четырёх». Тогда он и ещё трое таких же молодых парней забрались в Следственную Контору: огромное, темное здание, окруженное охраной, забором с колючей проволокой и собаками. Вроде, они тайно отремонтировали ни базе старого авиаклуба поврежденный вертолет, и на нём сели на крышу здания. И спалили архивы по «нацпредателям», забравшись в самый центр. Весь. Пожар перекинулся и на другие этажи. Хорошо горело. Конечно, их потом нашли и взяли. Пришили дело по статьям за бандитизм, уничтожение имущества в особо крупных размерах, порчу национального достояния и что-то ещё. Но Конторе потом с нуля пришлось начинать свою

грязную работу по сбору компромата.

— Кто такие «нацпредатели»?

— В нашей несчастной стране так называются люди, которые борются со структурой, занимающейся пропагандой шовинизма, враньём, строительством тюрем и уничтожением культуры, — ну, в общем, со всеми проявлениями «системы», представляющей из себя сращение бандитской и государственной структуры, уничтожающей и перетирающей в хлам всё живое.

— А что случилось потом с Иваном Борисовым?

— Он был отправлен в ссылку. Его жена участвовала в организации побега, ему удалось бежать. Они долго скрывались, но в конце концов, их раскрыли. И, при попытке побега через границу, схватили. Борисов был расстрелян. А его жена была определена на пожизненное. У неё был новорожденный ребенок, но его забрали у Анны и «определили на казенное воспитание», как это было сформулировано. Его следы теряются. Анна была освобождена через два года, покинула Московию и стала ведущим блоггером. Писала в сети, что ей на постоянные запросы ничего не ответили о судьбе сына. Она не смогла найти о нем никакой информации, не знает, жив ли он. В общем, о её сыне, — и тут Виталик проницательно посмотрел на Лиса, — и мы не знаем ничего. Даже, раздобыв некоторые секретные архивные документы. Итак, вернемся к тебе… Ты расскажешь мне, кто ты есть, чем занимаешься?

Лис внезапно обхватил голову руками, ощутив сильную боль. На глаза внезапно навернулись слезы.

— Я понимаю, — спокойно сказал Виталик. — Сказать правду ты не можешь. А лгать — тоже: здесь стоит фильтр. Мучаешься, да?

Лис вдруг поднялся, выхватил нож… В один миг его лицо исказилось яростью. Виталик побелел, и, вскочив с кресла, попятился к дверям. Но там быстро принял боевую стойку, и приготовился к защите.

Но Лис… Переложив нож в левую руку, быстро полоснул по ладони правой. Там, как он знал, был зашит его личный индикатор.

Кровь брызнула фонтаном, орошая компьютерную клавиатуру. Лис вставил нож в разрез и, поковыряв в ране, наконец, нащупал металлическую пластину. Потом поднес руку ко рту и зубами выдрал эту пластину из собственной плоти. Сплюнув «железку» на пол, он окровавленными губами проговорил:

— Мне… всю жизнь… врали… что я… родился… в тюрьме. Сын бандита и…, - Лис, побелев, завалился набок, но руки

Виталика, подоспевшего вовремя, не дали парню упасть.

Потом Виталик снял с себя рубашку и, порвав её на полосы, быстро заткнул, и, как мог, перевязал ими рану.

Затем достал плейерфон и набрал номер, которым пользовался крайне редко.

— Приезжайте. Срочно, — только и сказал он.

— Вы не поверите мне, — Лис приоткрыл глаза и произнес слабо, почти теряя сознание. — Но… Николай — это не Николай вовсе. Они… Его подменили. Его сознание, личность. Чертовщина в этом какая-то…

— Кто?

— Бандиты. Я на них работал. С детства. И, если за вами стоит что-то важное — оппозиция, политика, сопротивление… То он обязательно предаст. Слышите?

— Да.

— Верите мне? Ведь я умираю. И — зачем умирающему врать?

— Я верю тебе. Держись, парень! Сейчас… Приедут врачи.

— Не стоило их вызывать. Они лишь ускорят мою смерть. Таких, как я — убивают. Если вынуть «фишку» из руки — смерть будет мучительной. Так говорят. И я знаю, что…

— Не верь! Они ведь врали тебе, всегда. Приедут не обычные медики. Они тебя спасут. И не выдадут. Зло побеждает добро, — сказал Виталик.

— Зло побеждает добро, — кисло усмехнулся Лис. — Но… В этой фразе по-русски нет определенности… Кто и кого побеждает, — и он потерял сознание. Боль сковала его. Так была устроена та самая «фишка», что его теперь парализовало. Яд проник в его кровь.

«Ну, хоть в этом… Они меня всё ж не обманули», — только и успел он подумать, проваливаясь в небытиё.

Глава 3. Крот

Евгений, бывший работник коллекторского агентства, надолго засел в библиотеке, с тайным желанием встретить здесь Неназываемого.

Листать настоящие книги — словно держать в руках истинную драгоценность; экран монитора никогда не вызывал у Евгения такого трепета. Хотя, он в последнее время читал только с экрана. А такую огромную массу «живых» книг Евгений давно не встречал.

Внезапно, — быть может, листы книг пробудили в нем эти воспоминания, а может, состояние души, — но он вспомнил молодость, филфак, где учился. Вспомнил явственно, чутко и больно. Читалку факультета, редкие, выдаваемые там раритетные издания книг, еще дореволюционных годов… И, конечно, Лику…

С ней, с безответной своею любовью, он познакомился именно в читалке филфака. В её так называемом читальном зале: простой аудиторией с обшарпанными стенами, исписанными партами, странными «галёрками», где занимались чем угодно, только не учебой.

Он сидел где-то в средних рядах, у окна.

— Здесь свободно? — спросила незнакомая девушка.

— Да, — с удивлением ответил он. Когда Женя пришел в читалку, почти все столы были свободны. Теперь он озирался кругом, и понял, что, увлекшись чтением, ну, а потом достав компьютер и увлекшись квестом, и он не заметил, как сюда набежали студенты. «Учились бы дома. За компьютером. Что здесь, клуб знакомств? Или же, все норовят сбежать из дому, как и я?» — устало подумал он.

Незнакомая, очень шикарная девушка присела рядом. От неё пахло духами так, что у Жени голова пошла кругом.

— О, я знаю эту игру! — восхитилась она, заинтересованно заглянув в его ноут. — Но я так далеко еще не заходила!

— Там есть хитрая загадка. Нужно хорошо знать поэзию. Ключ — продолжение строчки стихов…

— Лика, — неожиданно представилась она, протянув узкую руку.

— Евгений, — ответил он, и, вместо того, чтобы руку ей пожать, приложил её к губам. Как в старых романах.

— Я буду называть вас просто, Женей, — прошептала Лика.

С этого всё и началось. Вне соответствия времени, они общались исключительно на «вы», и он писал ей стихи, а она даже иногда отвечала на них своими строками… Потом были безумные

петербургские ночи и прогулки по Фонтанке вместе с поэтическим ретроклубом «Пегас», чтение поэтов Серебряного века, посещение башни Иванова… Они залезли туда, на крышу, с риском для жизни. Пение песен БГ и Цоя под гинтару… «Мы стояли на плоскости, повторяя слова, лишенные всякого смысла…», — пел он, и его слова подхватывались компанией.

Потом была театральная студия, где роль Дианы из «Собаки на сене» исполняла Лика. И фантастические посиделки с изучением восточной философии в кругу странных друзей. Среди них был Вилли, который и зимой и летом ходил в одном и том же черном пальто, а в вузе из принципа учился исключительно на тройки. И Снежанна, обожавшая астрологию; она всем без исключения желающим бесплатно составляла гороскопы. И Рита, которая всегда ходила в одежде хиппи семидесятых годов прошлого века… Когда-то они думали, что их компания будет существовать вечно. Так будет всегда, и даже на старости лет они будут ходить в гости друг к другу…

Но, мирное затишье, лишенное имперских амбиций, продолжалось недолго. Так называемая «маленькая, но всё равно гордая страна» вскоре в очередной раз «встала с колен» и злобно зашипела на весь мир…Короткая, от силы двухгодичная, оттепель закончилась. В вузах и Московии в целом стали закручивать гайки. Начались новые гибридные войны. Хорошо, хоть армия была наемной, добровольной и Евгений не загремел на войну, не окончив вуза. Но Лика вдруг изменилась, посерьезнела, ушла в себя. И вскоре вышла замуж за бизнесмена с отвратительной, с точки зрения Евгения, физиономией, круглым пузиком и манерами гопника.

— Понимаешь, Женя, мне надоело быть вечно голодной… Помнишь, как мы с тобой продавали мою единственную шубу, чтобы заработать денег на еду? Я постоянно мыкалась по съемным квартирам, с крысами и тараканами, хотя никогда не говорила с тобой об этом, оставаясь «прекрасной незнакомкой». Я вообще не говорила с тобой о трудностях быта. Наша любовь была выше этого… Только музыка и стихи, и только свет… И, пусть она и останется таковой: и для меня, и для тебя.

Она помолчала. Кажется, Лика плакала. Там, в этом чужом подъезде, было темно. Он не видел её слёз. Потом они по лестнице забрались ещё выше, сидели на подоконнике и курили.

— Мои родители в мои восемнадцать лет выставили меня из дому, сказав, что я, с моим Университетом, розовыми очками и богемной жизнью им не нужна… Моё студенчество стало страшным, голодным, но оставалось свободным и прекрасным. Но сейчас… Сейчас я уже хочу покоя. Даже, ценой потери свободы. Я

больше не хочу голодать и когда-нибудь стать бездомной и умереть на улице. Я всего лишь слабая женщина. Прости меня, Женя.

Он тогда просто растерялся. Шептал нежные слова, сказал, что она всё равно останется Прекрасной Дамой его сердца. Его музой. Предлагал жить у него, вместе… «Мы будем — два нищих, убогих человека, и не сможем за себя постоять. Разве я смогу на тебя опереться? Ты сам… Еле дышишь. Ты разве сможешь прокормить двоих?» — шептала она горькие слова.

Потом он всё равно пел по-прежнему песни под её окном. Чем, впрочем, вызвал осложнения в её интимной жизни. И дважды был избит её мужем. А также, в Университете встречался с ней, по-прежнему. Писал за Лику её рефераты, курсовые и диплом. Свой собственный, диплом на классическом отделении, он сдал на четыре, но Лика, на своём факультете русского языка и литературы, написанную им работу о поэтах Серебряного века защитила на отлично.

Но, с окончанием вуза, всё и закончилось.

— Женя, не береди мне больше душу. Я так не могу. Мы… должны расстаться, не видеться никогда, — в конце концов, сказала она.

— А как же трубадуры, например? У них была дама сердца. Пускай, замужняя. Это ничего не меняло.

— Такие истории иногда заканчивались очень плохо. Помнишь, ты рассказывал мне историю… как его там? Того трубадура, у которого ревнивый муж его дамы вырвал из груди сердце и отрубил ему голову… Как его звали?

— Гийом де Кабестань из Руссильона. Дама та съела его сердце, приготовленное её мужем, которое он подал ей на блюде. Когда муж сообщил ей, что именно она съела, она сбросилась вниз с балкона.

Лика кисло улыбнулась.

— Я помню, — сказала она. Ну вот!

— Нет, в наше время такое невозможно. И тебя на её месте просто бы прозаично вырвало, — сказал Женя.

А вскоре Лика уговорила мужа уехать в Болгарию, насовсем. О чем сообщила Евгению в письме, по интернету. И больше не отвечала ему ни в соцсетях, ни на звонки.

* * *

— Здравствуйте, Женя! — из воспоминаний его вырвал голос за спиною.

Он вздрогнул и обернулся.

— Здравствуйте, Неназываемый!

— Женя, вы, кажется, должны были уже появиться на своей прежней работе?

— Да. Вчера и сегодня была моя смена. Но… Я не хочу туда возвращаться.

— Я сам подыщу вам другую работу. Но… Вам придется один раз всё же посетить то самое коллекторское агентство.

— Зачем?

— Вы… Боитесь туда идти?

— Да.

— Вот поэтому. Надо убить этот страх. Идём прямо сейчас.

— Сейчас?

— Не бойтесь. Я поеду с вами. И нас повезёт ещё один человек. Мы зовем его Сенсей.

— У вас… Есть какой-нибудь план?

— Да.

* * *

— Я немного не понял, — начал Женя уже в машине, — в медцентре, и здесь — Фанни, Схимник, вы… Ну, как бы, все эти люди, которых я встретил в последнее время — это одна организация? Что происходит здесь? Мне кажется, что вас что-то объединяет. Это так?

— Да. Мы, действительно, одна организация. Неформальная. И эта организация имеет странную историю.

— А каковы её цели?

— Такая организация, а вернее, её предтеча, возникла в противовес другим силам, как их антипод. Вы, быть может, не знаете, Женя… Но у нас были повсюду расставлены паучьи тенета. Везде, в каждой, даже самой мелкой, организации были стукачи, наушники, платные «информаторы»… Они работали на весьма реальное и сильное объединение «своих людей». Мафиозным кланом их не назовешь; но только потому, что это была более широкая сеть. И, в общем-то, по сути мафиозная, их верхушка везде имела проверенных, таких же «своих», сошек поменьше. Те выведывали, подслушивали, высматривали. Докладывали о всех «странностях» и всех неформальных объединениях, чтобы странности — ликвидировать, объединения — разрушить. Результаты всех их доносов фиксировались и заносились в особую базу. В принципе, на каждого человека было своё негласное «дело» в этой базе. А потом, к примеру, приходил

устраиваться на работу человек, увлекающийся рок-балладами. И заполнял анкету претендента на ту или иную должность. И начальник отдела кадров тут же пробивал по своей базе его данные. В отделе кадров начальникам, понятное дело, советовали брать только проверенных людей, и не послушать их начальник того или иного подразделения просто не мог. Его самого могли уволить. Ну, а во всех отделах кадров работали только люди определенного сорта: наглые, беспринципные — «свои», в общем, в доску для всей этой кодлы. Они проверяли всех: «свой» ли для них человек пришел устраиваться на должность, или странный какой-нибудь… Ага — смотрят по базе… Да он рок слушает. Ну его, долой! Ну, а внешне всё было шито-крыто: извините, мол, но это место уже занято. Или пришел кандидат с большим стажем, с ученой степенью, с медалью на шее… Да мало ли причин можно найти для того, чтобы отказать в работе! А можно и без объяснения. Или пообещать взять попозже, и тянуть месяца два, чтобы подождал, а потом — всё равно отказывать. Конечно, это всё — на работах более-менее оплачиваемых и не пыльных. И оставалось тогда любителям рока идти в дворники или грузчики. Или, на что-нибудь такое же, физически тяжелое.

В общем, такое явление в обществе мы окрестили «скрытый фашизм». В конце концов нашлись люди, которые поняли суть вещей. Нас просто уничтожают, лишая средств к существованию… И тогда эти люди стали создавать рабочие места и брать к себе на работу… По принципу, наоборот: только странных и неугодных. Тех, кто не вписывался. Не кланялся начальству. Для этого дела они создали подпольный фонд, пожертвования добровольцев. Да, они намеренно поступали так по отношению к отделам кадров «системы», существующей для подавления инакомыслия в зародыше. Даже, вообще любой мысли; думающие были не нужны. Любая мысль, творчество, предпринимательство — искоренялись. Поскольку, люди, к этому всему склонные, оказывались ниже плинтуса, им было не до развития. Для творчества и идей нужны люди свободные.

Так вот… Новые, негласные организации, берущие к себе «отказных», стали предоставлять им работу, а потом — временное жильё. Главное, что они сразу поняли — им нужно было не допускать провокаторов в свои ряды. И потому, весь этот прорыв и деятельность были бы бессмысленны, не создай люди вовремя определенных приборов. Одни из приборов послужили для экранирования мыслей и того, что происходит внутри наших контор. А другие — для вычисления людей с гнилыми намерениями и не допущения их в пределы наших стен. Да, они просто не проникали физически в наши организации; при этом, в

особо сложных случаях, им внедрялась ложная память о том, как они к нам вошли и что увидели. Других вырубало на пороге, и они поступали в наши медцентры. А чаще всего, подходит чужак к нашему дому, хочет войти — и вдруг сразу поворачивает обратно, забывая даже, зачем он сюда шел. Защита работает надежно.

Ну, а потом интелы подключились. Те из них, что работают на нас, стали вычищать данные из таблицы «неблагонадежных», полностью стирать отовсюду такие файлы. Одновременно с этим, некоторые наши отважные ребята, к примеру, несколько раз поджигали самые отвратительные тайные конторы, в которых хранились документы с папками. Конторы, созданные стукачами и для стукачей.

Таким образом, и началась наша борьба по спасению реальных людей от жестокой «системы», проводимая просто для их выживания. Программа была предназначена для спасения нормальных, думающих и одаренных. Ну, а потом оказалось, что именно эти люди добились лучших результатов в работе: научных достижений, творческих произведений, эффективных изобретений… И всё это стало нашим внутренним, тайным, достоянием. Мы всё это стали хранить в секрете. И распространять лишь среди своих. Не подпитывать систему. И это начало уравнивать, в какой-то степени, нас с нашими противниками: у тех в руках деньги, власть, сила и ресурсы… А у нас — наука, тайные производства, новые изобретения и единство… Только, Женя, мы все здесь живем, как на войне. Мы в постоянном напряжении, оберегая друг друга. Иного не дано. И никто не знает исхода этой битвы.

— Понятно. Я, если можно, хотел бы работать у вас.

— Можно, Женя, можно.

— Тогда, может, не надо ехать в мою бывшую контору? Вам же не сильно нужны справки оттуда? Тем более, что мне ничего не дадут: официально они не заключали со мной нормального трудового договора. Сказали: первый год так работай…

— Мы едем туда не для этого. И, ничему не удивляйся. Тому, что сейчас произойдет.

— Хорошо. Я понял.

* * *

Это был обычный, ранее жилой, дом. Но все этажи невысокого здания занимали разные конторы.

Перед одним из двух подъездов Евгений остановился и зябко

поёжился. Было сыро и промозгло; снег давно превратился в хлюпающую под ногами, мерзкую жижу, а ветер насквозь пронизывал Женю, одетого в тонкое пальто.

Машина, на которой они приехали, была оставлена за углом.

Неназываемый и Сенсей вошли вслед за Евгением в серое, мрачное здание.

— Со мной, — внизу, кивнув в сторону спутников, промямлил Евгений вахтеру. Лицо самого Жени вахтеру, пожилому военному в отставке, уже изрядно примелькалось.

Он вошел первым и в помещение самого агентства.

За столом при входе, как всегда, сидела секретарь Алёна и заполняла бланки.

— Вы, — она подняла на Евгения удивленные глаза. — Вы столько дней пропустили без уведомления, весь вчерашний день не отвечали на звонки, опаздываете… Вас, скорее всего, уволят.

— Я хочу поговорить с шефом, — извиняющимся голосом, глядя в пол, робко сказал Евгений.

— Проходите, — сказала Алёна. — Он у себя.

Тогда Евгений, как они договорились заранее, приоткрыл входную дверь в кабинет шефа, чтобы пропустить вперед Сенсея и Неназываемого.

— Эти люди — со мной, — пояснил он Алёне, таким же робким, извиняющимся голосом.

Алёна ничего не успела ответить.

Впрочем, Неназываемый, мимоходом, быстро наклонился к ней, и, внимательно посмотрев в глаза, сказал:

— Мы — с Евгением. Родственники его.

— Угу, — будто подавившись, ответила та и уставилась в потолок, впав в прострацию.

И вся троица исчезла в кабинете шефа.

— Здравствуйте, шеф! Я отсутствовал на работе, — с порога начал Евгений. — Ко мне родственники внезапно приехали. Вы же меня не уволите, правда? — и он заискивающе улыбнулся.

Один из «родственников» (это был Сенсей) тем временем осмотрел кабинет беглым взглядом и, подойдя к окну, неподалеку от которого за столом сидел охранник, спросил у него развязно:

— Закурить не найдется?

— Что? — парень уставился на Сенсея рыбьими глазами.

— Я имею в виду зажигалку. Сигареты у меня найдутся. Огонька не будет? — Сенсей приблизился и полез в карман.

Парень пошарил по столу и нащупал зажигалку.

Сенсей же, без предупреждения, нанёс удар кулаком ему в челюсть. Одного удара оказалось достаточно.

Минутой ранее, Неназываемый уже стоял перед шефом, рядом с Евгением.

— Вы же простите моего племянника? — спросил он Палыча, внимательно вглядываясь в его свиные глазки, тут же забегавшие из стороны в сторону.

— Я…, - гневно начал Палыч, приподнимаясь — и вдруг грузно осел на стул. Голова его упала на грудь, а ворот рубахи врезался в жирную шею.

Неназываемый и Сенсей, после того, как последний вырубил охранника, тут же выволокли грузное тело Палыча из кабинета. Испуганные коллекторы, высунувшись из-за перегородок — шкафов, от удивления прекратили на время обзвон должников.

— Человеку стало плохо. Скорая ожидает внизу, — бросил Сенсей в их сторону.

Евгений покидал кабинет шефа последним. Он быстро прикрыл дверь, за которой оставалось под столом валяться тело охранника. Тот еще был в отключке.

Женя поспешил вниз по лестнице, за своими спутниками, волочившими грузное тело. Прорвавшись на площадке между этажами вперед них, он первым был у вахты.

— Палычу стало плохо. Мы вызвали скорую, — сказал он вахтеру. Следом Сенсей и Неназываемый проволокли Палыча. Они вышли на улицу и последовали к машине; шефа коллекторского агентства затащили на заднее сидение. С ним сел Неназываемый, а Сенсей — за руль.

— Женя, садись вперед, с Сенсеем. Надо спешить. Трогай, — сказал Неназываемый. — Скоро очухается тот, в кабинете. Мало ли, куда позвонит. Крот почует неладное, если узнает.

— Крот? — встрепенулся Женя.

— Не важно, кто это, — ответил Неназываемый. — Твоя работа выполнена. Подбросим до ближайшего метро — и возвращайся.

Машина резко сорвалась с места.

— Ты думаешь, у нас получится, добраться до Крота без приключений? — спросил Сенсей.

— Если Генерал туда вхож, то попробуем, — ответил Неназываемый.

— Куда… Вхож? — спросил Евгений.

— В один медцентр со странной репутацией. Где чуть не прооперировали Марию, вырезав здоровую почку. Нам нужно туда проникнуть. Для этого мы и взяли Палыча, — пояснил Неназываемый.

Тем временем, машина неслась по Питеру, устремляясь к окраине.

— Ну, что, Женя, ты больше не боишься коллекторского агентства? — спросил Неназываемый.

— Кажется, уже нет, — усмехнулся тот.

— Выходи, метро по курсу, — предложил Сенсей.

Евгений вышел. А машина двинулась дальше.

* * *

Вскоре очухался Генерал, приоткрыв свои маленькие глазки. Неназываемый тут же пнул его в живот. Потом развернул к себе его голову, и быстро нажал на определенные точки.

Спустя минуту, Палыч посмотрел на него мутным взором.

— Мы едем в медицинский центр, и ты нас проведешь через охрану, — сказал Неназываемый.

— Куда едете? Какую охрану? — вяло спросил тот.

— Я не знаю, как вы называете этот притон. Проведи нас к Кроту. К медикам. Иначе, ты — труп.

— А, так вам нужен Крот? Всем до зарезу нужен Крот… То Ферзю, то Царю. А вы на кого работаете? — изменившимся голосом, будто язык с трудом ворочался у него во рту, спросил Палыч. — Но, эти ваши дела дурно пахнут и плохо заканчиваются.

— Кончай базар. Мы заплатим, — рявкнул Неназываемый.

— Ну… Проведу в Контору. Через охру. А там он ко мне обычно сам вниз спускался. Я звоню, что пришел. А сейчас, сами его нору дальше ищите.

— Ладно. Охрану минуем, и ты свободен. Если не хочешь к Кроту провести. Мы бы заплатили, — уныло согласился Неназываемый.

— Сами со своими делами разбирайтесь, — ответил Генерал. Глаза его забегали из стороны в сторону. — Но, если Царь узнает, мне и так не поздоровится. Это — тоже немалый риск. И он должен быть хорошо проплачен.

— Ладно, заметано. После получишь это, — Николай полез в карман и достал крупный ограненный алмаз.

Он показал его Генералу, держа на раскрытой ладони, и глаза Палыча снова нервно забегали из стороны в сторону, а лоб покрылся испариной.

— Приехали, — сказал Сенсей. — Вытряхиваемся.

* * *

Генерал подошел ко входу и нажал на кнопку переговорного устройства.

— Привет, Стерх, кажется, это ты? Узнал еще издали по силуэту, — мрачно сказал он.

— Привет, Генерал. Тебе чего? Наркота закончилась?

— Смекаешь.

— А где твой Костя?

— Понятно, что он двух охров стоит… Но и других обучать нужно.

— Новички, что ли?

— Типа того.

— Кисло выглядят для коллекторов. В качалку пусть запишутся.

— Это ты скажешь после того, как они тебя отделают. Проверенные уже кореши.

Стерх тем временем уже провел их от стеклянной двери в глубину пустого вестибюля, с серыми плитками пола и низким потолком. Там он их и покинул, возвращаясь к «вертушке» у входа.

— Теперь — рванем к лифту, — шепнул Неназываемый Генералу.

— Я с вами не пойду. Давай камень. Не дашь — подниму здесь хай, — зло шепнул Генерал.

— Держи. И убирайся поскорей. Хай здесь всё равно будет, — ответил ему тот, протягивая бриллиант.

Блеснув, сокровище исчезло в кармане Генерала. Тот остался, а остальные двое последовали дальше, к лифту.

— Стой! — раздался крик Стерга. — Стрелять буду!

«Блефует», — подумал Неназываемый. Впрочем, им было всё равно: оба, он и Сенсей, устремились к лифту.

Однако, действительно, последовал выстрел. Но они среагировали мгновенно, упав на пол. Прокатились к одной из двух боковых лестниц, ведущих наверх. Путь к лифту был отрезан, поскольку простреливался, но они уже проворно взбежали наверх, на первую площадку между этажами.

— План номер два? — спросил Сенсей, когда они, не прерывая бега, очутились уже на втором этаже.

— Да, — подтвердил Неназываемый.

Сенсей кинул вниз микрогранату.

Неназываемый достал файербол и кинул его по направлению к закрытой двери лифта на втором этаже, когда они сами рванули ещё выше. Дверь шахты лифта запылала. Лестница, соединяющая первый и второй этажи, медленно осела вниз, разрушаясь и превращаясь в труху: ведь Сенсей кинул туда термозаряд. Они же

теперь бежали по лестнице, оборвавшейся в пропасть. И так, повторяя разрушения, они взбежали на шестой этаж. Там они побежали по длинному коридору, и Неназываемый высматривал нужную дверь, следуя нумерации кабинетов. За спиной еще раз заторможенно бабахнуло, полыхнуло пламя, и между этажами, поднимаясь всё выше, занялся пожар.

— Куда нам? — спросил Сенсей.

— Номер шестьсот двенадцать, — сообщил тот. Номер ему сообщила Мария, а ей — Фрэд.

Вскоре они отыскали нужный кабинет, и Сенсей открыл дверь с помощью отмычки. Они забежали внутрь и заперлись.

— Думаю, здесь повсюду системы слежения. Ну, вот одна, — сказал Неназываемый и выстрелил вверх из бесшумного пистолета. Наверху, над входной дверью, раздалось тихое дзынь.

— Что ищем? — спросил Сенсей.

— Что-то похожее на «черный ящик», в каких хранят интелов. Я узнаю такой прибор. Всё, что окажется рядом, тоже захватим: там должен быть ещё один прибор.

Вскоре, на одном из столов, Неназываемый отыскал похожий, судя по описанию Фрэда, ящик.

— Надо искать ещё и так называемый «разрядник»: еще один прибор нам нужен, — сухо сообщил Неназывемый другу.

— Я ещё шкафы не проверял; вон те два, большие, у стены, — заметил Сенсей.

— Надо торопиться, — нахмурился Неназываемый. — Проверяй шкафы, я — посмотрю, не прячется ли кто в туалете — и уходим.

Он подошел к туалету. Дверь маленькое помещение была заперта изнутри.

— Выходи, иначе — открою стрельбу, вынесу дверь, и могу убить ненароком, — прокричал Неназываемый.

— Не стреляйте, — послышался робкий голос. Раздался звук открываемого шпингалета, и наружу высунулась голова. Казалось, маленький, тщедушный человечек с красными глазками по-крысиному принюхивался.

— Крот! — понял Неназываемый. — А ну, вылезай оттуда. Что ты там делаешь?

— Да, я — Крот, — сказал человечек, потирая ладонь о ладонь крупные, красные руки и по-прежнему стоя в проеме туалета. — Но это я должен спросить, что вы делаете в моем кабинете? Роетесь?

— Ах ты, трусливая шкура! — закричал Сенсей.

— Нет, подожди, — остановил его Неназываемый. — Может, ты поведаешь нам, где разрядник?

— А, так вы в курсе? Вас — что, Царь послал? — на неприятной физиономии Крота, с острым подбородком и глазами-буравчиками, читалось явное облегчение. — Я же сказал ясно Царю, что…

— Разрядник! — заорал Сенсей.

— Нет его здесь. А я пытаюсь вам сказать, что парнишке его отдали вашему, что с Николаем пошел. Так надо было. И — оставьте меня в покое, я тут при чем? — Крот изобразил видимость улыбки, показав маленькие, желтые зубки.

— Ладно, бросай эту гниду. Уходим, — устало сказал Сенсею Неназываемый и запросил по мобильнику вертолет. — Экстренная ситуация, — доложил он пилоту. — Постарайся, чтобы тебя не засекли, но — в любом случае, забирай нас!

— Думаю, нам надо захватить и этого. Допросим с пристрастием, — кивнул Сенсей на Крота.

— Действуй, как знаешь, — согласился Неназывемый.

В ожидании вертолета, повисла гробовая тишина, изредка нарушаемая лишь поскуливанием Крота, которого Сенсей выволок из туалета, тщательно обыскал и теперь держал мертвой хваткой.

Вскоре вертолет, описав круг над зданием, приблизился к окну, из которого, став на подоконник, высунулся Неназываемый. Вертолет завис над ним; вниз была спущена веревочная лестница. Неназываемый схватился за лестницу и полез вверх, а следом Сенсей заставил подниматься Крота и полез сам. Пилот, даже не дожидаясь момента, когда все они окажутся в кабине, взмыл на вертолете вертикально вверх, уходя от стрельбы, открытой по нему из нижних окон. Снайперы, однако, успели ранить Сенсея в ногу. Внутри вертолета, наскоро обрабатывая рану Сенсея, Неназываемый одновременно сообщал пилоту:

— Возможно, что к нашему вертолету скоро отправят боевые на перехват. Вполне вероятно, что они есть у этой банды, — при этих словах он заметил, что Крот аж позеленел. — Будем садиться, и как можно быстрее покинем вертолет.

— Где? — спросил пилот, ложась на курс вылета из города.

Кто-то позвонил Неназываемому, и он принял входящий, и вскоре услышал голос Виталика, своего знакомого, известного ему по другому объединению «своих» в Санкт-Петербурге. Он звонил крайне редко: только в случае неожиданных происшествий, когда нужна была помощь. Если рассекретят одно из объединений, остальные должны оказаться по-прежнему вне досягаемости, и потому отдаленные друг от друга организации старались как можно реже выходить на связь между собой.

— Здравствуй, Неназываемый! Срочно нужна помощь, у меня

заварушка. А наши сейчас не в городе, далеко. Ты можешь прислать срочно своих людей? Хоть пару, но хорошо обученных.

— Нас как раз двое. И пилот вертолета. Где высаживаться?

— Вы на вертолете? Большая удача… Высаживайтесь на крышу молодежного центра…

— Где-где? — переспросил Неназываемый удивленно.

— Это недалеко от…

— Не продолжай. Я хорошо знаю это место. Уже летим, — Неназываемый отдал распоряжение пилоту. — Слушай, Виталий, нам это место крайне интересно. А что ваши там делают?

— Из наших — только я. Проник в одно закрытое общество, совсем недавно. Молодые ребята здесь, политические. Пытаются сопротивление организовать. Я быстро вошел в главный их совет. И… У нас тут странные дела творятся. Один новенький пришел, и сейчас в отключке. А другой новенький… Его нужно срочно в больницу. В нашу. Именно — в нашу! Потому, я и вышел на связь. А в сумке я у него прибор обнаружил, весьма странный. Мой анализатор запикал, вот я и проверял всё кругом.

— Что это? Оружие?

— Нет. Серебристый сосуд с трубкой… Назначение прибора мне не понятно.

— Что?! Береги этот прибор. Он мне позарез нужен. Первого из твоих новеньких — Николаем зовут?

— Да. Но я не договорил… Тут вовсю битва идет за него. Он сам упал, и валяется. А сюда мордовороты рвутся. С андроидами. Взломали входную дверь, бегают по коридору, требуют Николая. А в зале, где он находится — наше секретное собрание, их туда нельзя пустить…

— Держитесь, мы уже близко. Николая обороняйте. Это — очень важно. Нужно, чтобы он жив был. И серебристый прибор береги, спрячь пока. А кто — второй? Кто с этим парнем был?

— Подельник бандюков, похоже. Но — не по своей воле он с ними. Завербован с рождения. Он из своей руки у меня на глазах пеленгатор контрольный вырезал. Не захотел на них работать. Много крови потерял. И яд там явно какой-то задействован, в пеленгаторе. Если его вынуть, попадает в кровь. В общем, спасать надо парнишку этого…

— Я свяжусь с кем надо. Ждите и моих медиков, впустите их. Мы сами — почти рядом. Высадимся — пойдем на захват Николая. Где он?

— В зале собраний. На втором этаже, третья дверь слева от лестницы, по коридору.

— Понял. А бандиты где?

— Пока — на первом. Все кабинеты подряд прочесывают. Там

у нас кружки разные, занятия идут…

— Ясно. Мы — в зал направимся, как высадимся. А ты — встреть медиков.

Неназываемый отослал Виталику, а потом и медикам, ещё несколько сообщений: так, чтобы информацию не слышал Крот. Тот и так увидел и узнал слишком много. Хотя, он забился в угол рядом с Сенсеем и явно притих.

«Если этот субчик не уйдет ненароком в переделке — то надо надавить гипнозом, и стереть ему память об этом дне», — решил Неназываемый.

Вертолет завис над крышей молодежного центра.

— Мы десантируем, а ты — улетай, и поскорее! — сказал Неназываемый пилоту.

— Улечу, но покружу поблизости. Буду на связи, — ответил тот.

Глава 4. Бегство от теней

Она ещё в детстве поняла, что все и во всём, постоянно, врут. Это называлось «идеологией». Потом идеологию убрали, но ложь всё равно осталась. Появилась некая гибридная идеология, полностью перешедшая на личности: просто, кого-то «заказанного» поливали грязью или устраняли, а кого-то превозносили… До поры, до времени. Игра была такая.

Ложь существовала ещё и просто так: не для какой-либо конкретной цели. Просто, ею пропитывалось всё. Например, в тот период наивысшей безнравственности, что наступил за развалом Союза, зачем-то врали, что в Советском Союзе не было секса… Но… почему же не было? С детства она помнила гадких, похотливых дядек, трясущих своими причиндалами. С их грязными предложениями, они таились где-нибудь в подъездах. От подобных они, девчонки, сбиваясь в стайку, убегали прочь. В этой и подобной тому форме секс был всегда. Грязный, животный и отвратительный. Хотя, только потом появились голые задницы на экранах и заведения для «интимного массажа». После отторжения перестройки, всё это расцвело буйным цветом.

Нет, секс был… Не было только любви. Ни тогда, ни потом. В конце концов, даже само это слово утонуло, захлебнулось в пошлости. Чувства полностью заменились идеалом чувственности, погоней за потоком новых ощущений: так бывает в те времена, когда нет ничего прочного, постоянного и надежного.

Средства массовой информации были теперь везде включены на полную катушку или воткнуты в уши: как предосторожность от того, чтобы в голову не могли заползти собственные мысли. Сила денег, власти и всесокрушающей ненависти заполнила всё. Обнажился холодный, злой, ничем не прикрытый мир.

Или — развалины иных миров, разных пластов разгромленной в хлам культуры?

Падение длилось лет сто пятьдесят. Не меньше. Срок, в общем-то, чертовски малый с точки зрения вечности, истории… Даже, с её собственной, человеческой точки зрения.

Ещё её бабушка видела февральскую революцию, ходила по улице с красным бантом на груди и радовалась отмене уроков. Да, это было совсем недавно… Просто, человеческая жизнь — так скоротечна…

А — Неназываемый? Он, наверное, сам, своими глазами, видел те времена, о которых рассказывала ей бабушка… Марширующих голых женщин с транспарантами «Долой стыд»… Борцов с мещанством… Которые уничтожали чужих домашних

кошек и горшки с цветами на окнах… Сеяли повсюду голодное, слепое, бездушное равноправие. Создавали «единую общность — советский народ». Безликий, бездушный, с кислыми, тупыми физиономиями.

Насеяли… Везде.

Времена страшные и суровые сменялись лишь легким дуновением оттепели: ровно настолько недолго, чтобы страна только что не померла совсем, до самого последнего человека…

Фанни снова подумала о Неназываемом: как же он выдержал, пережил страшные для страны времена? Голод и разруху, войны и бедствия, коллективизацию и военный коммунизм? Где был, что делал? Или же, он жил тогда не здесь, за границей?

Она поймала себя на том, что, при размышлении, что-то рисует у себя, в блокноте для записей. Вообще, её стол был теперь завален бумагами, тетрадями, книгами… Ей нравился и запах свежей типографской печати, бумаги, и запах старых книг… А жители этого дома, похоже, не слишком доверяли компьютерам и прочей технике. И не создавали из компьютера… бога всех вещей.

Сегодня ей не хотелось выходить в сеть. Совсем. Потому, она сидела и дорисовывала, уже сознательно, маленькую, хрупкую девушку с большими глазами и прозрачными, стрекозиными крылышками. Девушка улетала прочь, оборачиваясь и грустно глядя в упор на Фанни. «Может, она эльфийка, а может — моя муза», — подумала она, глядя на свой рисунок.

Ей сегодня было почему-то неуютно от того, что рядом не было Неназываемого. Он должен быть сейчас рядом! Потому, что иначе она тревожилась за него. Будто, только сегодня осознала, как темно вокруг, и каким силам они пытаются сопротивляться. Каким страшным силам, не имеющим ничего общего с человеческим разумом, чувствами и понятиями. С тем, что властвовало безраздельно в самых темных углах мира и считало себя хозяевами. Прежде всего, хозяевами людей. С теми безымянными силами, в которых не было ни малейшего проблеска добра и сострадания. Лишь свирепое желание поглотить всё, переварить и сыто выплюнуть отходы.

И то, что кто-то из выпасаемых ими человеческих стад не всегда следовал на создаваемые ими бойни, не соглашался на принудительную эвтаназию на старости лет, на псевдолечение таблетками и операциями, когда в том не было никакой нужды, не устремлялся на войны, не маршировал вместе с другими стройными рядами по праздникам и не читал правительственных новостей, — всегда вызывало в них желание убить непокорных, задушить их руками своих слуг.

Если эти силы уже прознали о них, об этом доме… То они

придут, чтобы их уничтожить…

Фанни показалось, что это так; что те, кого Неназываемый и другие называли «тенями», уже прознали что-то об их единении, коснулись её сознания ледяным холодом страха… Что они… ищут их по городу. Чтобы убить, уничтожить.

Она не понимала странной, неожиданной, необоснованной паники; хотела успокоиться. Но, никак не получалось у неё успокоиться; она не находила себе места от беспричинного волнения.

И, в конце концов, не находя себе места, Фанни достала куртку, сапоги, быстро оделась, обулась — и покинула комнату, дом, устремилась прочь, в толпу… Здесь, только здесь, можно было затаиться, стать неприметной; быть в полном, безраздельном одиночестве. Ей оно было сейчас необходимо. Для того, чтобы привести в порядок мысли и чувства.

Фанни шла по набережной Фонтанки; и снег внезапно начался и повалил хлопьями. Когда, вдруг, она услыхала знакомую мелодию, достала из кармана планшет и приняла входящий.

— Позвони Марии. Срочно. Пусть она съездит к Николаю. Ему надо сейчас, срочно ехать в Молодежный Центр. Она ему пусть поможет. Расскажи ей вкратце о том, о чем я рассказал тебе вчера: что его… еще можно вернуть, — это был Неназываемый.

— Где ты? — упавшим голосом, спросила Фанни.

Но он уже отключился, и больше ей не удавалось поговорить; соединения не было. Должно быть, он зачем-то полностью отключил связь. Тогда, в спешке, она судорожно набрала другой номер. Марии.

* * *

Фрэд понял, что его обнаружили. И что, с недавних пор, за ним постоянно следят. Если так, то они уже могли считать с него всю информацию: ведь Фрэд, хотел он того или нет, был лишь частью единой системы, набором значков, символов, энергетических импульсов… Впрочем, он плохо представлял себе как систему в целом, так и составляющие его самого части.

В конце концов, когда он был ещё живым человеком — тем, чью память он несёт сейчас в себе — Фрэд был набором клеток, а его мозг состоял из синопсисов и нейронов… И тогда он тоже плохо представлял себе свои составные части. Ему это, в принципе, и не слишком было нужно. Для того чтобы продолжать жить, знание о том, как функционирует его мозг и как он подает

сигналы телу, не было слишком необходимым. Как музыкальной мелодии не обязательно знать, из чего созданы струны инструмента, на которой её исполняют.

Фрэд знал, что они — тени, могут считать с него информацию, снять копию; сообщить её, кому угодно… К примеру, узнать, с кем и о чем он общался в последнее время. Без пыток, допросов, и даже без сообщения ему самому о проведенном тщательном сканировании. Так сказать, путем хакерского взлома его души. Он знал, что от подобного кощунства он не умрет. Но должен почувствовать сбой. Недомогание: к примеру, как человек при гриппе.

Должно быть, они уже знают о Марии… О том, что он общался с нею. Он осознал это лишь потому, что сейчас ему внезапно стало плохо. Будто давящая сила нахлынула на него; испариной покрылись чувства; рябь серой дрожи заколыхалась в мыслях, и захотелось убежать прочь.

Куда?

Отсюда не убежишь…

Если они вычислили, что он общался с Марией, они взяли под контроль её электронику и будут отслеживать связи её общения. Что они узнали? Что именно он, Фрэд, сообщил ей о кабинете номер шестьсот двенадцать? Считали, кому он передал этот номер? Значит, кто-то уже проник в него… И… только б они не считали также и то, что он писал Николаю. Ведь они не хотят, чтобы их план, что касался Николая, был сорван.

И, быть может, они теперь будут прослушивать все разговоры Марии; наверняка, они вышли на её номер. И будут выходить на всех, кто с ней попытается теперь связаться. Услышат каждое слово… Подстерегут на улице…

Фрэд почувствовал себя предателем. Было ощущение, что внутри него что-то сжалось… Хотя у него уже давно не было сердца.

И ему некуда было обратиться за помощью. Здесь, внутри машины единого интеллекта, все, абсолютно все были одиноки. Как одиноки были и те люди, которые сидели за своими компьютерами по ночам, в поисках иных душ, иных идей и мыслей. Они лишь обманывались тем, что не одиноки, когда подключались к единому, общемировому полю всеобщего интернета… Но это было не так. Они по-прежнему были одиноки абсолютно, если только новые интернет-друзья как-либо вдруг не проявлялись в их реальной жизни. Но это случалось крайне редко.

Интернет-сидение стирало грани человеческой личности, уничтожало защиту; оно нарушало реальную связь с настоящим

общечеловеческим полем. Тем общечеловеческим сознанием, которое было неподвластно контролю теней. Да, эта вездесущая машинерия предлагала более простой, не затрачивающий усилий, общедоступный вариант общения душ. Простой и… тотально контролируемый.

Фрэд помнил до сих пор, что существует это, иное, единение. Коллективное сознание… Он помнил заброшенный домик в опустевшей деревне, куда его закинуло однажды, к местному знахарю. Он жил там одиноко, в лесу. И, после некоторого времени такой жизни, он знал то, что думает его жена, на расстоянии сотен километров; он заранее чувствовал приближение дикого зверя или о визите к нему других людей, путников. Настоящая сила была тогда в нем; она излечила его, дала почувствовать осязаемую реальность, научила управлять энергией, телом, событиями и состоянием души. Он чувствовал тогда радость от созерцания восхода солнца, единения с деревьями, травами и животными. Но сила духа, наработанная там, постепенно, день изо дня, покидала его потом, в городе, пока не вытекла вся, без остатка.

И Фрэд знал, что всё то, что плавает в системе единого интеллекта — лишь сухая информация; она не имеет реальной силы. Будто из тех слов и строчек, что плавают в сети, кто-то выкачивает часть реального содержания, оставляя лишь оболочку, знаки, символы, лишенные истинной силы слов. Он порой думал и о том, что отношения людей в сети, с их страничками и сайтами, похожи на отношения соседствующих памятников и могилок на кладбище: на одной есть фото и дата жизни, на другой — нет; у одного — есть завядший букетик, лавочки для посетителей; рядом с другим — бутылка водки, а у третьего — есть эпитафия… Но все они — лишь символы чего-то. Былого — на кладбище; настоящего, но далекого — в сети. Только знаки… И тихий шелест листвы есть где-то над ними; и пение птиц не нарушает застывшую тишину.

А быть может, Фрэд просто ощущал себя таким памятником. Или — деревом. На кладбище. Его корни уходили в почву общечеловеческих идей и мыслей, а крону создавали воспоминания. И он шелестел кроной, питался соками земли — но не сдвигался с места.

Но всё же, в прошлом он был человеком. И его волновала судьба Марии, её друзей… Он чувствовал себя предателем. Хотя, его предательство совершенно не зависело от него. В его суть, мысли, действия: во всё, — могли залезть, как в чужую квартиру. И ограбить. Они целиком не принадлежали ему, его мысли, его тайны… Он был Фрэд. Интел.

И он знал, что в плотной материальности силы теней уже победили: всё развивается по их сценарию. И потому, битва уже перенеслась в область духа. Отчасти, овеществленная, эта духовная битва обрела своё поле в блогосфере, соцсетях, сайтах интернета. Здесь происходит битва людей с нечеловеческим разумом. Так же, как и в реале. Только здесь она проходит, в том числе, и по душам интелов, кромсая их на части. А также, здесь с легкостью проникает в не защищенные человеческие сознания, сводя их с ума или заражая фобиями или бредовыми идеями, чужая, злая воля…

Итак, Фрэд снова подумал о том, что, поскольку он чувствует недомогание, разбитость — значит, с него уже считали информацию. Быть может, в том числе о Марии. И вышли на тех, кто, может быть, после их внедрения в его сознание, уже общался с нею при помощи гаджетов.

Кому она могла сейчас позвонить? Или, кто позвонил ей? Этому человеку угрожает опасность. Он почти что ощущал это…

Фрэд понял, что и ему самому не следует теперь выходить на связь ни с Николаем, ни с Неназываемым. Теперь всё будет прослушиваться. Хотя, он должен был осуществлять связь между ними, как они договорились; но теперь это было слишком опасным. Он не знал, как они его смогли вычислить, но на этот счет у него имелось явное подозрение. Будто бы, кто-то выскреб всё у него внутри…

«Надо предупредить Марию… Или, нет, не надо её ни о чем предупреждать. Лучше попробую… не звонить, а, переместившись по сети сгустком энергии, ударить и отключить ей связь… Даже, спалить её гаджет. Быть может, тогда они не вычислят, кому я именно я осуществил передачу. Да, это не безопасно для меня, но… Должно сработать, — решился Фрэд. — И тогда, они не прослушают её беседы».

* * *

Фанни вновь и вновь предпринимала попытки дозвониться до Марии.

Напрасно.

«Странно, что нет связи именно сейчас… Случайность? Вначале, звонок, вроде бы, пошел», — мелькнула в голове мысль.

Она решила, что нужно тогда срочно, без промедления ехать к Маше, в общежитие. Фанни знала адрес, провожала однажды её и сейчас была не слишком далеко оттуда.

Вахтерша, важная, как, по крайней мере, министр, не хотела

её пускать; но, видимо, что-то было во взгляде Фанни такое, что она стушевалась, и, в конце концов, пустила её: без документов, но ненадолго. Отыскав Марию и торопливо сообщив ей о том, что нужно ей делать и что заранее было обговорено ею с Неназываемым, она вскоре выскочила из общежития. Мария показала ей расплавленный плейерфон… Он у неё только что самоуничтожился, похоже… Но, доверять беседу с Николаем технике, так или иначе, всё равно было нельзя.

— Ты… Просто, поезжай к нему. Немедленно, — посоветовала Фанни.

Направляясь домой и будучи уже неподалеку, Фанни внезапно заметила, что двое незнакомых, подозрительного и зловещего вида, мужчин выскочило наперерез её дороги из подворотни ближайшего дома. Она обернулась: и ещё сзади подходило двое. Все четверо устремились к ней.

Чуть сзади — двери булочной… Бежать туда? Нет. Не успеет…

Внезапно из тех дверей, что она приметила, выскочила женщина. Она выстрелила из парализатора в спины двоим: тем, что направлялись к Фанни сзади, и те упали. Тем же, что выскочили из подворотни, Фанни направила в нос струю слезоточивого газа…

И, не теряя времени, обе женщины устремились вперед. Та, что неожиданно пришла на помощь, за поворотом улицы схватила Фанни за рукав и потащила к остановке. Когда она обернулась, Фанни её узнала, хотя всё лицо её было замотано «кольчужкой», по самые глаза. Это была Милица.

— Выброс гаджет, если он есть у тебя. Возможно, шли по нему за тобой, — резко сказала она Фанни.

Та бросила планшет мимоходом в урну. И, когда они обе запрыгнули в автобус, со стороны урны раздался небольшой взрыв…

«Ну, вот… Теперь обвинят в терроризме, если где поблизости камеры есть», — подумала Фанни.

Однако автобус уже проехал достаточно, чтобы водитель не увидал того, как сзади взорвалась урна яркой вспышкой. Милица подтолкнула Фанни в сторону свободного сидения.

— Я, кажется, вовремя, — сказала она, спокойно присаживаясь рядом.

— Откуда… Вы здесь? — спросила Фанни.

— Решила вот принять предложение Неназываемого, и поговорить по поводу переселения к вам. Он давно предлагает. Пора мне, — та устало улыбнулась. — И… Когда я подходила к вашему дому, впереди увидала тебя, впрочем, еще не зная, что

это именно ты. И — хвост за тобою. Тех, кто следил. Потом ещё и другие из подворотни выскочили… Те — просто местная шпана, но их кто-то явно «подключил»… А значит, что те, кто преследует жертву — не просто карманники. Дело нечисто. Ну, я юркнула в булочную, пока они меня не заметили… А дальше — ты знаешь. Главное было — внезапность. И, похоже, что, как я и предполагала, тебя взяли на пеленг по планшету…

— Лихо вы с ними.

— У меня в таких делах — есть опыт. Не раз была в деле, вместе с Неназываемым. Бывало и не такое, — Милица здесь, вновь обретая привычные ей повадки светской дамы, томно зевнула, прикрывая рот бумазейной перчаткой. Впрочем, эти перчатки не слишком сочетались с вязаной шапкой — «кольчужкой», связанной по последней моде, и тугими ультрамодными светящимися лосинами, изящно облегающими ноги.

— Тебе нельзя сейчас домой, — бросила Милица тоном, поясняющим будничную и банальную истину. — Тебя засекли. Знают твои внешние данные. Зайдешь домой — спалишь всю контору.

— И… Куда я теперь?

— Не ты, а мы… Неназываемый мне за тебя всю плешь проест, и потому — отныне я твой ангел-хранитель… Погуляем, подышим свежим воздухом. Посетим музей… Кстати, ты бывала в музее Набокова?

Глава 5. Контакт

Он проснулся, приподнял голову, автоматически уставился на экран монитора. Нажал на мышь и увидал лист будущей диссертации, над которой и придремал. Взгляд машинально скользнул вниз, в правый нижний угол. Три часа двенадцать минут… Ночи, естественно. «Заснул! Заснул прямо за столом, вместо того, чтобы работать. И даже не могу теперь хоть приблизительно осознать, когда именно, — укорил он себя. — Но, похоже, что на этот раз я просто заснул, а не был вырублен компьютерным вирусом… Заснул за диссертацией. Не знаю, зачем я её по-прежнему пишу… Под чьим именем я её опубликую? Владика? Как встречусь с научным руководителем?» — Николай снова тупо уставился на давно знакомую ему рукопись. Но что-то не давало ему покоя. Неприятный осадок и внутренний холод его не покидали.

Было тихо. Только стрелки настенных часов уныло тикали. Вдруг, внезапно, Николаю показалось, что он не один в комнате. Есть кто-то еще. И это присутствие действовало угнетающе… Хотя он не услыхал ни малейшего шороха, его с головы до ног пробирал ледяной страх. Николай чувствовал затылком, что прямо за спиной, ближе к двери, кто-то стоит. И он осторожно обернулся, чтобы убедить себя, что это лишь воображение…

Но, тут же вжался спиной в спинку кресла, судорожно сжал подлокотники. В углу маячило, расплывалось и шевелилось пятно света с неясными очертаниями. Казалось, что легкий ветерок поддувал от этого пятна в сторону Николая. Неестественно зеленое, яркое, оно просто не могло здесь быть; никакого источника света, кроме экрана компьютера, за плотно занавешенными шторами на наблюдалось. Николай машинально поискал взглядом в округе что-нибудь увесистое и тяжелое. Пятно, тем временем, ещё секунду поколебалось, и вдруг начало концентрироваться, сжиматься, пока не оформилось в очертания человеческой фигуры. Незнакомый образ заворожил Николая, приковав его взгляд, проявляясь, как в старину на фотографиях, постепенно, пока не приобрел законченные черты. Николай, онемев от ужаса, теперь наблюдал за представшим перед ним человеком.

Его черты не были отталкивающими. Но и приятными он их не назвал бы, однако. Хотя, возникший человек вполне смахивал на ангела. Только такого ангела, который очень много и напряженно, с усилием, думал. И потому, был слишком умен для ангела. У человека были проницательные, большие глаза,

которые смотрели прямо в душу потенциальному собеседнику. Большой, открытый лоб, на который не падала ни одна случайная прядка волос, зачесанных назад. Идеально гладкое лицо без малейших признаков недобритой щетины. И узкие, чуть насмешливые, губы. В целом его лицо, однако, ни в коей мере нельзя было бы назвать добрым.

Одет незнакомец был в идеально его облегающий голубой комбинезон с воротом, закрывающим полностью шею. Ни застежек, ни пуговиц, ни карманов, ни отделки — просто полностью облегающая тело, гладкая ткань. И, как угадывалось, чрезвычайно легкая.

То световое пятно, что поначалу имелось вокруг незнакомца, постепенно растаяло, и лишь над его головой оставалось теперь небольшое сияние; словно нимб. А за спиной маячила пара стандартных крыльев, дополняя образ.

Постепенно Николай более-менее успокаивался, непрерывно следя за мужчиной в углу. «Вряд ли он пришел меня убить», — подумалось ему. Но, тем не менее, холодок, прошедший по спине Николая в самом начале внезапного явления, так его и не покинул.

Незнакомец вдруг вкрадчиво прокашлялся, хотя вряд ли ангелов может беспокоить надсадный кашель. Прокашлялся он только прежде чем заговорить, так, для порядку. А потом промолвил:

— Не бойтесь меня, Николай Васильевич! Бояться вам надо ваших соплеменников. И только. А я… В некотором роде, к ним не отношусь.

— Кто вы? Инопланетянин? — с трудом обретая дар речи, пробормотал Коля и подумал, что его вопрос прозвучал до крайности нелепо. Уж такая мина скривила умное лицо его собеседника.

Ответа не последовало. Незнакомец промолчал, внимательно изучая лицо Николая.

— Что вы от меня хотите? — спросил тогда Николай, нарушая тягостное молчание.

— Я хочу с вами поговорить, — ответил незнакомец, теперь приобретая голос абсолютно другого тембра и звучания. Что-то в этом голосе было такое, ошеломляющее. Вроде бы, тем не менее, обычный голос. Ошеломляющим до дрожи в нем было лишь что-то на грани восприятия. Какие-то лишние ноты. И от того Николай вновь испытал внутреннюю дрожь.

— Итак, мы, которые, как вы догадались и сами, прибыли издалека, считаем должным уведомить вас, что нам желательно, чтобы ваша диссертация, над которой вы работаете столь

целеустремленно, всё же никогда не увидала свет. Так будет лучше для всех. Мы просчитали все последствия и вынуждены вас предупредить, — при этом, он посмотрел на Николая строго. — Вы всё поняли?

— Д-да, — заикаясь, ответил Николай.

— Займитесь другой темой исследования. Тем более, что вы ещё не представили ни одной научной статьи для ВАКа…

— Ну да… У меня большие проблемы. С оплатой, — пробормотал Николай, опустив глаза. Специально не упоминая и о проблемах других: прежде всего, связанных с нынешним телом.

— Скажите проще: нет денег, — ангел улыбнулся понимающей, кислой улыбкой.

— Откуда… Вы осведомлены о том, что написано в моей диссертации? Вы сами только что заметили, что… Не вышло еще ни одной моей научной статьи. Диссертация, вернее, только её часть, существует пока лишь в моей голове и на моем персональном компьютере.

— Очень просто. Вы работаете на компьютере, у вас подключен интернет… Остальное — дело техники. Нашей техники, — снисходя, пояснил незнакомец. — Мы легко читаем даже ваши ненаписанные книги и статьи, — ангел снова неприятно, натянуто улыбнулся. — Итак, помни: тебя предупредили. А потому, сделай надлежащие выводы. Имей при этом в виду: наши возможности безграничны.

— Это вы… Делаете всякие гадости с нами? Вмешиваетесь в нашу жизнь? Меняете нашу историю? Пасете нас, как скот? — угнетенно спросил Николай, поджав губы и судорожно сжимая кулаки. — И… Из-за темы моей диссертации вы… лишили меня даже моего тела? А значит, и моих друзей, спорта, любимой девушки? Это… Это подло…

— Слишком много у вас вопросов, — ангел лучезарно улыбнулся. — Но, абсолютно не по адресу. Мы не вмешиваемся в дела землян. Всё делают сами ваши соплеменники. У них… были другие мотивы. А мы лишь вовремя подставили вас под их внимание. И с вами полностью расправятся в случае непослушания… тоже они сами. Потому, не осложняйте и дальше себе жизнь. Не продолжайте ваш напрасный труд. Зачем? Из принципа? Не советуем вам публиковаться. В целях вашей же безопасности.

— Так… Всё же, вы вмешиваетесь в наши дела? Только, за кадром? Скажите уж прямо… Да или нет? Сейчас вы мне угрожаете, намекая на ваши безграничные возможности… Противоречите сами себе.

Ангел посмотрел на Николая, как на неразумное дитя.

— Здесь нет никакого противоречия. Да, мы не вмешиваемся в дела землян. Не творим насилия. Но, имея воистину безграничные возможности, мы и без непосредственного вмешательства легко изменяем ваш мир. Люди так предсказуемы… Почти все, — и он посмотрел на Николая так, будто глазами осуществлял попытку выявить вопрос о его съедобности или несъедобности.

А после, он подошел к онемевшему молодому человеку и протянул вперед свою тонкую руку с длинными, холеными пальцами.

— Мы надеемся на то, что вы сделаете правильный, осознанный выбор. И тогда никто — повторяю, никто! — не пострадает, — строго сказал незнакомец. — Я протягиваю вам руку, в знак сотрудничества и доверия.

И Николай, бледный и потерянный, почти не осознавая того, что он делает, пожал эту, протянутую ему, тонкую руку. Пожал, в накатившем внезапно на него благоговении. Немного, при этом, удивляясь тому, что его собственная ладонь не прошла сквозь эту, что казалась почти бесплотной в приглушенном свете. Однако, ладонь ангела оказалась вполне реальной, слегка прохладной, а ответное пожатие крепким. От пожатия, казалось, по телу прошел небольшой разряд тока.

Завершив это крепкое, холодное рукопожатие, поздний посетитель неожиданно пропал, оставив после себя небольшое облачко света, которое постепенно рассеялось.

Николай ещё некоторое время озирался по сторонам, а потом ощутил сильный озноб. Потому, он проковылял к дивану, забрался на него, уронив костыли на пол, и закутал больные, тонкие ноги теплым клетчатым пледом. Его трясло, как от холода; зубы стучали.

«Пойти на кухню, что ли, поставить чаю?» — подумал он рассеянно. Потом уставился на экран компьютера, что стоял напротив дивана. Там, вместо диссертации, уже появлялись, сменяя друг друга в хаотичном, заданном программой произвольном порядке, молодые девушки в купальниках, виды моря и гор.

«Мне… Жалко мою диссертацию. Я хочу её дописать. Просто затем, чтобы доказать себе, что я это могу. Что я не просто потребитель пищи и манекен для одежды. Что я… Разумное существо, в конце концов. Нет, не для денег или славы… Пишу… Просто — в пустоту и неизвестность. Можно сказать, для себя. Для человеческого в себе, — подумал он меланхолично. — И чего… Его так в ней могло напугать?»

* * *

— Выводы. Те самые, которые ты ещё не сделал. Впрочем, даже цель работы, прописанная уже на первой её странице, их пугает немного. Помнишь? «Цель данной научной работы — доказать необходимость исторического расследования знаковых событий. То есть, таких моментов, линия истории после которых могла, и непременно с легкостью, пойти по совершенно иному пути. Необходимо также выявить закономерности непосредственного влияния сторонних сил, почти незримое подталкивание ими направления исторического движения в сторону уклонения истории Земли от внетехногенного, исторически гуманного, прогресса». В будущем, что вполне вероятно, твой труд назовут «первым серьезным историческим расследованием на данную тему, проведенном на обширном материале». Ты, конечно, не первый, кто об этом задумался. Но, первый из тех, кто сможет обобщить исторический материал и сделать определенные выводы. Потенциал уже заметен», — Николай услышал эти слова внутри своей головы. И вполне отчетливо. Ответ проговорил ехидный, смешливый голос, вовсе не похожий на голос недавно отбывшего в неизвестном направлении незнакомца, увенчанного светящимся нимбом.

Николай осторожно скосил глаз направо. Рядом с диваном, на полу, сидело странное существо. Оно имело вид зеленой, мохнатой собаки с потешной, хитрой физиономией. Существо смотрело на Николая с любопытством и дружелюбно помахивало длинным, пушистым хвостом. Очень длинным и очень пушистым. Казалось, оно улыбалось. Хотя, зубов в пасти этой собачки было явно больше, чем у человека, располагались они в два ряда и были весьма острыми… Но это явно был не устрашающий оскал, а именно улыбка.

Как ни странно, Николай нисколько не испугался появления нового гостя. Этот визит не напугал его настолько, как предыдущее явление.

— Привет! А ты кто? — спросил Николай спокойно. — Только, не надо больше говорить со мной телепатически. Лучше реально беседуй.

— Это — не телепатия. Технологические примочки, — отозвалась зелёная собака. — А кто я или что я такое, не имеет особого значения. Только мой совет.

— Ну… Как-то я должен тебя называть.

— Хоть чупакаброй назови. Или, к примеру, плазмоидом. Называл тут один чудак из ваших меня плазмоидом. Эзотерики перечитал немного.

— Хорошо, Плазмоид… Так что, ты тоже будешь отговаривать меня от написания диссертации и научных статей? Скажи, а хоть фантастику-то мне писать можно?

— Конечно! Всё тебе писать можно. Да и вообще, я-то хочу сказать тебе совершенно противоположное тому, что сказал тебе предыдущий посетитель. Ты свободен совершенно в своих действиях, поступках и мыслях. Этот путь, что ты избрал — труден, и несёт множество терний. Но он — твой, и только твой. И он верен.

— Кто ты? И как тебе удалось… сюда проникнуть? Ты проходишь сквозь стены?

— Ха-ха, — засмеялась зелёная собака и почесала себя за большим, оттопыренным ухом задней лапой. — Хорошо, что ты не подумал, что я — твой глюк, плод воображения.

— У меня никогда не было галлюцинаций, — ответил Николай.

— Всё бывает в первый раз. Впрочем, ты прав. И я, и твой предыдущий посетитель — в какой-то степени, вполне реальны. И уж явно не плод твоего воображения. Ну, к примеру, настолько же реальны, насколько лица на экране телевизора. Мы — можно сказать, лишь хорошо и правильно наведенные проекции. Как телепередача. Плоды чуждого тебе разума и технологий.

— То есть, вы есть что-то типа голограммы? И… никого в действительности нет сейчас рядом со мной? И не было в случае первого явления сегодняшней ночи? Но я же не мог бы пройти сквозь него, как сквозь иллюзорный свет, и… я пожал его руку.

— Это всего лишь применение технологий. Хорошо воссоздано не только мнимое изображение, но и тактильные ощущения. Если тебя так интересует этот вопрос и чтобы отсечь возможные попытки твоего мозга объяснить это в будущем как галлюцинацию, хочу вкратце пояснить тебе суть процесса. В моём случае, ты сейчас наблюдаешь нечто вроде энергопередачи. Подпространственная связь. В действительности я нахожусь от тебя на значительном расстоянии. И выгляжу, конечно, иначе. Мы похожи на людей. Просто я выбрала такой образ для этого разговора. Чтоб не было официоза.

— Ты — вовсе не зелёная собака? — засмеялся Николай. — Но… реально существуешь, в ином пространстве? — он посмотрел в бездонные, черные глаза.

— Да. Тем не менее, если ты погладишь меня, как зелёную собаку, я почувствую это.

Почти неосознанно, машинально, Николай наклонился и погладил её, сидящую рядом с диваном. Шерсть была неожиданно мягкой и шелковистой.

Странное существо тут же благодарно заурчало.

— А… Тот, что явился в облике человека? Он — тоже ваш?

— Нет. Он имеет совсем другое происхождение. И в реальности нет ничего менее похожего на людей на вашей планете. Хотя, он здешний. Земной. Из числа тех, что живут с вами бок о бок тысячелетиями. Но вы их до сих пор ещё не обнаружили потому, что плохо изучили микромир и основы Вселенной. Эти сущности разумны, и многие ваши технические изобретения в действительности принадлежат им. А их проекции, изображения, с одной из которых ты общался, имеют совершенно другой принцип, чем наши. Существа микромира, разработанные технологией, чуждой нам, проникают внутрь вашего сознания и создают внутри вашего мозга образы, которые осознаются вами как живые и осязаемые. А на создание этих изображений им требуется ваша собственная внутренняя энергия, или же энергия, захваченная ими раньше у других людей. Наши же изображения, подобные тому, что ты сейчас видишь, существуют в том пространстве, на которое направлены. Будь сейчас кто ещё в этой комнате, он тоже увидел бы рядом с тобой зелёную собаку и слышал бы этот диалог. Хотя, как ты понял, я, тем не менее, лишь посылаю тебе это изображение.

— Вы — инопланетяне?

— Да. Можно и так сказать.

— И… Давно вы нас, землян, обнаружили?

— Раньше, чем вы осознали себя мыслящими существами, — зеленая собака, как ни странно, посмотрела на Николая серьёзно, и даже грустно. — Мы… в какой-то мере вас сотворили. Вы, как разумные индивиды, возникли не без нашего участия. Точнее, не без участия наших далеких предков. В эпоху первой нашей колонизации иных звёздных миров.

— Зачем вы произвели такой опыт?

— Это не было опытом. Нет, это была чистая случайность.

Николай задумался.

— А… Тех, других разумных сущностей, о которых мы не знаем ничего… Их тоже создали вы? Или привезли сюда с собой, при колонизации?

— Нет. Ни то, ни другое. Они старше вас, людей. Были и до вас. Они — то, что осталось здесь от ваших предшественников, после катаклизма. Ваши предшественники, что жили здесь в эпоху динозавров, заранее знали о столкновении Земли с иным небесным объектом. Их цивилизация здесь погибла, но многие из них улетели к далеким мирам. Здесь же, на Земле, никто из них не выжил, и ничего не осталось… К нашему прилету. Кроме их научных лабораторий, скрытых глубоко под землей, остатков

разрушенных городов, и… Тех сущностей микромира, что были ими созданы, потом мутировали, вышли за пределы подземных лабораторий, будучи вне человеческого контроля, и существуют теперь в нишах пространственного искривления. Там они обретаются, но часто выходят оттуда, чтобы вмешиваться в жизнь людей, в своих целях.

— Что им нужно от нас?

— Они питаются вашими эмоциями. И потому хотят, чтобы вы никогда не ушли от войн и раздоров, не стали на путь высших энергий и созидания и не преобразовались в космических, свободных существ. Можно сказать, что они пасут вас, как животных. И любят превращать ваш мир в большую бойню.

— Хм… Занятный план Вселенского разума… Создать таких тварей, — иронично хмыкнул Николай.

— История их создания для нас самих весьма туманна. Мы только знаем, что на твоей планете существовала предцивилизация. Ещё в эпоху ящеров. Да, те земные жители эволюционировали не только до трицератопсов и диплодоков… Были и, так сказать, ящеро-люди, что создали подземные города. Они, видимо, прятались там от монстров — животных, населяющих поверхность суши. И это была весьма технологическая цивилизация. Быть может, и катаклизмы здесь последовали вовсе не такие уж природные, и метеориты были вовсе не метеоритами. Но, что несомненно — так это то, что ваши предшественники весьма преуспели в нанотехнологиях.

Похоже, что поначалу создаваемые ими вирусы, микроприборы и микроорганизмы разрабатывались для проникновения в человека, чтобы излечивать его. Знаешь, как действует лечение пиявками? Они отсасывают из организма вредные вещества, присасываясь именно к больным местам: там температура тела выше, и там им вкуснее. Так действовали и «нано-докторы», вполне разумные микросущества. Они, условно говоря, «питались» болью и тем восстанавливали организм гуманоида. Но, эти существа были разумны; и этот разум был абсолютно чужд той цивилизации. Эти существа микромира придумали способы своего размножения и распространения. Они объединялись в сложные структуры. Нано-доктора, в результате, после катастрофы на планете лишились пищи в лице больных гуманоидов, поскольку те все погибли или улетели отсюда. И тогда, впоследствии, они нашли новый её источник. Они принудили высших приматов испытывать гнев, раздражение, заставили их быть склонными к убийствам. А в дальнейшем, они всячески тормозили гуманное развитие твоего человечества. Лишь для того, чтобы у них постоянно была пища. Им стали

нужны деградировавшие люди. Потому что «вкуснее» всего для них оказались психические заболевания. В особенности, массовые. Они дают много неконтролируемой энергии, которую они используют. Этот микромир не хотел бы полностью вас уничтожить. Но, даже при вашей гибели, они выживут: им не надо ни комфортной температуры, ни кислорода для выживания. Однако, им очень удобно питаться вами. Ведь иначе придется искать другой вид потребляемой энергии, а это трудно и сложно.

В случае нашего видимого вмешательства в дела вашей планеты, они вас уничтожат: такой нам предъявили ультиматум. Они врут, что сами ничего с вами не делают, не вмешиваются в ваши дела и лишь наблюдают и пользуются теми энергетическими утечками, что происходят в вашем мире без их влияния на процессы. Уличить их во лжи будет трудно. Потому мы, скорее всего, будем вмешиваться лишь тайно.

— А какой вам интерес наблюдать и вмешиваться?

— Мы… В какой-то степени в ответе за вас перед другими разумными мирами. Вы — наши создания. Ваше горе влияет на многих из нас. И мы никогда не снимем с себя ответственности за то, что здесь, на вашей планете, совершили ошибку.

— Какую?

— Я сейчас, скоро, уйду. Передача внезапно прервется. А мне нужно донести до тебя ещё и другую информацию. Потому, я просто оставлю тебе это, — и зеленая собака протянула Николаю светящийся шарик, внезапно возникший на её протянутой лапе. — Сожми его, и… Сразу заснешь. Сейчас уже так поздно, что совсем… скоро уже и утро. А тебе завтра предстоит сложный день. Спи, и… Смотри сон, как фильм. Из нашего хранилища памяти. Он даст ответы на некоторые твои вопросы. А напоследок, скажу тебе нечто важное: тебе нужно будет спасти одного хорошего человека. Ты, поскольку сам дошел до теории о ключевых точках истории, можешь понять, почему это нужно будет сделать в особый момент… А именно, в эти выходные. Ты сам об этом вспомнишь и всё поймешь. Я программирую событие: ты тогда вновь сожмешь в руке вот этот шар… И действуй немедленно. Это может многое изменить в истории твоей страны. Хотя, с точки зрения логики, это совершенно необъяснимо.

— Вы выбрали именно меня для этого поручения лишь потому, что я… Выдумал мою теорию?

— Не только поэтому… У тебя хорошая физическая форма, ты — йог и спортсмен. Что тоже немаловажно, — зеленая собака хихикнула весело.

— Вы… Издеваетесь? Я же… инвалид.

— К тому времени, о котором мы говорим, ты, вне сомнений,

обретешь вновь свое тело. Если только не будешь размазней. Тебе в этом помогут. И… Ты снова найдешь наш шар, и непременно захочешь выполнить поручение.

— А сами вы, полагаю, не замараетесь?

— Я же уже намекала, что мы сами вмешиваться не можем, пока не можем. Потому что…

Неожиданно она пропала. Посередине произносимой фразы. После этого, Николаю только и осталось, что покрепче зажать в руке теплый, светящийся шарик и погрузиться в странный, искусственный сон.

* * *

Высокая девушка стояла на берегу моря, среди буйной растительности первозданного мира, на песчаной полосе берега. Стройная, и почти бесплотная. Волны прибоя омывали её ноги. Девушка только что вышла из морской пены, и теперь выжимала длинные волосы.

Её друг подошел к ней по горячему песку. Такой же высокий, стройный.

— Моя богиня, — шептали его губы. — Дорогая, единственная, — он бормотал что-то бессвязное, толком не осознавая эти, почти бессмысленные, слова. Вглядывался в лучезарные глаза, ловил легкую улыбку. Будто подхваченная ветром, она побежала навстречу солнцу, весело смеясь.

Ей начинала нравиться эта планета.

И они оба были слегка безумны от свежего, опьяняющего ветра, избытка солнечных лучей, ласковых волн, в которые хотелось вновь и вновь погружаться до бесконечности. После долгого перелета это всё казалось блаженством, посланным высшими силами.

Перелет осознавался именно так: долгим, бесконечным, томительным, безысходным… Погружением в бездну. Несмотря на то, что он, согласно расчетам ученых, был практически мгновенным. Неясно, почему за это мгновение человеческое сознание оказалось способным пережить столь многое; пересмотреть вновь свою жизнь, и даже образы предшествующей, генетической, памяти, а также погрузиться в видения безграничного Космоса… Да, ещё один парадокс, требующий своего объяснения. Парадокс, вызывающий трепет.

Они были безумны и счастливы в этот день, как только что спасенные из глубокой бездны. Впрочем, это была лишь бездна собственного, единичного, сознания. Которое зависало лишь на

миг в беззвёздном, неисследованном никем, пространстве между мирами.

Никто из них, из Звёздных Братьев, в ряды которых они недавно вступили, не проходил ещё Врата Вечности. Они, как и другие избранники, что последовали в иные удаленные миры, являлись первопроходцами.

Здесь, теперь, они позволили себе отдых, во время которого ощущали небывалую радость бытия. И здесь, на планете, по которой не ступала ещё нога ни одного представителя их расы, они чувствовали безмерный покой отдохновения и до странности небывалое ощущение… Да, они осознавали себя богами, ступающими по неизведанным мирам…

* * *

После предстояла ежедневная работа, связанная с изучением планеты. Разворачивались и самообустраивались лаборатории. Запустились генераторы энергии. Развивались программы посева и укоренения зерновых и овощных культур, деревьев и красивых цветов, что должны были распространиться здесь, по всем материкам.

Сидя за экраном, Хальронд просматривал полученную приборами информацию. Ряды цифр, схемы, чертежи, сравнительные таблицы следовали по экрану. Он теперь просматривал также изображения уже культивированных в открытом грунте новых видов растений, созданных в результате генных мутаций и приспособленных к местным условиям. При их ускоренном развитии, многие из них уже дали первые плоды.

Саженцы и семена потом массово распылялись с воздуха; они выстреливались специальными парашютиками с прикрепленными капсулами. Для каждого вида почв и других условий теперь были выбраны те растения, что непременно приживутся в каждом из видов местности. Эта планета имела прекрасный климат и вскоре должна была превратиться в великолепный сад.

Действительно, примерно треть из фонда растительных культур, отобранных для этой цели на различных планетах, прошли акклиматизацию в местных условиях и удачно прижились. Это были отличные показатели. Более чем достаточные для того, чтобы колонисты, что пребудут вскоре вслед за ними и высадятся здесь, нашли всё необходимое для существования.

Планета М-49, третья в системе звезды — желтого карлика, и открытая сто пятнадцать стандартных лет тому назад, как заранее

было известно, имела подходящую для жизни атмосферу и температуру. Поверхностное сканирование её приборами с дальнего расстояния, конечно, не могло сообщить ничего кроме этого.

Уже здесь, на месте, они обнаружили, что, согласно показателям приборов, планета, названная ими Гея, пережила несколько космических катастроф в прошлом, последняя из которых уничтожила большую часть имеющейся на поверхности органической жизни, и осталась лишь малая толика бывшего пышного богатства. И всё же, на планете имелась органическая жизнь, о степени примитивности или разумности которой только предстояло вынести заключение, исследовав полностью все жизненные формы. Если здесь уже имелись разумные существа, способные в дальнейшем создать цивилизацию — то с планеты, согласно закону, в дальнейшем следовало бы уйти, не развертывая программу колонизации и ограничиваясь исследованиями. Но, как им сразу стало известно при получении данных сканирования, разумных гуманоидов пока на планете не существовало. Наиболее развитыми в плане разума являлись здесь морские млекопитающие, а также наземные существа, относящиеся к средних размеров приматам. Последние населяли леса одного из континентов.

Хальронд и Айна, как только обустроились в центральной лаборатории, разделили между собой сферы дальнейшего научного исследования. После первых выводов и посева основных культур, Хальронд постепенно, изо дня в день, сканировал планету, изучая её тонкие эфирные слои и надеясь считать ментальную информацию о её прошлом. Айна же исследовала особенности органической жизни.

* * *

Приборы сделали запись одного их утреннего разговора.

— Что ты обнаружила? — спросил Хальронд. — Ты исследовала местных приматов? Способны ли они к развитию в дальнейшем, к созданию разумной расы на этой планете?

— Трудно делать выводы так, сразу, — ответила Айна. — Требуются дальнейшие наблюдения. Знаешь ли, увидев эту голубую планету, когда мы облетали её вокруг, я, прежде всего, подумала, что жизнь на ней зародилась достаточно давно. Мне вдруг показалось, что здесь уже непременно должна была бы существовать цивилизация. Причем, развитая. Но её нет… Так и казалось, что нам предстоит лишь установить маячки — и

покинуть планету. А потом прилетят наши, уполномоченные установить контакт. Но… Мы обнаружили здесь лишь животных, и дали добро на колонизацию.

При этих словах Айна умолкла, и продолжила потом более грустно и тихо:

— Мне кажется, что животный мир этой планеты обладает странной закономерностью, с какой мы никогда, нигде в известном нам космосе, не встречались.

— Какой? — спросил Хальронд со странной интонацией, почти с тревогой.

— Лишь самые развитые водные животные здесь миролюбивы и дружелюбны. Они легко приходят на помощь. Но, самая развитая, в плане разума, наземная жизнь — наиболее здесь агрессивна. Ну, конечно, есть здесь хищники, похожие на наших домашних шершаров, только крупные, с острыми большими клыками, когтями. Но это — не то. Да, они убивают другие живые существа, чтобы съесть их мясо. Но, они всё равно как-то по дикому благородны и великолепны. В целом, они полезны; поедают, в результате, больных и слабых. Но, увы, дикие стада человекообразных приматов вызывают у меня отвращение. А они — самые умные на суше существа… Но они агрессивны, хитры и злопамятны. Они собираются в стада, дразнят друг друга, и объединяются лишь затем, чтобы затеять свару. Мне страшно смотреть на то, как они раздирают друг друга своими длинными, острыми зубами и когтями. Они… Уничтожат этот мир, если когда-либо достигнут разума, — и по лицу Айны внезапно потекли слёзы.

— Знаешь, Айна… Несколько тысяч лет тому назад, когда, как ты уже знаешь, большая часть фауны и флоры этой планеты погибла, здесь случались страшная катастрофа. Всё говорит об этом: огромные воронки кратеров, исследование воздуха, пробы почвы… А до тех пор, на планете обитали существа, похожие на мифических драконов. Похожих наши ученые исследовали на Цесте. А также, здесь обитали огромные чудовищные птицы со странным, разноцветным оперением. В этом первозданном мире обитали и разумные существа, им приходилось скрываться в подземных пещерах. Это были маленькие человечки с большими черными глазами, с крупными круглыми головами. Они были дальними родственниками ящеров — если можно так выразиться. Поскольку поверхность населяли огромные, страшные существа, то здешнему человечеству приходилось усваивать жесткие приемы выживания. Они быстро стали хорошими охотниками, изобрели оружие и постигли тайны ядовитых растений и яда змей. Выходили они на поверхность для убийства и сбора диких

растений; они приручили многих ящеров и использовали их, как домашних животных. На некоторых даже летали.

Эти гуманоиды успели создать техногенную цивилизацию, достигли выдающихся успехов в синтезе новых веществ, в создании приборов и всего необходимого. Тем не менее, чаяния этой цивилизации всегда были устремлены лишь на выживание; она была алчной и безрадостной. Хотя, они изучали звезды и построили космические корабли; быть может, даже создали энергоемкие производства. Создали они и управляемые ими неорганические, энергетические структуры… Эти структуры, фантомы, служили им. А самых больших успехов они добились в области медицины. Они производили сложнейшие операции; но, по всей видимости, не испытывали никакого укола совести, когда спасали одного человека ценой гибели… других людей. Пересадка сердца, переливание крови, — и, кажется, вещи гораздо более сложные, Айна. Сложные и страшные. А еще, они создали микросущества, условно говоря, искусственные вирусы, которые помогали им справляться с болезнями или исследовать организм на микроуровне. Не только исследования Космоса занимали их: микромир, нанотехнологии также были им доступны.

И, когда наступила вечная ночь этой планеты и цивилизации, многие плоды этой странной технологии здесь выжили. А в дальнейшем те микросущества, о которых я говорил, размножились и открыли секреты подпространства, развертывания малых пространств, иных измерений. Там они и обретаются, сопряженные с этим миром и завоевывая планету. Созданные прежними обитателями неорганические структуры, сгустки энергии, тоже продолжают здесь существовать, и они настолько хитры, что обнаружили существ микромира и вступили с ними в союз. И, благодаря этим микросуществам, своего рода вирусам, они воздействуют на мозг биологических существ. Таким образом, чтобы те вырабатывали нужные им эманации. Они контролируют мозг высших приматов, делают его больным. И, конечно, тормозят развитие духа населяющих планету человекообразных существ, искусственно задерживая их на стадии животного состояния, культивируют их агрессивные наклонности. Быть может, без этого влияния аборигены получили бы уже разум, но их развитие заторможено.

— Как страшно… Осколки прежнего мира, увечные, чуждые и страшные теперь, настолько имеют здесь власть и силу… А мы сами не можем быть подвергнуты влиянию этих разумных микроприборов или же искусственных энергоструктур?

— Нет, конечно. Наш разум как бы сжигает чуждые энергии и

эманации. Внутренний свет, установка на добро, любовь, связь, единение с нашей общей ноосферой, — дают нам силу. Мы не одни, даже будучи вдали от подобных нам. Мы — носители нашей культуры.

Айна задумалась.

— Так ты уверен, что это они воздействуют на местные племена, делая их агрессивными и безумными?

— Да. Именно они сеют вражду между племенами. Им выгодно, чтобы отдельные индивиды всегда осознавали оторванность друг от друга, никогда не испытывая единения. Чтобы они проявляли эгоизм и были разделены, а потому — управляемы. Чтобы они не могли создать общее между собой энергетическое и ментальное поле, способного хоть на время резонансно усилить интеллект и потому уничтожить внутри мозга инородные образования, вместе с негуманными мыслями и чужим влиянием. Их влиянием.

— Как это страшно, — повторилась Айна. — И мы… ничего не можем для них сделать? Для потенциальных людей этого мира?

— Пока — нет. Трудно придумать что-либо. Те, другие сущности, древнее даже нас. Их сознание очень чуждо нам. Холодное, древнее и жестокое.

— Мы приостановим программу заселения планеты, прилета наших колонистов?

— Нет. Но, если здесь возникнут первые цивилизации местных гуманоидов, когда-нибудь, в будущем, то мы их покинем. Чтобы они могли выбрать собственный путь развития.

* * *

Некоторое время спустя, Айна нашла в лесу детеныша животного, названного ею Хануманом. Он был избит и ранен, истекал кровью. Бедное, измученное существо, похоже, было изгнано из стаи и пряталось, и вскоре погибло бы. В его глазах, смотрящих прямо в душу Айне, была такая тоска и боль, что её сердце не могло не отозваться. Она взяла детеныша животного на руки, и укачивая, как младенца, понесла в лабораторию.

Медаппараты с легкостью залечили раны этого маленького существа. Но, всё равно, он был грустен, лежал на кушетке в медлабе, отвернувшись к стенке и отказывался принимать любую пищу, что предлагала ему Айна. Лабораторная кушетка самоочищалась от испражнений, а пища вводилась внутривенно. Показатели жизнедеятельности были почти в норме, но,

непонятно почему, существо грустило.

* * *

Хальронд стоял посреди огромного зала, внутри луча, потока тепла и света. Сегодня был день его контакта с родной планетой, и он купался в потоке тепла, добра, осознания. Считывал послания любимых, далеких сейчас, людей, получал общую информацию, новости, а главное — чувствовал окрыляющее соединение с миром чистого поля разума и ментальной силы, с ноосферой их родной планеты — планеты существ, уже почти бестелесных, настолько лёгких, почти из чистой энергии, невесомых, в сравнении с их теперешней осязательной тревожностью первозданного, вещественного хаоса.

Сообщалось, что скоро пребудут первые колонисты. Те добровольцы, что решили направиться в этот мир, получив о нем первичные сведения. А завершалось послание с родины неземным, просто божественным пением и музыкой. Хальронд, закрыв глаза, не чувствовал ни тела, ни реальности, пребывая сейчас внутри божественной гармонии, озаренный вдохновением.

Внезапно он почувствовал легкое касание. Что-то пушистое и теплое потерлось о его ногу. Хальронд открыл глаза, и посмотрел вниз.

Детеныш лесного животного смотрел на него с немым вопросом, пребывая внутри потока послания, предназначенного Хальронду.

— Откуда ты здесь, малыш? — спросил Хальронд, беря зверька на руки. Он улыбнулся малышу и погладил его по головке, покрытой лёгкой шерстью.

Неожиданно, детеныш животного посмотрел на Хальронда вполне осмысленным взглядом и пробормотал, тыкая пальцем себе в грудь:

— Я - о-безь-я-на… Человек леса. А ты, — и он показал на Хальронда, — Де-ми-ург. Человек неба. Я — Ха-ну-ман. Это — имя.

— Ты… Ты говоришь? — изумился Хальронд.

* * *

Через несколько дней, они снова стояли на берегу моря. Айна и Хальронд. К боку Айны прижался Хануман, тихонечко посапывая.

— Я не хотела этого, — тихо проговорила Айна.

— Почему ты не сказала мне, что… Завела себе домашнего любимца? — спросил Хальронд. — Он попал под луч Послания, под Поток, под излучение, которое безвредно для нас, но неизвестно как скажется на нем. И под воздействие Ноосферы нашей планеты. Собственная сфера разума на этой планете отсутствует. И не знаю, будет ли когда-либо здесь создана общепланетная сфера разума. Если мы улетим, то это, возможно, разобьет его сердце. Он… почувствовал наш мир, ощутил его своей родиной. Ему будет горько здесь, и его потомки станут несчастными. Они будут искать то, чего нет ещё в этом мире.

— Я не хотела… Он не вставал с койки, хотя я вылечила его. Я не закрывала нигде двери, будто мы одни здесь с тобой. Я не думала, что он встанет, да ещё и отправится в Центральный зал, и войдет туда, еще и во время Послания.

— Мы в ответе теперь за то, что приручили малыша. Он… объединился теперь с нашим разумом, достиг немыслимого раньше понимания… И что нам делать с этим? — спросил Хальронд.

— Я… Не знаю. Он обрел речь. И осознаёт мир. Мыслит. Это… Может передаться по наследству, перейти и к детям Ханумана?

— Да. Я проверил. Информация Потока достигла генного уровня.

— Его изменило всего лишь наше излучение?

— Да. «Всего лишь»… Этого хватило, чтобы изменить часть структуры генома. Какая шутка природы! Случайность оказалось роковой. Благодаря этой малой толике, его потомки обретут возможность развиться в существа, подобные нам, и всего лишь через три — четыре поколения новые качества закрепятся… Они станут разумными. Да, мы изменили этот мир. Можно сказать, мы теперь — боги этого мира, — Хальронд усмехнулся иронично.

— Жизнь бесценна. Разум бесценен. Мы теперь не можем не дать ему возможности развиваться или плодиться. И мы… теперь в ответе за то, что будет с его потомками. И за это существо, что учится у нас и получает знания, изменяясь, даже внешне, с каждым днем. И наши дети будут в ответе за детей Ханумана. Мы связаны теперь судьбами.

— Да, это так. И мне искренне жаль.

— Быть может, нам удастся изолировать их от остальной планеты? Создать мир, где не будет войны, раздора, зла? Или — мы создадим остров, населенный лишь потомками Ханумана? Будем их оберегать.

— Не знаю. Мы попытаемся…Но, надолго ли будет всё это?

Мне кажется, что всё не так просто. И, возможно, что мы — в начале трагедии, что продлится века, а может, и тысячелетия.

* * *

Следующая картина сна представляла собой местность с отстроенным городом. Инопланетники создали его из местных материалов, и среди зданий, предназначенных для жилья, были удобные и вместительные базы — хранилища без окон, с устойчивой конструкцией, созданные из природного камня. На улицах города можно было увидать и высокие, стройные фигуры инопланетников, и жителей поменьше ростом, примерно им по плечи. Местные уже вовсе не походили на обезьян; всего за несколько поколений они из разновидности гоминидов преобразовались в явно оформленных людей; и лишь некоторые из них, обнаженных сверху до пояса, были покрыты на груди густыми черными волосами.

Инопланетники — колонисты научили древних людей строительству домов, гончарному искусству, ткачеству, пошиву одежды, сельскому хозяйству и многому другому.

Сейчас к светловолосой девушке, что стояла на берегу моря, в отдалении от города, подошла другая инопланетянка. Огненно-рыжая, она была чуть выше и старше. Сложная, замысловатая прическа с заколками-украшениями обрамляла её пышные волосы.

— Нам надо сегодня же покинуть эту базу, город… Мы уходим на дальние острова в океане, ты уже знаешь. А быть может, вскоре и вовсе на нашу орбитальную станцию.

— Сегодня, уже? И… мы бросим их? Но, среди них много талантливых музыкантов, ученых… Они несут нашу культуру, наш язык. Среди них уже есть такие, что почти не уступают нам ни умом, ни чувствами.

— Но… Ты же знаешь принципы Союза Миров… Главным показателем цивилизации являются не её интеллектуальные способности, ни даже яркие проявления искусства…

— Да. Я знаю. Главное, определяющее качество любой развитой цивилизации — это способность органично сосуществовать как с представителями своей собственной расы, так и с иными формами жизни, нанося последним наименьший урон, а в идеале — заботясь о них… Только такие цивилизации и миры принимаются в Единый Галактический Союз. Но… здесь еще об этом говорить рано. Их история в самом начале…

— В самом начале. И… Быть может, там она и застрянет…

— Почему?

— Ты же знаешь, что те, «древние» — биологические нанороботы, микросущества — уже вошли в кровь местных жителей, действуют на них, изобрели новый, эффективный способ внедрения в их мозг, изменения его, вплоть до доведения местных до сумасшествия. И мы пока не знаем методов борьбы с этой заразой. Так вот, стало известно о заговоре некоторых местных, подталкиваемых древними, против нас. Они попытаются нас всех истребить. Чтобы, как они полагают, самим «стать богами», занять наше место и завладеть нашими богатствами и нашим имуществом. Они уже спят и видят, как порабощают нас, как заставляют нас испытывать горе, унижение, стыд, издевки и все ужасы физической расправы, в извращенной форме.

— Зачем?

— По их мнению, в этом проявляется власть и сила. В истреблении и унижениях других. Они мечтают согнуть, надломить нас, чтобы получить в собственных глазах более высокий статус.

— Какая изломанная психика!

— Да. У них… поломана душа.

— А те, древние — они могут сделать это и… С потомками Ханумана? То есть, всеми теми, кто непосредственно принял наш Поток, закрепил его в своем сердце?

— Трудно сказать что-то определенное. Они, конечно, подвержены меньше местному кошмару. Наши биологи полагают, что у них будет большая способность сражаться и сопротивляться стороннему внедрению в их душу. Они всё же сильнее остальных местных. И, во всяком случае, смогут хотя бы почувствовать нечто инородное внутри своего мозга, понять чуждость идей, испытать тревогу и желание сопротивляться. Возможно, в дальнейшем они даже будут изобретать психотехники, чем увеличат свою сопротивляемость чуждому влиянию. Тренировки мозга, которые они выработают, возможно, будут действенны и для остальных землян. И, даже возможно, что мы будем осуществлять помощь им в этом, на расстоянии. Направлять очищающие разум лучи.

— А сейчас, ты говоришь, мы уходим… В общем-то, даже убегаем… Сейчас мы ничем не поможем им, тем землянам, кто не подвластен воле их незримого врага?

— Да. Мы вынуждены отступать. На расстоянии, связавшись с ними, мы окажем больше пользы. Ты же знаешь о волновой теории… Живя на отдаленных островах, мы дольше продержимся на этой планете. И, быть может, успеем заложить больше духовных знаний, сведений о мире. Их великие прочтут и откроют вновь то, что будет здесь заложено нами. Прочтут наши

послания, благодаря вдохновению. Несомненно, что так мы успеем больше…

Вдали послышались крики борьбы, потасовки.

— Бежим, — сказала старшая. — Ближайший наш корабль здесь, на пристани, неподалеку.

— Они… Уже сражаются с нашими? И наши… применят лучевое оружие?

— Нет. Местные сражаются между собой. Одни из них встали на нашу защиту. А почти все наши уже на кораблях. Остались немногие. Они, как и мы с тобой, вскоре доберутся до кораблей или птерокаров. Нас не станут преследовать: мы оставили фантомы вместо себя, в центре города. Те, что… изображают нас. И они будут считать, до некоторых пор, что имеют заложников и славно развлекутся.

* * *

Уже с одного из кораблей, инопланетянка со светлыми волосами наблюдала на экране полыхающий город… Она знала, что, по мнению землян, все они — их бывшие друзья, даже боги, но внезапно ставшие врагами, — сгорели там, сгрудившись в храмах науки, музеях, библиотеках, погибли вместе с ними… По мнению земных вожаков, их собственная сила и удаль взяла верх над богами, и они победили. А теперь они разграбят то, что осталось в наследство. И покончат со сторонниками богов, будут их насиловать и грабить их дома. Будет пир и общее веселье.

А назавтра, когда не станет запасов еды и одежды, что сгорят в пожарах, которые перекинутся на весь город, они пойдут искать способ, как открыть большие хранилища иноземцев, стоящие особняком. Добывать сокровища этих недоумков, что учили их своей дурацкой культуре, добру и милосердию — никчемным забавам сытых львов. Они отправятся владеть их истинными сокровищами: не духа, а материи. Вот что имеет незыблемую цену!

Но хранилища странным образом окажутся пусты… Это будут огромные, ничем не заполненные строения, где больше нет ни сложных приборов, ни странных зеркал, показывающих чудеса, ни бесконечных запасов провианта, лекарств и прочего… Да, там не будет ничего. Даже поджечь, испытывая ярость, будет там нечего. Даже разрушить эти строения без окон будет невозможно. Разве что, сбросить туда трупы, сжечь мертвые тела слуг этих врагов, чтобы осквернить память о них… Чтобы трупный запах говорил об их ничтожестве…

А потом, какой-нибудь поздний археолог посвятит жизнь изучению этих старых развалин, древних строений неизвестного культового назначения… И вряд ли он докопается до истины.

* * *

Корабли инопланетников рассекали небольшие волны безбрежного, спокойного океана. Была уже глубокая ночь. Силуэт светловолосой девушки был отчетливо прорисован на палубе, освещенной огнями иллюминации.

Над кораблем, высоко в небе, горели звезды. Несколько небольших звёзд были явно искусственного происхождения… Орбитальные станции.

Девушка посмотрела на них и тихо произнесла:

— Да, рано или поздно, мы все уйдем туда, к этим маленьким звездочкам. Этот мир по-своему великолепен, но слишком уж страшен и скорбен…

В этот миг, она услышала сзади тихие шаги, и обернулась. Фигура её учителя, коренастая, плотная и сильная, нечетко вырисовывалась в приглушенных огнях ночной палубы. Он стал с нею рядом, посмотрел пронзительно ей в глаза и проговорил:

— Да, мы ушли в море. Потом — уйдем и на орбиту. А когда-нибудь, улетим и в иные пространства. Это неизбежно. Здешним людям самим предназначено определить свою судьбу. Рост их цивилизации будет трудным и долгим. Он продлится гораздо дольше, чем обычно. Им суждено будет то подниматься к вершинам, то вновь падать в пропасть безвременья. Но, быть может, через тысячи веков… Они всё же достигнут совершенства.

Глава 6. Битва

Когда он проснулся, было около трех дня… Но, в конце концов, спал он не так уж много, учитывая то, что заснул уже под утро. А проснулся он от того, что в дверь позвонили. Он резко дернулся, и шарик выпал из его рук и куда-то закатился.

Он присел на кровати. Не показалось? Кто мог к нему прийти?

Звонок, требовательный, звонкий, раздался вновь. И сон сразу же вылетел у Николая из головы.

Он поднял костыли, дотянувшись до них, и вскоре пошел открывать. «Да кто же это?» — подумал Николай.

На пороге стояла Мария.

— Ты… Ты можешь вновь стать собой, — пролепетала она прямо с порога, протискиваясь в комнату. Бледная, Мария почти заикалась, и руки её тряслись, когда она захлопывала дверь.

А он… Он не мог оторвать взгляда от её лица.

— Это… Это не важно. Правда. Ерунда какая, — пробормотал Николай, не сводя с неё глаз. — Главное, ты… Ты со мной. Здесь. Сейчас…

Мария расплакалась.

Они по-прежнему стояли в коридоре, у двери. И Николай, прислонившись к стене спиной, отстранив один из костылей, стирал слезы с её лица… Казалось, что он светился счастьем, и внутренний свет исходил из его глаз.

— Мария… Машенька, — проговорил он. — Тело… Всё это не главное, Машенька… Будучи инвалидом, превозмогая боль… Я всё равно понял это. И даже, если я буду таким… Я уже привык к этому телу. И ты… ведь будешь меня любить, да? А еще, у меня есть важное дело. Здесь, на земле. Главное дело моей жизни. Кем бы я ни был, я его не брошу. И… буду любить тебя, — и он улыбнулся ей.

— Но, в конце концов, ты не можешь оставаться всегда в этом теле. Это тело Владика. Если… Он не получит его обратно, то… Навсегда будет заключен в черной коробке. Это — ужасно, — сбивчиво, с частыми всхлипами, произнесла Маша.

— Так… вот как обстоят дела? — переспросил Николай. — Ну, тогда… мы рискнем. Тогда… Пойдем, и как можно быстрее. Ты же явилась за мной? Надо что-то делать, и срочно, да? Бедный Владик… Надо его спасать. И… похоже, что Отшельник был прав. Провидец…

— Кто? — удивилась Маша.

— Не важно. Впрочем, ты помнишь нашу мимолетную

встречу в Казанском Соборе?

— Да. Я всё помню, Коля.

— Там был старец. И я говорил с ним. Когда мы ушли оттуда вместе.

— Расскажешь потом, всё-всё… А сейчас… Нам надо спешить, Коля. В Молодежный Центр… Скоро туда пребудет тот, кто… Занял твое тело. И, быть может, что нашим удастся совершить обратный обмен. Если они раздобыли сегодня тот прибор, который собирались раздобыть… Стоит попытаться: И Фрэд, интел, и наши считают, что может получиться…

— Пошли.

* * *

Он стоял перед дверью кабинета и трясся от страха. Он, кто был приближенным Царя, можно сказать, его правой рукой, и кому беспрекословно подчинялись люди; кто был во власти пытать, убивать и мучить… Ферзь уже встречался с этим Вельзевулом. Потому он и трясся.

Сейчас к Вельзевулу послал его Царь, на переговоры. Ему давно было известно, что этот Вельзевул — адепт черной магии, колдун высших посвящений.

В нашем, образованном, веке — магия? Черные мессы? Служение сатане и посвященные ему обряды? Да. А почему бы и нет? Странные ходили слухи обо всём этом среди братков.

В ранней молодости Ферзь, возможно, и не поверил бы в то, что всё это имеет место, и не только в фантазиях и воображении рассказчиков. Но с тех пор он повидал много такого, от чего его волосы вставали дыбом. И, будучи ещё молодым человеком, он прошел через страшные пытки, казематы, испытал страшные издевательства, глумление над собой и насилие.

Он не сломался. Пока… Не встретился с Вельзевулом. И тогда он, наконец, сломался. И согласился на всё. Стал послушной игрушкой в руках политических кукловодов. И делал всё, что они от него требовали. Он даже согласился добровольно на изменение лица и тела, которым придали черты известного политика, место которого он и занял, слушаясь полностью своих теперешних хозяев и делая от имени этого политика всё, что было им нужно. Даже отстраненный впоследствии из высокой политической игры, он всё равно постоянно играл подонка, корчил из себя подонка — и, в конце концов, стал подонком. Всё это… в обмен на то, чтобы они сохранили ему жизнь.

И… жизнь его сына. Которого поместили в колонию для

малолетних преступников… Да, он был… годовалым малолетним преступником, его сын. Сыном политического… Он был обречен жить без имени, без родни. Только под номером. И его будущее состояло в воспитании в особом интернате, созданном для подготовки особистов, как называли таких людей, которые всецело, с ног до головы, становились рабами преступных группировок и работали на них. Это был единственный путь, ожидавший его сына, и у него с рождения никогда не было ни малейшего выбора. В ином случае, его и вовсе ждала мучительная смерть.

Да, когда-то Ферзь был даже не просто безвинным человеком, а являлся, кроме того, лидером политического движения, боровшегося за политические права, человеком без страха и упрека, честным и принципиальным. Он был… Иваном Борисовым. Так его звали тогда… До изменения.

Но, любому человеку можно не только выкрутить пальцы, резать ножом его кожу… Ему можно также вывихнуть мозги. Даже это не сложно при замечательных технических приспособлениях. Трудно ли сломать любого? Сделать из человека… нечто совсем иное? Да, у них… Были специалисты этого дела.

Так он и стал… Ферзем.

А уж Ферзь извернулся ужом, врос в команду себе подобных, растворился в ней. Впоследствии он даже достал и тихо прикончил всех своих непосредственных мучителей, в тайных ночных разборках. Ему не только было приятно отомстить; ещё он не хотел, чтобы оставались люди, знающие о том, кем он был когда-то, на самом деле, реально. И чтобы никто не знал ничего о его сыне.

Он прикончил их почти всех. Всех, кроме Вельзевула, к которому его, как Ивана Борисова, пару раз приводили на допрос. Впрочем, Вельзевул не мог запомнить всех тех, кто прошел сквозь его руки. Все свои жертвы. Документации здесь не заводили принципиально: чтобы концы в воду.

В конце концов, бывший Борисов, а теперь Ферзь, примкнул к Царю и вместе с ним держал в страхе целый район. Он теперь имел огромные деньги за рубежом, и ни в чем себе не отказывал. И даже… нашел своего сына и распорядился о том, чтобы паренька прислали именно к Царю. И он имел с тех пор возможность часто видеть его, хотя не мог никому даже намеком проговориться о том, что это его сын. Его родственную связь, как он считал, теперь не должен отследить никто; а внешне, после пластической хирургии, они с сыном были совершенно не похожи.

Он теперь часто мог управлять даже своим непосредственным

шефом, нажимая на его слабые места, легко манипулируя им. За это его и прозвали Ферзем. И власть его была теперь огромной.

Но, и над ним, и над Царем была власть более сильного человека. Их властителя звали Вельзевул, и он держал в плену сознания нескольких сотен таких царьков, как он сам и его начальник. Поскольку в их головы были вмонтированы чипы, которые так легко вызывали невыносимую боль, как только Вельзевул нажимал на нужную кнопку.

Внешне Вельзевул был весьма представительным и вовсе не страшным мужчиной. Огромный, слишком грузный, лет сорока — сорока пяти, он имел маленькие, широко поставленные глазки, одутловатое лицо, большой нос и редкие, жидкие волосы.

Но взгляд… Это был взгляд параноика.

Этим самым взглядом он теперь и окатил фигуру вошедшего.

— Садись, Ферзь, — сказал Вельзевул, чуть ослабив галстук. Он тяжело вздохнул.

Вошедший присел на краешек стула и выдавил из себя подобие любезной улыбки.

— До меня дошли сведения, — медленно и как-то грузно сказал Вельзевул, будто взвешивая предварительно каждое свое слово на весах языка, — Что… Ты и Царь вышли на некую тайную молодежную организацию. Причем, скорее всего, именно эти ребята давно не дают мне покоя.

— Почему?

— Они не живут по законам давно известного нам мира. Задумали, понимаешь, в тайны поиграть, в посвящения, в сокрытую духовность… Нет, в наше время не должно быть тайн. Я должен контролировать всё! Считай, что они наступили мне на любимую мозоль. Да, и ещё… Они все — подозрительно молоды. Тебе ведь понятно, что это означает?

— Возможно, то, что это и есть те, о ком говорил Царь… Кого мы давно ищем. Это они открыли эликсир бессмертия, корень жизни, секрет молодости и долголетия?

— Да. Это возможно. Как полагают мои сторонники, у нас в городе есть люди, скрывающие с некоторых пор, держа в тайне, свои инновации, исследовательские лаборатории и полученные выводы. Именно они, как нам стало известно, изобрели эликсир бессмертия. Не знаю, почему этим умникам пришло в голову засекретить свои размышления и открытия. Но, полагаю, что вы с Царем вышли именно на них. Наши предшественники, не скрою, были слишком самоуверенны, разжирели, обрюзгли. Они плохо работали. А потому, проморгали нечто недозволенное, как говорят теперь, «внесистемное». Они слишком расслабились, получив в свои руки безраздельную власть. Но эта власть

оказалась лишь верхушкой айсберга… Короче, я выезжаю с вами, с Царем. Я и мои люди. Вернее, не совсем люди. Я предоставлю в ваше распоряжение моих андроидов. Они надежнее. Подгоним три боевых вертолета: думаю, этого достаточно.

— Куда?

— Высадимся прямо на площади, перед Молодежным Центром.

— Это привлечет внимание общественности.

— Не привлечет. Событие не будет представлено прессе и не будет отражено средствами массовой информации. Мы быстро захватим здание. Внезапно проникнем внутрь… Они все не успеют уйти, вынести приборы. Брать будем всех, до кого дотянемся.

* * *

Мария и «Владик» (то есть, Николай, в теле Владика) вышли из подъезда дома и прошли несколько метров. Тут парня внезапно скрутила судорога. Он успел отойти с тротуара, и прислонился к дереву.

— Как не вовремя, — простонал он. — Но… Пошли. Буду превозмогать боль.

— Мы тогда не успеем, — ответила Мария. — Но я видела, что у тебя есть инвалидное кресло. Его можно катить перед собой. Я повезу тебя…

Не дожидаясь ответа, она устремилась назад, к подъезду. Ключи от квартиры, которую она сама закрыла, лежали в её кармане. Поднявшись на лифте, неожиданно для себя самой Мария обратилась на лестничной площадке к соседу, хмурому неразговорчивому мужчине, с которым иногда поднималась на лифте на этот этаж.

— Извините, пожалуйста! Вы не поможете мне вынести и спустить вниз инвалидную коляску? Здесь, у вас в доме, инвалид живет, и ему на улице стало плохо.

— Конечно, помогу, девушка, — неожиданно быстро, согласился тот.

Внизу они вместе помогли «Владику» забраться в кресло инвалидной коляски, и Мария попросила мужчину ещё немного постоять там, пока она отнесет в квартиру костыли.

— Знаешь, парень, я тебя смутно припоминаю, встречал не раз, — заметил хмурый сосед. — Живем в одном доме, а так до сих пор и не познакомились. Как зовут — то?

— Владик.

— А меня — Семён. Вот так и живём. Я почти никого не знаю в доме. Кто соседи — не имею понятия. Не до того как-то. Работаю по двенадцать часов… Пришел — и брык спать. Жить, в общем-то, и некогда. Что там тот выходной? Туда-сюда… Вот, в магазин схожу… Дочь без меня, почитай, растет. Прихожу — спит уже.

— Ну, не в деревне живем… Знать друг друга и не обязательно. О чем говорить? О мусоре в подъезде? Ненавижу такое, так сказать, общение…

— И то верно… А это сестра твоя была?

— Нет. Это — моя девушка.

Мужчина замолчал надолго, потрясенный.

— Куришь? — спросил он потом, неожиданно.

— Нет.

— А я закурю, пожалуй…

* * *

Мария выкатила инвалидную коляску из перехода у метро. И когда, мимо парка, вышла на площадь перед бывшим ДК, в котором размещался ныне так называемый Молодежный Культурный Центр, то кровь застыла в её жилах…

Три огромных черных правительственных (судя по знакам) вертолета… Рядом — люди, похожие на доисторических рептилий и с дубинками для устрашения… Впрочем, еще приблизившись, она заметила, что все они застыли на месте. Представляя собой абсолютно нереальную сюрреалистическую картину на тему «светлое будущее в красках».

Испуганная, она, тем не менее, направилась прямо ко входу в Центр, толкая перед собой коляску.

— Ты думаешь, туда стоит соваться? — спросил её Николай голосом Владика.

— Если это получится. Думаю, что стоит попробовать. Так посоветовал Неназываемый, передав мне сообщение через Фанни.

— Кто такой этот Неназываемый?

— Я мало что о нем знаю. И даже то малое, что известно мне о нем и о других, связанных с ним, людях, меня попросили хранить в секрете. Не рассказывать никому.

— Даже так?

— Думаю, что потом он сам тебе представится. Быть может, даже расскажет больше, чем мне.

— Ладно, я всё понял. Вдобавок, от меня теперь просто ничего не зависит. Лишь от обстоятельств. Остается только

молиться и помнить о словах Схимника.

— Каких?

— Есть сила созидания, она хранит нас как существ, что стали выше чем сила угнетения и боли; когда-то люди верили в богов. Не спрашивай, откуда эта вера; тем более, что путь теперь другой: самим богами стать; уж нет другого. А боги служат силе созиданья, и лишь они удерживают хаос. И вера есть лишь полное бесстрашие. Иди, и обретай покой и суть; о тьме не думай… Да свершится Воля…

Они пересекали площадь по диагонали. Жесткие глаза полузамерзших андроидов провожали их безразличным, но внимательным взглядом ледяных статуй.

* * *

На огромной, широкой площади, три боевых вертолета сели без особого труда; они казались всё же неуместным анахронизмом, опасными, злыми чудищами, и, должно быть, вызывали ступор в головах случайных прохожих. В основном это были парочки, выходящие из ворот близлежащего парка, или мамочки с колясками из числа тех, что считали своим долгом выйти подышать воздушком в любую погоду. Воздушек в городе, тем не менее, всегда оставлял желать лучшего.

На ярко-синем небе тем временем уже загорались первые звёзды: в начале декабря в Петербурге темнеет рано.

Царь и его не слишком многочисленная банда расположились неподалеку от входа и ожидали прибытия Вельзевула с армией андроидов. Захват, по их мнению, предстоял весёлый. Царь курил чуть в сторонке от своих людей; из вертолета всё спускались и спускались мрачные, приземистые фигуры. Он же раньше никогда не видел андроидов, личные войска Вельзевула, так близко. Засекреченным заводом по их производству владел его шеф, сам, лично; за то он и получил своё прозвище. Вельзевул — повелитель мух… Андроидов же почему-то называли мухами: быть может, лишь потому, что завод по их производству располагался прямо на части бывшей городской свалки и был окружен ею со всех сторон.

Вскоре из одного из вертолетов спустился и сам его шеф и направился прямо сюда грузной, тяжелой походкой. Вместе с ним был Ферзь и несколько охранников — андроидов с кобурами на поясе. Почти дойдя да него, Вельзевул внезапно свернул чуть налево и двинулся прямо по направлению ко входу в Центр, жестом подав Царю знак, чтобы он следовал туда же. Ферзь и

андроиды — охранники тоже повернули вслед за ним.

Неподалеку уже стоял небольшой внедорожник. И к нему из дверей Центра как раз медики выносили носилки с лежащим на них парнем. И тот был весь в крови.

— Всем стоять! — завопил Вельзевул. — Я не дам уйти отсюда никому!

Андроиды взяли оружие наизготовку.

— Но он же… Болен, по-видимому? — робко спросил Ферзь.

Царь никогда не видал своего подельника таким растерянным. Он уже достаточно приблизился к ним настолько, чтобы слышать каждое слово Ферзя. Проследив направление его взгляда, он только теперь разглядел лицо парня, что лежал на носилках. Это был… Его человек. Лис.

«Почему он не с Николаем? Что там произошло?» — Царь тоже заволновался.

— Стреляйте, если они посмеют сдвинуться с места! — крикнул андроидам Вельзевул, показывая пальцем на медиков. Те застыли, как вкопанные. А Ферзь почему-то всё смотрел и смотрел на Лиса. У того были окровавленные руки, и он, скорее всего, был без сознания.

— Я хочу знать, что здесь происходит, — властным, жестким голосом произнес Вельзевул.

«Лис… Почему его руки в крови?» — Царь снова бросил взгляд на парня на носилках.

— Он умрет, если мы ещё промедлим. Дайте нам увезти его, спасти парня, — подал голос один из медиков.

— Нет. Он — изменник. И я…, - внезапно, краем глаза, Царь заметил яркую вспышку. Мгновенно обгоревшее тело Вельзевула черной головешкой упало в снег: Ферзь выстрелил из лучемета и снес ему голову.

«Ферзь? Да. Но почему?» — недоумевал Царь.

Тут же, с нескольких сторон, фигуру самого Ферзя прошили пули, и он тоже рухнул в снег.

Медики, тем временем, загрузили тело парня в машину; она тронулась. Царь проследил за ней взглядом. Андроиды больше не получали новых приказов. А приказ охранять Вельзевула был исполнен ими до конца… Теперь они стояли, тупо уставившись в небо, как живые куклы. Система управления, повязанная на Вельзевула, больше не работала.

Ощущая только болезненную нереальность происходящего, Царь направился к трупу своего подельника. Пнул носом зимнего ботинка распростертое на земле тело. Перевернул его на спину. Глаза Ферзя, широко распахнутые, теперь смотрели в небо.

— Идиот, — сплюнул в сторону Царь. — Свихнулся ты, что

ли?

Он посмотрел на людей своей банды, которые ждали его распоряжений. И он не знал, что даже будучи много лет Ферзем, этот человек, ныне мертвый, всё же умер не как Ферзь, а как Иван Борисов, оппозиционер… Защищая своего сына.

Царь окинул взглядом целое войско тупых, мрачных андроидов, застывших теперь без дальнейших приказов. На черных мух на белом снегу. Вельзевул был теперь мертв, и некому было отдать им команду, загрузив её в мозг с помощью пульта. Их код знал только он, повелитель и владелец. Теперь андроиды стояли, как изваяния воинов Цинь Шихуанди; такая мрачная колонна воинов с тупыми лицами, в металлоброне; редкие жуки-бронзовки… Он попытался отдать им приказы, взяв в снегу «матюгальник» босса… Голос прозвучал фальшивым фальцетом. И, впервые ему стало жутко… Показалось, что андроиды не последуют его приказу, но подойдут и разорвут его на части. Тогда, он бросил громкоговоритель обратно, в сугроб. И, хорохорясь, сплюнул в снег и направился к своим.

— Какие будут распоряжения, Царь? — ухмыляясь, спросил Боров. — Похоже, что мы более годны, чем эти, для дела? Брать Центр без их подмоги будем?

— Похоже на то, — процедил Царь. — Эти пришли в негодность.

— Ну, и… Если чем поживимся — всё наше будет, так? Хотите, братва, быть бессмертными? — спросил Логово.

— А ты что, в курсе, кого берем? — спросил Царь. — И про эликсир?

— А то! У вас связь громкая. А я за рулем сидел, — хмыкнул тот.

— Ну, не важно, — скис Царь.

— Тут охрана! — заметил Боров.

— Зато, стены из стекла… Пробьемся, — заверил Царь.

— Оно прочное! — возразил Боров, — Не простые стеклышки!

— Так взрывай, не мешкай!

Раздался взрыв, и вскоре в вынесенной напрочь стене из высокопрочного стекла образовался импровизированный проход.

— Вперед, Орлы! — скомандовал Царь.

* * *

Небольшой вертолетик завис над крышей здания; Неназываемый и Сенсей спустились на крышу и помогли спуститься Кроту.

— Свяжи теперь ему руки, и покрепче. Даром что он тщедушный. Выкинет ещё какой фортиль, — посоветовал Неназываемый.

Сенсей крепко связал пленника; к тому же крепко завязал ему рот специальным приспособлением, называемом в некоторых кругах «намордником».

Вскоре они были на чердаке, потом — на лестнице.

— Вниз! Разыщем Виталика; он на первом. В своем кабинете, — пояснил Неназываемый.

Они без проблем и ненужных встреч спустились до второго этажа. На втором, в глубине коридора, слышались крики, глухие удары; возможно, что там была большая драка. Впрочем, никто не стрелял.

— Похоже, что там — собрание молодежи. И кто-то на них напал. Но, вначале нам к Виталику, — спускаясь далее, Неназываемый поманил Сенсея за собою. — Оставим у него в кабинете приборы и этого, — он кивнул на Крота. — Самого Виталика возьмем с собою: он прояснит ситуацию. Мы его ребят не знаем, так что сложно лезть в чужую драку. Не отличим своих.

Виталику он предварительно позвонил, и тот должен был их ждать.

Спустившись на первый этаж, они, сквозь прозрачные сенсорные дверцы входа на лестницу и к лифту, который сейчас не работал, так как был кем-то отключен или поломан, увидали разбитые стекла вестибюля. Туда, через огромный зияющий, оплавленный по краю проем залетал снег; пальмы, стоявшие здесь некогда в кадках, были перевернуты и растерзаны; их поломанные стволы валялись среди битых стекол. Осколки и снег покоились и на покореженных диванах.

Будка и «вертушка» в стороне от проема, справа, у стены — уцелели; похоже, что все охранники и вахтер сейчас прятались в ней; оттуда раздавалась приглушенная речь и всхлипы. Они, должно быть, повалились на пол и там прятались.

Скрип, скрип…

В проем, выбитый в стеклянной стене, въехала коляска с инвалидом. Хрупкая девушка с жестким, ледяным взглядом катила её перед собой. Когда она приблизилась ещё немного, Неназываемый окликнул её:

— Маша!

Он подался ей навстречу. Сенсорная дверь распахнулась, и он выскочил в вестибюль. И почти что выхватил из ледяных рук девушки ручку коляски: и как только она справилась с такой тяжестью?

— Здравствуй….Николай, — нагнувшись, тихо сказал он на

ухо инвалиду. — Сейчас может решиться твоя судьба…

И покатил коляску к двери на лестницу, а затем — вглубь коридора, к кабинету Виталика.

* * *

— Надо поторапливаться, — сказал Виталик, увидев вошедших. — Видел по камере, что туда, где наши заседали, уже направились бандиты.

— Там драка. Бывало такое раньше? Они разрушили вестибюль…

— Нет. Раньше подобного не бывало. Никогда. Похоже, напавшие по наводке явились, того самого «Николая», о котором ты вкратце рассказал…Они вышли на него; думаю, он передавал сообщения.

— Маша, Николай, оставайтесь здесь. Туда, с нами, вам совсем не надо, — распорядился Неназываемый. — Тем более, что нужно кому-то посторожить Крота, чтобы он не выкинул чего, — и он указал Маше на связанного пленника, который теперь притих в углу. — Да, и еще… Берегите эти приборы, которые Сенсей на стол выложил. Это очень важно.

Неназываемый и Сенсей вышли. Виталик взял в ящике ключи, и тоже вышел, закрыв дверь кабинета снаружи. И они втроем устремились на второй этаж.

Там вовсю шла битва вооруженных шокерами-дубинками бандюков и безоружных ребят. Похоже, Царь распорядился, чтобы всех здесь присутствующих взяли живыми: для допроса.

— Сенсей, ребят случайно не зацепи, — предупредил на случай чего Неназываемый, и бросился в гущу событий.

Решила дело внезапность нападения. Неназываемый уложил Царя, Сенсей — еще пару бандитов. Ребята, члены тайного общества, тоже воспользовались заминкой; многие вырвались из рук захватчиков, некоторые даже выбили у нападавших на них бандитов электрошокеры; и драка продолжилась, в ход пошла мебель.

— Где Николай? — спросил Неназываемый Виталика, как только вновь оказался с ним рядом.

— Не знаю. Не вижу его.

— Поищите среди тех, кто лежит на полу, — бросил им Сенсей, увертываясь от летевшего в него тяжелого предмета.

Под столами, действительно, валялось несколько тел; ребята, похоже, были без сознания. Оказавшись рядом, Виталик в одном из них опознал Николая.

Спонтанный бой, тем временем, подходил к концу; молодые ребята теперь побеждали, и складывали противников штабелями у стены. Неназываемый и Сенсей неплохо поспособствовали их победе. Лучемет нельзя было использовать в помещении, но у каждого был и обычный револьвер.

— Он без сознания, но жив, — сказал Сенсей, первым наклонившийся над Николаем. — Нужно спешить.

— Да. Связь души с телом сейчас минимальна, а она — создана искусственно… Он…Тело… В любой момент может умереть, — согласился Неназывемый, и они вдвоем подхватили тело Николая. Виталик сунул ключи от кабинета в карман куртки Неназываемого и сказал:

— Я сам должен остаться здесь, с ребятами; мы сами справимся. А вы — поспешите.

— Точно — справитесь? Вам нужно будет разложить трупы бандитов так, будто здесь была бандитская перестрелка. Замести следы. И — уйти. Всем, до одного. Унести своих покалеченных.

— Я знаю.

— Скоро здание оцепят внутренние войска и полиция. Не думаю, что они вас похвалят.

— Мы все уйдем черным ходом. Через подвалы можно выйти в заброшенный кинотеатр, что на вечном ремонте. Он — на другой стороне МКЦ, у них стенка общая. Я и другие ребята увлекались диггерством, я знаю проход…

— Хорошо. Обязательно уведи всех.

— Ага. А вы сами?

— Уйдем через крышу. Я вызову вертолет.

* * *

В кабинете Вадима всё было по-прежнему.

— Лучше не смотри сюда, парень, — входя, бросил Сенсей в сторону инвалида.

Тот отвел глаза в сторону. А Маша не удержалась, бросила взгляд на внесенное в кабинет безвольное тело. С её губ сорвался крик. Это был… Николай.

— Крот! Если операция по возврату Николая в тело пройдет успешно — будешь жить, — сказал Неназываемый, снимая с Крота «намордник».

— Развяжите меня! — взвизгнул тот.

— Ну, уж нет. Просто, говори, что делать. А мы выполним, — Неназываемый посмотрел на него хмуро.

Тогда Крот сказал, как подсоединить и включить приборы.

Черный ящик поставили рядом с телом Николая. Потом… Дали разряд.

Последовала ослепительная вспышка света.

Через несколько минут, лежащее тело парня слегка шевельнулось. Маша кинулась к телу Николая.

Лежащий открыл глаза и улыбнулся.

— Маша! Это я… Я вернулся. Я люблю тебя, — сказал настоящий Николай слабым голосом.

Оба внезапно повернулись, и посмотрели на кресло, где сидел инвалид. По лицу Владика текли слёзы.

— Я… Умирал тогда. В той самой комнате. Я должен был уже быть мертвым. Вместо этого… Да, я был в черном ящике… Это было ужасно. Но… Я жив. Это — чудо! Я…

— Хорошо, парень! С новым рождением. А теперь — уходим. Сенсей, бери Крота и черный ящик, другие приборы — тоже забирай. Николай, Маша! Помогите ему, — сам Неназываемый взялся за коляску с инвалидом. И вскоре они толпой устремились к лестнице, оставив в замке ключ от кабинета.

На крышу добрались без приключений, и вскоре сидели в вертолете.

— Андроидов понагнали, однако, — уже поднявшись в воздух, отметил пилот. — Что тут было за светопреставление? Не всякий день такое увидишь… Что будем делать с андроидами? Так оставим?

— Подробности потом перескажем. Сейчас — летим за город! И поскорей. Что касается андроидов… Я вычислил, откуда они прибыли. Теперь знаю, что база по их созданию находится за городом. Главное — уничтожить её, тогда новых не скоро создадут, — сказал Неназываемый.

— Думаю, с этим нужно спешить. Полететь прямо сейчас на разведку, — заметил Сенсей.

— А Николай, Маша, Владик? Их надо высадить и проводить домой.

— Высаживайте, где придется. Где-нибудь в пригороде; дальше мы доберемся сами, — посоветовал Николай.

— Согласен. Решено. А мы с тобой, Сенсей, проведем разведку с воздуха и, быть может, слетаем за боезапасами и разгромим это осиное гнездо… Вы же, ребята, забудьте об этом. Поезжайте домой, отдохните. В себя придите. Надеюсь, еще встретимся, — сказал Неназываемый.

Глава 7. Дом Набокова

— Стоп, Фанни, стоп! — Милица остановилась перед одним из зданий, призывая свою спутницу немного вернуться назад. — Нам сюда, — она указала на открываемую ею массивную дверь.

— Но…

— Потом, потом все «но», — Милица потянула Фанни за рукав и пропихнула вовнутрь.

Пахнуло вековой пылью, старыми кирпичными стенами, лаком и каким-то еще едва уловимым запахом старины.

— Где мы? — спросила Фанни уже внутри. — Это же… Не музей Набокова.

— Это другой музей. Мало кто о нем что знает. Здесь, во внутреннем дворике, есть замечательный сад. Мы вместе его осмотрим, а потом я тебя покину. Мне только что пришло сообщение… С похорон. Мне надо отлучиться.

— С чьих… похорон?

— Моих… Я на это решилась. Конечно, меня в гробу заменяла восковая кукла, заранее заказанная одному мастеру своего дела… Научил меня этому твой Неназываемый. Ведь сам он подобное… Неоднократно уже проделывал. Люди давно уже научились изготовлять восковые «персоны», не так ли? Документы, медицинское освидетельствование — тоже он помог подготовить. Да, пора уже, мой, друг, пора…

— Вы будете… Жить с нами, в Доме?

— Да, и существовать под новым ником, так сказать. Теперь я тоже… без имени.

— Это — ерунда. А что за сообщение, что надо срочно ехать? Что там случилось?

— Всё прошло гладко; церемония давно завершена. Поминки — тоже. В газетах напечатают некролог… Только, одна из моих правнучек, моя любимица, София, очень расстроилась… Не могу оставить девочку в таком виде. Сейчас она, вся в слезах, неожиданно заснула. Я… хочу купить ей сладостей, подарков. Приехать, потихонечку растормошить — так только, чтобы не напугать… Сказать, что я просто буду теперь жить в другом месте, но что это наша с ней большая тайна. Скажу: «Не грусти, мой хороший!» — так я всегда ей говорила… Обниму покрепче… Я не могу иначе; а меня теперь никто из посторонних не узнает: на улице же я маскировалась под бабулю…

— Так и рождаются легенды про фей… Крестных, и так далее…

— Да, наверное.

* * *

Внутренний дворик был прекрасен. Среди шумного города, каменных строений — там, где не было ни одного дерева на улице, — внутри он хранил в себе яблочный сад, витую ажурную лесенку — и смутное, внеземное очарование. Деревья, сейчас заснеженные и замерзшие, тихо и уютно смотрелись на фоне темного уже неба. И снег всё падал и падал…

Милица провела Фанни через занесенный снегом двор. Остановилась перед небольшой дверцей, основательно заваленной снегом. По-видимому, та вела в какое-то служебное помещение.

— Подожди, — она оттащила Фанни немного в сторону от входа. — Поговорим напоследок… Давно хочу спросить, что у вас с Неназываемым?

Фанни растерялась.

— Ну… С точки зрения современных людей… Ничего. Абсолютно ничего. Наверное, можно сказать, что мы — друзья.

— Друзья? — Милица слегка приподняла верхнюю бровь, и посмотрела на Фанни скептически. — Ну, уж нет. Это я и Неназываемый, к примеру, — друзья. Он выдергивал меня не раз из сложных… Гм… Переделок. Мы с ним не раз вели душеспасительные беседы за кружкой кофе. Но я для него — не женщина, а радистка Кэт. Образно выражаясь. Боевая подруга, в общем. Но вот на тебя… Я же вижу, как он смотрит.

— А почему… Этот вопрос вам интересен? — спросила Фанни, неожиданно для себя самой перейдя на «вы».

— Ну… Знаешь ли, я очень давний друг Неназываемого. И мы с ним во многом похожи. Такие, как мы, устанавливают предел между своим внутренним миром и миром внешним. Или же, он устанавливается сам. А любовь… Для нас всех, я думаю — имея в виду теперь и себя, ведь я… Уже пережила свои собственные похороны… Так вот, для нас любовь внешняя, со всеми её внешними проявлениями, — в общем-то, давно уже не интересна. Правда?

— Да.

— А внутренний мир, тот самый, в который мы никого не пускаем — он весьма изолирован. Мы — люди внутреннего мира. И если вдруг, неожиданно, любовь прорастает в нас, она идет оттуда. Изнутри; и настолько глубоко изнутри, что я соглашусь даже с верой в существование прежних жизней. Родство души рождается изнутри, и от него никуда не деться. Не уйти, не разминуться. Ведь правда?

— Быть может…

— Вы связаны душами, и можете говорить об этом, или же — никогда не говорить об этом… Ведь слова не имеют для вас никакого значения. Не правда ли? Или… Зачем я спрашиваю об этом? Знаешь ли, всё это… Внушает мне некоторую надежду. На то, что я… не останусь живой мумией. Что чувства и радость огорчения и боль живых… Слишком сильные, чтобы от них отмахнуться — не исключение из правила; что вы все… Тоже такие же сентиментальные, не лишенные чувств «ненужных» и далеких от дела, но… Таких человечных…

— Это… Действительно важно для вас?

— Несомненно; я ведь вступаю в новую эпоху своей жизни… Знаешь, милочка, женщины — они такие женщины… Когда-то, во время войны, разрухи, потери документов, я… Даже умудрилась уменьшить себе возраст… Так, немного: всего лишь лет не пятьдесят. Об этом даже Неназываемый не знает. И… знаешь ли, этого мне было достаточно, чтобы действительно стать моложе, душой и телом. А сейчас… Сейчас мне нужно просто стать… иной. Навсегда.

— Это… Совсем не обязательно, — шепнула Фанни.

Милица, неожиданно и порывисто, крепко её обняла.

— Прощай, мой хороший! Извини за все эти вопросы, высказанные и не высказанные… Прощай, маленькая моя!

— Почему именно прощай?

— У меня есть предчувствие, что я вас теперь увижу весьма не скоро… Он, как всегда, играет в свои страшные игры, а ты… Ты поедешь за ним.

— Но, даже если так… Мы же ещё встретимся?

— Он не первый раз пропадает на моей памяти… И обычно исчезновения длятся лет пятьдесят… Это — такой срок, за который… Мы становимся иными людьми. Настолько иными, что приходится как бы знакомиться заново. Часто, говорят, мы даже физически меняемся: иным становится цвет глаз, волос, черты лица, походка… Ты, наверное, уже понимаешь, что у нас всё не как у людей… Внутреннее меняет наше внешнее, не наоборот. Впрочем, потому мы… И не стареем. Мы не даем себе состариться внутренне… Даже, если имеем морщины, живот, — мы тогда боремся со старостью тела, и преодолеваем её.

— Не знаю, внутренняя ли это работа. Или — просто какое-то чудо. До сих пор не знаю, — заметила Фанни.

* * *

Дверь Фанни открыла, когда осталась уже одна в этом тихом

дворике. Далее, миновав тесную прихожую, она пошла по темному коридору, и вышла на свет, к небольшой комнатке. Её встретил и приветствовал пожилой человек, которого Милица предупредила о приходе Фанни. Он был одет в рабочую одежду и держал в руках старинный механизм — и, казалось, никак не мог с ним расстаться. Он представился:

— Я - Павел… Фанни, вы не могли бы подождать немного? Я скоро закончу. Посидите пока немного, выпейте чаю, — предложил он.

Фанни осмотрела комнату. В которой везде — не только на полках, но и на креслах, на столике — везде были книги или старые журналы. А также, какие-то ящики со всякими старинными предметами, значками, коробочки и механизмы.

Заварив чай, Павел присел за тот же стол, за которым сидела Фанни. Лампа, что стояла на столе, теперь освещала сильнее то, что и ранее было у музейного работника в руках.

— Это… Часовой механизм, сработанный самим Кулибиным. Случайно попал ко мне в руки, и я пытаюсь с ним разобраться. Мне осталось совсем немного, и…

Он не договорил, потому что уткнулся в лежащий на столе журнал, прочел несколько фраз, и перелистнул страницу. Через некоторое время, на которое он полностью углубился в чтение, он снова перелистнул страницу, и сказал с сожалением:

— Жаль… Далее текст оборван. Хорошо, что я всегда несколько дел выполняю, одновременно: иначе расстроился бы…

Положив часовой механизм на стол, он взял лупу, какой-то инструмент, и закрутил в механизме пружинку. Потом он еще куда-то нажал, что-то там, внутри, щелкнуло, затем раздалось ритмичное тиканье.

— Получилось! — радостно, по-ребячески, вскрикнул Павел. Потом потянулся за своей кружкой. Чай оказался крепким и несладким, но Павел предложил Фанни ещё и пряники.

Выпив кружку чая, он, наконец, повел Фанни какими-то коридорами; потом по винтовой лестнице они спустились в подвал.

Там пахло плесенью, старым деревом, лаком, патиной металла; Павел осветил их путь небольшим фонариком.

— Здесь, в этом подземном ходу, давно ничья нога не ступала, — сказал он.

Фанни споткнулась о что-то, наверное, о спинку кресла; под ногами много чего валялось.

— Осторожно, — сказал Павел, придержав её под локоть.

В подземном проходе не было ничего; лишь каменная кладка стен, голая земля под ногами. Стены были целы; нигде ничего не

осыпалось. Но, когда, наконец, последовала лестница наверх, Фанни вздохнула с облегчением.

* * *

В музее Набокова Фанни встретила маленькая, сухонькая старушка, которая совершенно не удивилась её появлению здесь в такие вечерние часы, когда музей давно уже не работал, и внешняя входная дверь была закрыта. Это была, скорее всего, вахтерша.

— Следуйте за мной, — сказала она Фанни.

Они прошли сложными ходами запутанных служебных помещений и оказались перед старинной дверью. Работница музея открыла эту дверь ключом и сказала:

— Здесь давно никого не бывало. Очень давно. Власти не знают о существовании комнат: их нет на плане. Мы, насколько могли, навели здесь порядок к вашему приходу. Чтобы вы не дышали пылью. Постельное белье застелите сами; оно в шкафу.

— Спасибо, — поблагодарила Фанни.

— Об этой комнате… Почти никто не знает. Даже из наших, — старушка протянула ей ключ и спешно удалилась.

Фанни вошла и ахнула. Дверь за ней сама закрылась. Комната была обставлена только старинной мебелью; плотные шторы наглухо закрывали высокое окно. Лепные украшения, позолота, инкрустированный разными породами дерева пол — все выглядело так, будто было абсолютно новым. Справа был камин, у окна — стол, резной, со множеством ящичков и подставок для книг. На нем стояла зажженная свеча. За дверью справа, за камином, Фанни обнаружила дверь в санузел и ванную комнату. Дверь у стены слева была приоткрыта; там была спальня с диваном, кроватью под балдахином, с несколькими шкафами и зеркалами.

Осмотрев эту комнату, Фанни вернулась, села за стол, в мягкое кресло; выдвинула первый верхний ящик. Там были письма, целая груда писем с пожелтевшими листками. Написаны они были мелким, летящим почерком с левым наклоном и крупными заглавными буквами; в старой орфографии. А еще — на французском.

Книги на краю стола… Томик Вольтера, «Езда в остров любви» Тредиаковского, оды и стихи Ломоносова…

Она взяла Ломоносова.

Через некоторое время, уже глубокой ночью, в дверь постучали.

Она подошла к двери, робко её открыла.

— Это я, — сказал вкрадчивый голос.

Неяркий свет высветил лицо Схимника.

— Я, по поручению Милицы, принес всё, что она попросила. Ваши вещи, документы, загранпаспорт…

— Загранпаспорт? — удивилась Фанни. — У меня его нет.

— Теперь уже есть… А еще… Я принес тетрадь. Ту самую, что была на вашем столе. Вы, быть может, ещё не всё прочитали, — добавил он тихо.

— Входите же! — попросила Фанни.

Схимник вошел, но как-то робко.

— Садитесь, — предложила она, указывая на кресло в углу, рядом с журнальным столиком. Он поставил рядом с её столом дорожную сумку и присел, куда она попросила.

— Вы, должно быть, уже всё знаете…

— О Поэте? — спросил он. — Впрочем, его звали Дима. Дима Пономарев. Да, я знаю… Я догадывался уже о чем-то таком… Печать трагедии была на его лице. Он — из тех, кто пошел до конца. Дима настолько хотел быть поэтом, что не стал выходить из образа, даже когда понял, куда ведет этот путь. Честный поэт — это человек с ободранной кожей. И он… шел по этому пути, выдавливая из себя стихи ежедневно. Он писал о горе и боли, о судьбе и отчаянии… Знаете ли, все мы, рано или поздно, сходим с этой опасной дороги: относиться к своим стихам всерьез, воспринимать их написание, как миссию… Но для некоторых… Сойти с этого пути означает предать поэзию. Правду. Совесть, наконец. Они не могут иначе. Не могут жить, посвящая свое время работе, друзьям, семье, прочим мелким занятиям — но не стихам, которые поглощают полностью. Они так не могут. Они идут до конца. И… умирают. Помните, «Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт»? Это они именно так для себя решили. Увы… Именно так. Ну, что ж, а нам… Остается утешаться тем, что, возможно, после смерти они заслуженно попадают в иной, более лучший, мир… Наверное, это было бы справедливо.

— Я не верю в справедливость.

— Я тоже, — ответил Схимник. — И… в богов, которые нас распределяют по мирам и воздают по заслугам. Но, я верю в тебя. В Неназываемого. В Женю, в конце концов.

— А… В себя?

— Иногда… Бывает. Но очень редко, — ответил Схимник.

— Я… Такая же. Ведь нам с детства внушали мысль, что мы — ничтожества. Неумехи, незнайки. На многочисленных работах о нас вытирали ноги. «Человек — это звучит гордо»? В лучшем

случае, это звучит… никак. А чаще, абсолютно несчастно. А потому… Мы совершенно не верим в себя.

— Согласен с вами. Именно потому, мы больше всего поверили в машины. Преклоняемся перед гаджетами и обожествляем интернет…

— Обожествляем?

— Конечно. Ведь мы вполне можем жить без бога. Мы без него легко обходимся. Но не можем существовать без интернета. И…не только без бога… Человечество, в общей своей массе, лишилось духовного поиска в принципе. Теперь люди стремятся быть одинаковыми. Иметь не только одинаковую одежду и лица, но и мысли. Стереть индивидуальность. Смотреть последние фильмы, только что написанные книги, новую музыку. Верить — тоже одинаково. Заходить в собор и ставить свечку.

— Это — обобщение; но, в общем, вы правы. Все средства массовой информации постоянно внушают нам, что мы что-то «должны». Учат нас мыслить «правильно». Вначале — быть толерантными. Потом — позитивными и креативными. Ну, а сейчас придумали новый термин: социально адекватными. Все эти термины на деле означают: безликими, правильными и… никчемными.

— Да. Причем, «креативность» вышла из моды только после того, как добралась до самого низа… Креативными стали даже туалетная бумага в новом, так сказать, оформлении и новая помада.

— Схимник…

— Что, Фанни?

— Похоже, вы со мной прощаетесь? Раз… Принесли тетрадь…

— Да, и думаю, что надолго.

— Почему?

— Вам надо уехать: вас вычислили. Вам больше нельзя оставаться в Перербурге.

— Думаете?

— Да. Я в этом уверен. Вы нужны нам… Живой. Уезжайте.

— Тогда… Тогда, прочитайте мне что-нибудь. Из тетради. На память. Всё, что захотите.

— Ну… Хорошо. Тогда… Прочитаю это. Скажем, эссе… Кстати, если не будете знать, как назвать свое произведение, назовите «эссе»…

— Так… Читайте же! Я слушаю…

* * *

— Нет ничего обыденного и повседневного; всё дело просто в нашем восприятии. А восприятие внутреннее, быть может, рождается от того, что теряется нить, связующая человека с пониманием окружающего, и он остается наедине с собственным страхом. Не таким страхом, который рождает появление неведомого, которое вторгается в нашу жизнь; нет, страхом, порождаемым ощущением, что время ускользает безвозвратно, и, сколько бы его ни было, оно непременно закончится. А ты… не можешь вырваться из того кокона, в который закутали тебя внешние обстоятельства, похоронив там навсегда все свои стремленья.

Страх нужно преодолеть.

* * *

Первую свою сказку я написал… В углу. Меня наказали; не помню, за что. Я должен был там стоять, пока не осознаю, как я не прав. Какой я гадкий.

Но, в конце концов, мне там понравилось.

Если нельзя выйти за пределы своего угла, то надо попробовать… Растворить стены.

И мальчик в углу стал сочинять сказку.

* * *

Я не помню, когда и зачем я её себе придумал. Наши внутренние миры вряд ли пересекаются. Она совсем другая. Смешливая и веселая, она играла на арфе и прекрасно пела. Она любила своего мужа и детей, но развлечения любила ещё больше. А еще, друзей и приятное общество она ценила больше, чем книги.

И, к сожалению, она была королевой. Вся её вина состояла в этом. И в том, что она абсолютно не умела плести интриги. А еще в том, что как раз в это время некие силы решили изменить существующий строй.

Они подговорили бедных, и те пришли к ней и потребовали хлеба. И королева выдала им хлеб и пирожные, фрукты и овощи.

Но бедные не насытились, поскольку те из них, что вломились во дворец, были жадными и завистливыми. Они увидели убранство дворца; потому, им стало мало пирожных.

— Ишь, ты! Она сказала: «Если у них нет хлеба, то пусть едят пирожные»! — зло скакал кто-то из толпы. — Идите и заберите у

них всё, что они отобрали у народа!

И толпа пришла во дворец. Они забрали себе все богатства, всё золото, все драгоценные камни. Потом увели и обезглавили её мужа. Королева пыталась защитить собою детей, но они вырвали их из её объятий.

Она осталась одна, брошенная в тюремную камеру.

Во дворце, на верхних этажах, теперь гулял ветер, а внизу устроили конюшню.

На улицах слышались похабные песни и брань.

«Теперь… Мне остается только умереть», — подумала королева.

Но и это ей не дали сделать спокойно.

Они вернулись снова.

— Зачем вы пришли? — спросила она у толпы. — Мне больше нечего вам отдать.

Один из мужчин глумливо улыбнулся.

— Есть, чего: свою жизнь, — ответил он королеве.

* * *

Да, в действительности все сказки заканчиваются плохо. Но эту… Эту я ещё не окончил. Я хочу завершить её вовсе не так, как этого требует здравый смысл. В реальности все революции оканчиваются одинаково: кровавой бойней, экспроприацией экспроприаторов… (Ведь у нас у всех есть еще, что можно у нас забрать, правда?) Пустыней и выжженной землей под тусклым небом.

Но моя сказка окончится нынче иначе; я ведь придумываю её сам, не так ли? Все мы прекрасно знаем, что… «Сейчас не время улыбаться», «Чудес не бывает», «Жизнь тяжела»… Но, в моем собственном мире распоряжаюсь я сам.

* * *

…Королеве отрезали волосы и привели на место, которое называлось «эшафот».

— Здравствуйте, ваше величество! — палач вышел ей навстречу.

Она не ожидала этого, и потому наступила ему на ногу, продолжая движение.

— Извините, я нечаянно, — улыбнулась она.

«Только когда ты отдашь всё, что имеешь, ты станешь моей

ученицей», — услышала она в голове голос.

В ней не было больше страха; его остригли вместе с волосами.

Мы не те, кем кажемся этому миру. Он сочиняет про нас сплетни, использует наши имена в своих целях, выдает нам документы и номера. Но, за пределами мира, его суетностью — мы те же, кто пришел в него однажды, и те, кто будет потом.

Но мир… Он тоже совсем не таков, каким он нам кажется.

* * *

«Ты готова»? — спросил голос.

«Да», — ответила королева.

И тогда, раньше, чем её голова слетела с плеч, она исчезла прочь со своего эшафота. И настоящее хлынуло в неё и унесло её потоком. Она была жалкой песчинкой в этом безбрежном мире, среди миллионов звезд и галактик… Но внутри этой песчинки тоже была своя безбрежность, свой океан…

* * *

Времени нет, когда наступает внутреннее безмолвие — это рождение новой Вселенной, или же черной дыры… Не всёли равно, как назвать несуществующее?

* * *

Мальчик в углу шмыгнул носом, и вновь вернулся в границы восприятия.

— Что ты там… Молчишь? Может, извинишься?

— В чем? — он действительно забыл.

— В чем? Ах ты, дрянной мальчишка! Извинись сейчас же, и сможешь выйти оттуда.

— Как?

— Повторяй за мной: мама, прости, я больше никогда не буду рисовать на стенах!

— Мама, прости, я больше никогда не буду рисовать на стенах…

— Ну… Выходи, что ли? Что ты там застрял?

* * *

Пралайя завершилась…

* * *

— Спасибо, Схимник, — поблагодарила Фанни.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Не знаю… Думаю, что это не то слово: понравилось. Просто, спасибо. За то, что вы есть, и… Такой вы странный…

— Прочитайте мне что-нибудь своё… Фанни, вы же пишете стихи?

— Как вы узнали?

— Никак. Пришло сейчас в голову…

— Ну… Тогда, мне кажется… Это будет вам в тему…

Я — песчинка средь моря.
Я — море в песчинке…
Я рождаюсь, как только
Сгорю без остатка.
Зарождение — больно,
Смертельно опасно.
От шиповника игл
Не спасает перчатка.

Не ищите здесь смысла:
Его больше не будет.
Все грехи и сомненья —
они предрешённы.
Нету радости большей,
чем быть безысходной,
И безгрешной, и полностью
опустошенной…

Не ищите здесь смысл:
безысходную пустошь
Орошают лишь слёзы,
песок раскаляя.
Всё, что было с тобою,
И, возможно, что будет —
Не дарует ни истины, ни оправданья.

— Не дарует ни истины, ни оправданья, — эхом повторил Схимник.

Глава 8. И снова — в Париж…

— Ты уверен, Неназываемый, что нам… Следует это сделать? Мы засветимся, и придется снова отсюда валить, куда-нибудь далеко, — обратился к нему Сенсей, перекрикивая шум вертолета.

— Уверен. Про нас, похоже, и так прознали.

— Почему ты так думаешь?

— Эй, Крот! — позвал Неназываемый.

Маленький человечек со связанными руками обернулся и осклабился, выражая таким образом подобие жалкой улыбки.

— Я думал, вы обо мне совсем забыли, — сказал он. — Вы обещали отпустить меня, если всё пройдет успешно, и парень выживет. Выжили даже оба…

— Отпустим, мы давали слово, — ответил Неназываемый.

— Серьезно? Ты намерен отпустить гада? — спросил Сенсей.

— Только, Крот, к тебе ещё несколько вопросов… Зачем таким, как Царь и прочие, был этот центр и ребята? — спросил Неназываемый.

— Похоже, Царь не ошибся. Вернее, Ферзь. Это он их вычислил. А после, и все остальные заинтересовались, — хихикнул Крот. — Что, ваших накрыли, да?

— При таком положении дел ты еще и хихикать способен? Отвечай, что вы про них узнали, — приказал Сенсей.

— Были лишь догадки… Ребята там все молодые. А Царю известно стало, что ваши… Ну, они как бы все моложавые, болезни их на берут. А ещё… Тайны вы всякие любите, посвящения… Свой человек туда было наш внедрился, в вахтеры. Но ваши его быстро отфутболили.

— Виталий, — пояснил Неназываемый Сенсею тихо, шепотом, — Он с теми ребятами, когда дружбу завязал, думаю, и приборчики некоторые им подкинул. Чтобы те двуличных легко вычисляли.

— Крот, а доказательства были? Или же, только из-за догадок ваши пошли громить центр?

— На кону же эликсир был. А Царь очень хотел его заполучить. И знал, что у подпольных и моложавых он есть, эликсир этот. Ради такого… Даже, лишь по подозрению, чего уж там… Вдобавок, он своего внедрил как раз туда; что в теле Николая был. Он должен был донести ему обо всем, что там увидит. Его допустили внутрь и даже на собрание. Собрание было тайным; это укрепило Царя в правильности выводов. А потом, видимо, что-то пошло не так. И парня вырубило. Царь это

прознал, у него с парнем канал… И сразу двинул тому на подмогу.

— Забавно, — заметил Неназываемый.

Повисло молчание.

— Гена, давай, спускайся, — обратился Неназываемый к пилоту. — Высадим здесь Крота.

— Что, здесь? За городом, на болотах? — с ужасом спросил тот.

— Выкарабкаешься, — ответил Неназываемый. — Оставим тебе карту и компас. Сенсей, ты проводишь его? Там, внизу, развяжешь ему руки.

— Как скажешь. Только, предварительно сотру ему память нескольких последних дней. И сделаю это с превеликим удовольствием, — отозвался тот.

* * *

Он вышел с Кротом, и вскоре вернулся. Вертолет круто взмыл вверх.

— Курс на заправку, а потом — снова на базу андроидов? — спросил пилот.

— Несомненно, — отозвался Неназываемый. — Все готовы?

— Да! — хором отозвались Сенсей и пилот.

— Ты хочешь сказать, что мы… Засветимся здесь, когда взорвем базу: непременно всплывем на каком-нибудь экране спутниковой съемки, как только снимем блокиратор видимости и начнем бомбить… И потому, вынуждены будем залечь потом на дно? — спросил Сенсей, как только они легли на курс.

— Да. Мы, кроме того, сами сделаем снимки, и еще возьмем на себя это дело и битву в Молодежном Центре, заодно: это, чтобы никто из ребят не пострадал. Заявимся в сети, и прокошмарим нарочно интернет… Виталика предупредим, пусть его ребята ненадолго залягут на дно, пока всё не утрясется. А мы, как «адепты зла» и «знающие тайну бессмертия интриганы», «посягатели на спокойствие мирных граждан», или, как нас там еще назовут — вскоре свалим на некоторое время отсюда, с российских просторов…

— На время? А конкретней, на сколько?

— Думаю, что лет на пятьдесят, не меньше. Хочешь, сойди из вертолета, пока не поздно. Мы с Геной вдвоем справимся. Справимся, Гена? — спросил он пилота.

— Ну уж нет… Я вас не брошу. Гм… Давно намеревался отправиться на Восток, посетить знакомые места, монастыри…

Кажется, мне скоро представится такой случай. Только… Неназываемый, а здесь ты кого вместо себя оставишь? Я — то так, мелкая сошка… А у тебя Дом под опекой.

— Думаю, мои справятся. Там много хороших, надежных людей. И новеньких прибыло. Чем смогу, буду помогать на расстоянии. Кстати, подумываю оставить своим инструкции, как им помочь подготовиться Николаю на роль руководителя.

— Ты думаешь, он — наш?

— Наверняка. И на роль лидера подходит.

Сенсей задумался.

— Пожалуй, ты прав, — после долгого молчания, высказал он свое веское мнение. — А… Ты сам — куда? Со мной, или… Куда? Польша, Прага, Париж?

— Ты в целом верно пересказал весь мой будущий маршрут. Именно в такой последовательности.

— Итак, снова Париж, — подытожил Сенсей. — Однако… Это — судьба.

А Неназываемый погрузился в воспоминания. Надолго. Пока не долетели до «заправки».

* * *

— Прогнило всё, до самых основ. Аж душок пошел… А им всё казалось, что ничем не пахнет; что революция — она внезапно наступила, и села им на хвост. Да, она явилась — и смела их всех; тех, кто сидел на золоте и жировал, проедал добро народное… Всех — на помойку истории, — молодой француз, что сидел, в жалком сюртучишке, у самого окна, пробормотал эту фразу отчаянно, но тихо, себе под нос. Но потом вдруг вскочил, и заорал во весь голос:

— Да здравствует революция! Свобода! Франция!

Его крик подхватили, размножили многократно. Его еще более молодой товарищ посмотрел на друга с уважением. Плеснул ему в стакан немного красного вина из стоящей на столе бутылки; сам тоже выпил, не закусывая.

Где-то поблизости хором затянули «Са ира», все более воодушевляясь, и к концу вовсе вопили во всю ивановскую:

Аристократа верёвка найдёт.
Дело пойдёт, дело пойдёт!
Аристократов повесит народ,
А не повесит, то разорвёт,
Не разорвёт так уж сожжёт.

Дело пойдёт, дело пойдёт!

Дело пойдёт, дело пойдёт!
Нет ни дворян, нет ни попов,
Дело пойдёт, дело пойдёт!
Равенства взлёт, равенства взлёт…

Песню подхватили и в противоположном углу кабака:

Дело пойдёт, Дело пойдёт!
Аристократа верёвка найдёт.
Дело пойдёт, дело пойдёт,
Аристократов повесит народ,
И не взирая на их пол,
В каждый их зад загоним мы кол.

— Каблуки сбейте или отломайте. Не в почете ныне каблуки в Париже. И наденьте фригийский колпак, — послышался шепот неподалеку. За соседний столик только что присели двое. Возможно, господа; один — переодетый в простого матроса, другой — в дорожном костюме; явно издалека.

Мимо прошли, закрывая обзор, ещё двое.

— Дело вовсе не в новизне и поступательном движении истории. Всё уже было когда-то: мятежи, бунт, демократия… Если вспомнить античную историю…, - говорил один из них, по виду — бывший библиотекарь или архивариус, с воспаленными, красными глазками, чуть-чуть сутуловатый.

— К черту античную историю!

— К черту, аббат!

— Для меня теперь — лишь Руссо кумир. С его точки зрения, каждое время должно осмыслить мир заново, с нуля. Руссо о чем толкует? Не надо человеку никакого воспитания! Назад, к природному естеству…

Они прошли мимо. От смрада, гари, винных паров ему внезапно стало дурно.

— Именем Революции, в Париже карты запрещены, — гаркнул где-то сзади бравый молодчик. Здоровенный детина, он опрокинул затем стол, на котором самые веселые дамы заведения уже танцевали новый, модный танец, высоко задирая ноги.

Раздался визг; кто-то влепил бунтарю затрещину, и несколько человек оттащили пьяного в дальний, пустой угол.

Мрачный старик с бесцветными, уксусными глазами, подняв с полу несколько упавших нераспечатанных колод, преспокойно и

безэмоционально кинул их на стол.

— Окстись, дурень! — кто-то хлопал по щекам деревенского детину в углу. — Зря только рвение свое проявил; по пустому силы не трать, еще пригодятся. Мы здесь всегда играем колодами, заказанными художнику Делакруа самим Маратом! Это карты, где нет королей. Вместо дам — Свобода, Равенство, Сила…

— Хороши дамочки? — услышав это, гыкнул кто-то.

— А десятку бубен я зову Вольтерчик, — сообщил всем средних лет, слегка седеющий, мужчина с военной выправкой.

— Сыграем в штоф! Кто составит мне партию? — проорал здоровяк с пышными усами.

— Здравствуйте, граф, — посланник подошел незаметно, и уже присел рядом. Тот, кого он долго ожидал, сидя здесь. Кто бы еще, на ухо, назвал его графом?

— Играете сегодня? — продолжил посланник после его приветственного кивка. Человек без возраста, в невзрачной, но добротной одежде, он теперь не смотрел на графа.

— Нет, милейший. Что-то нынче не расположен. Да и выигрыши мои слегка… М-м… Преувеличены молвой.

— Не думаю. Играете вы знатно. Кстати, зачем вы в Париже?

— Об этом поговорим после.

— Думаю, что я в курсе. Но, знаете ли, эпоха отчаянных приключений, совершаемых инкогнито, людьми знатными и талантливыми… Как мне кажется, подходит к концу. И скоро мы не встретим этого явления.

— Почему?

— Колесить по всей Европе и даже за её пределами — станет не безопасно. Труднее будет пересекать границу. Даже господам, — прибавил он последние слова шепотом, снова приблизив лицо к его уху. — А во-вторых… Слишком много становится бандитов и грабителей. С ними не договоришься. И они не вступают в тайные общества, служащие на благо людям. А еще, теперь именно воры и бандиты хорошо закрепляются в этом мире; потому, они получат власть и все должностные полномочия. Непременно получат.

— Ну… Зато теперь будут свобода, равенство, братство…

— Знаете, они уже переросли в разбой на улицах, осквернение кладбищ, надругательство над могилами и черные мессы… Если не играете, граф, то нам пора уходить. Ваш стакан пуст.

— Я еще не убедился в том, что вы и есть посланник… Назовите имя.

— Не надо имен. Я — именно тот, кто вам нужен, — с этими словами, незнакомец незаметно, под столом, передал графу

кольцо. Тот внимательно и сурово рассмотрел его и протянул владельцу. Кольцо было ему знакомо и, вне всяких сомнений, было настоящим.

— Не возвращайте, — посланник зажал его руку с кольцом. — Это передали вам. На память. У наших… больше нет никакой надежды на её спасение. Попытки были так неудачны… Они только приблизили казнь. Она скоро состоится, — лицо посланника выражало боль и отчаяние.

— Знаете, что самое страшное в революциях, бунтах, войне? — спросил он так же тихо.

— Что?

— Они убивают веру. Не только в бога, но и в человека. В людей. Цель наших противников — так называемое «равенство». Только, это не означает, что они поднимут слабых до сильных, бедных до богатых, глупых до умных или злобных до сочувствующих… Нет, это означает, что всех втопчут в навоз, в грязь… Все станут равным, безмозглым и тупым стадом. Вот истинная их цель. Только так… Можно сделать людей одинаковыми.

— Действительно, нам пора уходить. Кажется, на нас обратили внимание…, - остановил граф посланника, который увлекся беседой.

— Пойдемте…

* * *

На улице, под темным небом с уже появившимися самыми яркими звездами, они поспешно завернули за угол, спрятались где-то под окнами, среди деревьев. Видели, как прошли те, что вышли вслед за ними, явно устремляясь в погоню. Переждав некоторое время, они отправились в противоположном направлении. Снова осторожно миновав кабак, они свернули на другую улицу, поплутали немного по городу. Убедились, что слежки уже не было.

— У вас можно будет остановиться на несколько дней? — спросил граф своего спутника.

— Да. Но это было бы слишком для вас опасным. Лучше уезжайте, и сегодня же. Мы всё подготовили. Переждите только эту ночь. Я знаю одно надежное место. Ночью в Париже стало особенно опасно. Я знаю, граф, что вы смелый человек, но зачем рисковать, если в этом нет никакого смысла… Золотая молодежь гуляет по ночам по всем кладбищам, а людей здесь хватают, в любое время суток и по малейшему поводу. А если прознают, что

вы — иностранец… Любой иностранец — в расход идет, без вопросов. Дождитесь утра, и поезжайте. Мы купили проездные документы у одного из сподвижников Марата; дали ему взятку. Сказали, что будет вывезена какая-никакая старая мебель и картины… Здесь, сейчас, ничего не имеет цены. В общем, вам надо с обозом и вещами как можно скорей выехать за пределы Парижа… Там вас встретят и проводят. До самой границы.

— Она… Что-нибудь передала мне? Кроме кольца…

— Да. Просила, ради всего святого, не пытаться ей помочь. Просто вывезти всё, что было ей так дорого, и что до сих пор имеет для неё ценность. Это самое большее, что вы сейчас сможете сделать для её семьи.

— И… всё?

— И ещё… Не сейчас, а чуть позже… Она просила вас применить все силы, все тайные пружины, всю дипломатию — и спасти её дочь. И, если той удастся выжить, увезти её тайно; раздобыть другие документы, спрятать её где-нибудь, у надежных людей. Быть может, в России.

* * *

Они отбомбились по тому тайному заводу, где производили андроидов, и резко взмыли в воздух. Следящая система их всё же обнаружила; должно быть, засняла; их даже успели слегка зацепить, прежде чем они снова не включили отгораживающие от всего приборы невидимости.

Тихим курсом, пошли над лесом.

— Куда? На базу? — спросил пилот.

— Нет, Гена, не дотянем, — более — менее расслабившись, вытянувшись в кресле, ответил Сенсей. — Дай карту, ткну, где сесть. У меня там дача, близ финской границы. Уютный деревянный домик. Вблизи есть сносное место для посадки. Там хорошо, вам понравится; там и переночуем. Устал я что-то… Третьи сутки без сна, если честно…

Вертолет сел удачно; они вышли под яркие звезды. Вблизи горели окна дачных домиков. Вертолет пилот оставил в лесу, на небольшой прогалине, замаскировав его включенными приборами невидимости.

На другой день проснулись все поздно; за окном таял снег.

— В Петербурге, должно быть, слякоть… А здесь — еще ничего. Не всё растаяло, — сказал Гена, ставя чайник.

— Давайте, отдохнем здесь до вечера, — предложил Сенсей.

Остальные согласились. Дача, сосны вокруг, камин…

Гена читал книгу с планшета, Сенсей отсыпался. А Неназываемый вновь погрузился в воспоминания…

* * *

В те далекие, смутно припоминаемые, времена он впервые… пережил то, что называл теперь трансформацией. Стал вновь молодым. И… никому не известным. Ему пришлось покинуть дом, раньше, чем кто-либо обнаружит его здесь… Что он сказал бы людям? Как объяснил бы, кто он такой?

Уходя, он забрал с собой котомку с вещами, взял деньги и драгоценности. За бутылку хорошего вина приобрел потом документы погибшего на дороге юноши и отправился в Краковский университет.

К счастью, позже он встретил на своем пути Сапегу, других хороших людей, вступил в тайный Орден… Он спускался в жерло вулкана, путешествовал по горам, помогал Ордену и Сапеге во многих опасных предприятиях; не раз он и его товарищи спасали путников и монахов в монастырях от бандитов и ополоумевших орд фанатиков; не раз, для того, чтобы раздобыть информацию, переодевались в бродяг и нищих, в крестьян и торговцев. Прага, Вена, Париж… Тайные улицы, трактиры, карточные игры — мало ли приключений выпало на его долю?

В конце концов, он встретил его… Венгерского князя Эстергази, человека проницательного, необычного; награжденного орденом Золотого Руна. Эстергази оказывал ему поддержку и покровительство, делился с ним своими знаниями и щедростью своей души. В конце концов, он… всегда подозревал, что Эстергази — не простой человек. И даже, не просто посвященный одного из сильных, богатых орденов. Он никогда не спрашивал его ни о чем, но поручения выполнял беспрекословно. Чтобы свободно колесить по всей Европе, он купил себе титул графа… Никто не знал, что он и родился с этим титулом, и прожил уже жизнь графа, ранее, до первой трансформации… Только потому, он с легкостью вписался в эту роль, вновь предоставленную ему жизнью.

С Марией он познакомился через Эстергази, который хорошо знал её мать. Дружил с нею и переписывался. Страшная трагедия, которая постигла Марию и её семью, до сих пор снилась ему в кошмарах. Она не избежала своей страшной участи, виновная лишь в том, что родилась в так называемое «новое время» — эпоху грязную и кровавую, в отличие от прежнего, «темного» средневековья.

Чаша страданий и боли отныне преследовала всех тех, кто не укладывался в прокрустово ложе «обычного человека»: талантом ли, верой ли или необычностью судьбы.

Она, Мария, была казнена на плахе.

А он? Тот, кто был вхож во дворцы, кого титуловали графом… Мог ли он с этих пор спать спокойно? «Чем я заплачу? И… не слишком ли я здесь подзадержался? — думал он тогда.

Чем придется расплачиваться ему? Одиночеством, потерями, болью?

* * *

Её дочь… Это единственное, чего он смог добиться. Она была спасена, скрыта от мира. А ещё, именно тогда он вошел в тайный Орден, посвященные в который не имели формальных отличий, никогда не собирались вместе и даже… Не знали друг друга. Он посвятил себя служению.

* * *

Значит, снова Франция? Череда лиц и событий проходили перед ним, вырванные памятью…

Фанни… Согласится ли она поехать вместе с ним?

Глава 9. Станция «Неизвестность»

Николай, не чувствуя реальности происходящего и ног под собою, в опьяняющей его, нахлынувшей радости, довольно долго бродил с Машей по городу; особенно долго они задержались возле Исаакия с его уже праздничной подсветкой, потом — на набережной, глядя в темную, не замерзшую воду Невы, сверкающую отраженными огнями фонарей. Тихо падали хлопья снега; ветра уже не было, вьюга утихла. К утру, должно быть, вся эта снежная сказка и вовсе растает.

Они проводили домой Владика, а сами решили погулять по городу. Кроме того, он зашел в свою квартиру и решил, что тут нужна будет даже не просто уборка, но капитальный ремонт… Квартира была в жутком состоянии. И тогда Владик, к которому они вновь зашли, предложил Николаю пожить немного у него. Заодно, он проследит, не будет ли у Владика первое время проблем со здоровьем. Николай был рад, и тут же согласился.

Теперь Маша всё время рассказывала о чем-то, но Николай не мог сосредоточиться на разговоре, и только кивал и поддакивал, отрешенно и задумчиво. Слишком много информации сразу: зрительной, тактильной… Тело — своё и не своё… Непривычно вялое, непослушное…

Когда он попрощался с Машей у станции метро, отправился домой и подумал: «Завтра разберусь со всеми текущими проблемами. Сейчас — просто высплюсь».

Дома у Владика он приготовил яичницу с колбасой, кофе; попросил у Владика запасное одеяло, завернулся в него и почти сразу уснул. Владик, как не странно, засел за маленьким портативным компьютером, забравшись на диван и устроившись полусидя; он, казалось, пока не чувствовал усталости.

Проснулся Николай довольно поздно: было уже светло. Он потянулся, осматриваясь. Владик ещё спал. Внезапно Николай заметил под диваном маленький светящийся шарик… Он сразу всё вспомнил. Как он мог забыть о том, что с ним случилось здесь? В этой чреде абсолютно сумасшедших событий, и всё же…

Он засунул руку под кровать, и, нашарив шарик, зажал его в руке. Потом поднялся с пола, скинув прочь одеяло, и направился на кухню.

«Около двенадцати», — он бросил взгляд на настенные кухонные часы, что мерно тикали, привлекая внимание в общей тишине.

«Шарик… Странный шарик», — рассматривал он.

«Тогда… Это явно было информационное послание. А не

просто сон. Мой разум не смог бы сгенерировать такие яркие образы… Я будто бы посмотрел фильм», — подумал Николай.

Он поставил на плиту чайник. Не выключенный, должно быть, вчера Владиком радиоприемник как раз передавал новости, и Николай застыл на минуту.

— В Петербурге неизвестные лица разгромили огромное помещение, принадлежащее частному предпринимателю. Предположительно, не зарегистрированный документально завод, расположенный в центре городской свалки. Направленные точные удары термобомб предположительно были выпущены с небольшого боевого вертолета без опознавательных знаков, который вскоре пропал со всех радаров. По этому загадочному делу будет проведено следствие. Неизвестно также, какая продукция производилась ранее на этом заводе. Лица, задействованные в расследовании, вылетели на место происшествия. Дома в округе, находящиеся достаточно далеко, не пострадали.

«Неизвестными лицами… Это — хорошо», — подумал Николай, в то время как радио перешло на легкую музыку.

«Не надо лишних слов, не надо паники -
Сегодня мой последний день
На Титанике»,

— пропело оно ему.

«Каждый день здесь — как на Титанике… Кажется, уже целую вечность», — подумал Николай. Сардонически хмыкнул.

Достал из холодильника колбасу, порезал хлеб на бутерброды. За окном моросил дождь. Вчерашний снег стремительно таял.

«Слякоть опять… Зима, называется», — мрачно подумал Николай и нарезал колбасу. Куски получились слишком толстые. Перекусив наскоро, он снова зажал в руке шарик, лежавший на столе, казалось, в ожидании этого. И он был доказательством не полной его невменяемости в тот далекий вечер общения с ангелами… Доказательством… в его собственных глазах… Теперь он внимательно рассмотрел его ещё раз. Шарик был тёплый и, неожиданно, слегка засветился зеленым, как только он снова взял его в руки.

Николай сжал его с силой, и тут же почувствовал, как теплая волна света пронизала его тело.

«Нужно, чтобы один человек непременно пережил вечер этого дня, и при этом был на свободе. Это — Артем Заславский, он живет в твоем городе. И от этого в дальнейшем зависит

многое», — пришла к нему вполне оформленная и явно чужая мысль. Никаких дальнейших руководств и комментариев не было.

Николай вскочил со стула и заметался по комнате, явно озадаченный. «Как найти в городе совершенно незнакомого человека?» — судорожно соображал он. Вернулся в комнату, и потихоньку включил настольный стационарный компьютер, отключив звук, чтобы не разбудить Владика.

Вскоре он нашел один неприятный для многих сайт, содержащий все личные данные пользователей, до которых содержатели этого ресурса смогли докопаться. Этот сайт временами прикрывали, но он всенепременно всплывал снова, только под другими наименованиями.

Там Николай и нашел телефон и адрес Заславского, а также узнал, что тот является известным блоггером. «Эти самые блоггеры заменили собой и прессу, и независимых журналистов, какие существовали разве что в моем детстве… Что означает сей титул — да что угодно! От политика до безработного, что ищет работу, от фрилансера до писателя. От креативненьких флэшмобов до розовых гламурных подиумов»… Впрочем, в блоге Заславского он обнаружил свежую инфу о том, что Артем собирался этим вечером не куда-нибудь, а на проведение одиночного пикета на Дворцовой площади.

«Понятно… Там с ним может сегодня произойти что угодно. Если это — ключевая точка истории, поворотный пункт… Тем более. Как странно, что я сам писал об этих моментах, высвечивающих разные варианты будущего… Когда случайное происшествие с одним лишь человеком является определяющим дальнейшее для многих. Судьбу страны, например… Таких точек немного, но они есть», — подумал Николай.

Он решил срочно разыскать Заславского, следовать по указанному компьютером домашнему адресу. Конечно, этого парня могло вовсе не оказаться дома. Тогда, что оставалось? Позвонить ему и «предупредить»? О чем? Так тот, скорее всего, решит, что ему звонит какой-то псих.

Николай решил пока об этом не думать. Потихоньку вышел из комнаты, оделся в прихожей, вышел, аккуратно захлопнув дверь. И сразу поехал до станции метро «Василеостровская».

«Не знаю, быть может, это глупо. Веду себя, как запрограммированный, — подумал он. — Но, как мне кажется, я поступаю верно. Мне будет неуютно, если я могу спасти человека, но не сделаю этого».

Николай шел теперь по Среднему проспекту, в сторону, противоположную набережной. Ненароком, вспомнил стихи Саши Черного… Действительно, Васильевский остров был «прекрасен,

как жаба в манжетах». Причем, манжеты остались там, в стороне набережной: где-то там располагались Академия художеств, Университет, Академия наук, Кунсткамера… Здесь же была только её величество Жаба. Её грузное тело. В последнее время на нем появились большие то ли стразы, то ли бородавки: комплексы многоквартирных, обустроенных домов с парковкой, ресторанами, тренажерными залами и саунами. Николаю, который довольно долго колесил по улицам Васильевского острова, уже показалось, что Заславский и живет в одном из таких. Он маячил впереди, с его огороженной зоной, вне доступа для простого смертного. Когда впереди, неожиданно, проступила упрятанная чуть вглубь свечка — девятиэтажка. Вот ей и принадлежал нужный Николаю номер дома.

Он подошел к единственному подъезду, стал у домофона, собираясь нажать первый попавшийся номер квартиры, изложить первую пришедшую ему в голову выдумку её хозяину или хозяйке. «Я из налоговой службы. Письмо вам принес. Откройте, я войду и кину его в ящик. Расписываться не надо», — вот первое, что пришло ему в голову. Когда-то он разносил подобные письма. Подрабатывал. И действовал именно таким образом.

Но в это время к дверям подъезда подошла женщина с собакой, которую, по всей видимости, только что прогуливала. Окинув взглядом Николая, с его приветливой и доброй улыбкой, она тут же растаяла, как сахар в горячем чае, и с благодушием проворковала:

— Проходите, проходите, молодой человек! А я за вами дверь прикрою. Мне сподручнее будет, я с нею знакома. Туго она закрывается у нас.

— Спасибо, — промямлил Николай, и взбежал вверх по лестнице, направляясь на четвертый, в то время как пожилая женщина направилась к лифту.

Оказавшись в коридорчике перед нужной квартирой, Николай на минуту призадумался. Никакого плана действий у него не было.

«Ну что ж… Буду действовать наудачу», — решил он. Позвонил в дверь и услышал за ней уверенные, спешащие шаги. Быть может, хозяин квартиры ожидал кого-то, и среагировал моментом. «Надо торопиться», — решил Николай. Потому, когда Артем Заславский, сразу опознанный им по фотографии в интернете, открыл дверь, он схватил его за пояс и выволок из квартиры. Резко нажал на нужные точки: на шее и между лопаток… Тело Артема осело ему на руки. Никто не вышел вслед за Артемом, не поспешил ему на помощь: похоже, что в квартире больше никого не было. Потому, Николай, не дав двери

захлопнуться, втащил Заславского обратно и аккуратно уложил на пол в маленьком коридорчике. Тот дышал ровно, но был без сознания. Николай снял с вешалки куртку и шапку, одел всё это на ватное, беспомощное тело. Нашарил под вешалкой обувь… Услышал шаги за дверью; спешно накинул зачем-то на дверь цепочку, кроме закрытого замка.

«Веду себя, как преступник», — осознал он с досадой.

Шаги процокали мимо. Пока женщина открывала дверь, подальше и напротив, Николай, уже обув и одев несчастного Артема, судорожно выжидал, теряя время. Потом он выволок наружу по-прежнему не пришедшего в сознание человека, захлопнул дверь в квартиру и поволок Заславского к лифту. Ему никто не встретился, и вскоре Николай был на улице, со своей ношей. Теперь он нес Артема на руках.

Еще в подъезде, он решил: «Вызову такси; скажу, что мой друг пьян».

Около дома, среди рядов припаркованных машин, одна была как раз напротив подъезда, и её водитель как раз заводил мотор.

Увидев Николая, он высунулся наружу и проорал:

— Эй, парень! Скорую ожидаешь? Ему плохо?

— Ага! — отозвался тот.

— Садись, подвезу, куда надо. Быстрее будет. Эти пока приедут… У них звонков сейчас — море. Зашибись, работа… Я знаю, — хмыкнул водитель.

Николай, что называется, влип. Но ему ничего не оставалось делать, как сесть в машину, чтобы не вызвать подозрений. Он пропихнул на заднее сидение Артема и сел сам.

— Друг перебрал просто лишку, если честно, — виноватым голосом, заявил он. И назвал свой адрес: — Отвезите, мол… Пожалуйста.

— Окей! — и водитель, в общем-то, человек довольно хмурый, снял кепку, оказавшись абсолютно лысым. Он нажал на газ, и машина рванула резко. Понеслась, довольно лихо, по улицам, проспектам и мостам… И вскоре Николай понял, что машина направляется вовсе не по тому адресу, что он назвал… И у него екнуло сердце, вздрогнув и провалившись несколько глубже своего первоначального места.

— Эй, куда вы нас везете?

Ответа не последовало.

«Чертов сюжет… Чертово задание… Непонятно, кого. Политика, блин. Или — не политика? Инопланетяне шалят? А вдруг — нет? А просто… Наши спецслужбы, к примеру. Ну, отыскали способ технические примочки наваять, разыграли комедь… Ну да, такого, вроде бы, еще не изобрели: чтобы в

шарик фильм загонять, да еще и в виде сновидения его показывать… Да и голограммы эти ходячие да осязаемые… А вдруг — секретные разработки? Испытывают вот теперь… Разыграли меня, как младенца, и наслаждаются. Внедрили в какое-то дело нечистое. Используют, как хотят… Вот, куда он нас везёт?» — Николай потерял даже видимость покоя, заерзал на сидении.

За окном мелькнул уже памятник летчику и морякам Балтики… Потом пошла дорога, ведущая к Пулковскому шоссе. Николай и вовсе весь похолодел. Похоже, их везли за город…

«Вот вляпался… На кого я сейчас работаю? Что мне делать? Что им нужно? Спасти Заславского или убить его? Или — шантажировать этого Артема? А может, меня убить или шантажировать? А Артем и вовсе — с ними в сговоре… Мало ли, что? А мне теперь многое можно предъявить… Разбойное нападение на квартиру этого человека, быть может, даже грабеж — там остались отпечатки моих пальцев. Даже попытку убийства… Легко! В общем, если решат, будут веревки из меня вить… Ну вот! Никогда не участвовал в политике. Не верю в её праведность. Фарс всё один. С одной стороны — так называемые националисты. Они же — и коммунисты. Они же — консерваторы. К тому же — православные и прорежимные. Упрочивают, мол, Великую Московию… С их лозунгами о России для русских, Москвы для москвичей. С их желанием отвоевывать обратно Дон, Краснодар и Урал. С их митингами под черными знаменами, с избиением бастующих против несправедливых законов. А с другой стороны — так называемые либералы. С их очернением всего русского вообще, истории в частности. Для которых Гагарин никогда не летал в Космос, СССР не выигрывал войну с Германией, Русь сдалась Орде без битвы и никогда не получала снова свободу, никогда не знала письменности, вплоть до петровских времен… А между этими двумя движениями — пропасть и пустота. Или — к одним примыкай, или — к другим… И этот цирк к нынешнему, пятьдесят восьмому, году третьего тысячелетия, длится лет пятьдесят.

И кто из этих политических группировок стоит на позиции «древних», нанороботов, если всё, что я видел сегодня ночью — правда? О, боже! Да все, конечно! Вся политическая кухня, с идеей всеобщего раздора! Все эти «голосуй, а то проиграешь», все ведущие телепередач, все депутаты, — все эти куклы, открывающие рот на публику, все те, кому это разрешено официально… Все! Они все выгодны древним, теням, злу, слугам дьявола — назовите их как угодно… И вот… Я тоже попал в жерло вулкана. И полечу в пропасть», — судорожно размышляя,

уже даже не пытаясь прогнать безрадостные мысли, Николай наблюдал, как они неслись по трассе, где-то далеко за городом; поворачивали, разворачивались, неслись вновь, на бешеной скорости… Уже по обе стороны шел густой лес, и было совсем темно… Впрочем, зимой темнеет быстро.

Потом они свернули к какому-то сельскому поселку или дачам; к деревянным, финским домикам, освещенным маленькими огоньками иллюминации, и поехали тихо. Как ни странно, здесь, в отличие от Питера, лежал глубокий снег. Он не растаял. Да и мороз, кажется, всё крепчал.

— Куда вы меня привезли? — услышал Николай слабый голос: то Артем рядом с ним очнулся.

«Он… Не вышел сегодня на площадь с одиночным пикетом. Только вот, к добру ли, к худу? Мы изменили историю, — неожиданно осознал Николай.

— Я сам не знаю. Хотя, именно я вас похитил, — шепнул он Артему.

Машина остановилась перед крыльцом одного из уютных, деревянных домов. За занавесками на его окнах горел свет.

— Вставайте, ребята! Мы приехали, — неожиданно весело, обернулся к ним водитель.

«Станция Неизвестность», — подумал Николай.

— Остановка «Приехали», — в тон его мыслям, вслух заявил Заславский.

* * *

Николай очнулся, и машинально ощупал себя. Вроде бы, всё цело…

— Артем! — позвал он.

Тело Артема было рядом. Он, вроде бы, дышал.

— М-м, — простонал Артем, потом тоже присел, держась за голову. — Где мы?

— Похоже, что в подвале. Окон нет. Свет нам включили, — осмотрелся Николай. — В потолке — люк. Внизу — батут… Что ж, гостей тут встречают продуманно.

— Ага… Удар в нужное место, отключка, и — в люк… Зачем мы им, как ты думаешь?

— Думаю, незачем нам здесь сидеть; давай, отпрыгаем к концу батута и сядем на диван. Там, в углу, диван.

— Ну, хорошо.

— Ты, быть может, знаешь, что им от нас надо? Информация им нужна, или завербовать нас хотят куда-нибудь?

— По-моему, это ты втянул меня во всё это. Я спокойно сидел себе дома… В общем, не имею представления, во что мы вляпались, — ответил Артем, присаживаясь рядом на диван. — Проясни картину: расскажи, зачем меня похитил и что тебе за это обещали… Теперь, я вижу, ты в моей компании. Тебя надули?

— Похоже на то, — отвечал Николай, попутно рассматривая голые стены. Он не обнаружил ничего примечательного. И не спеша рассказал в общих чертах обо всём, что, по его мнению, касалось теперешней ситуации. О ночных визитерах, весьма странных: ангеле и зеленой собаке, о шарике с «записанными» снами, о поручении, внушенном ему, с требованием спасти Артема Заславского, о том, как он нашел его адрес в интернете и отыскал нужную квартиру…

Артем слушал очень внимательно, не перебивая.

— Думаешь, я — псих? — спросил Николай, завершив рассказ.

— Всё может быть… Но, все же предположим, что нет, и всё, что ты рассказал — реальность… Тогда, можно было бы сказать одно: если им нужно было завербовать тебя, они бы это проделали просто с помощью своих шариков; загонять тебя в этот подвал было бы не обязательно. Они могли бы и на расстоянии перепрограммировать твой мозг. Я так думаю.

— Ты считаешь, что я был запрограммирован? И что я по-прежнему на что-то запрограммирован?

— Думаю, что уже нет. Ты уже выполнил их поручение, кто бы они ни были. Но… Тогда, тебе можно было бы сказать, что твоя миссия уже исполнена, и отпустить тебя восвояси. Распрощаться с тобой перед этим домиком — или же, отвести тебя обратно, в город. Всё же, ты сам им тоже зачем-то нужен…

— Как ты думаешь, кто они такие? Ну, эти самые «инопланетяне»? Быть может, это они нас поймали? Я же по их указке действовал…

— Не знаю. Скорее всего, какая-нибудь спецслужба. Они разработали приборы с ментальным воздействием, и применили их на тебе. Наверное, твой шарик — это некий излучатель…

— А может, мы им просто нужны ради экспериментов?

— Всё может быть…

— А может, это всё же инопланетяне? — спросил Николай.

— Не верю я в инопланетян. Вернее, в то, что у них есть до нас дело.

— Почему бы и нет?

— Не верю, и всё тут. Потому, что я не видел их никогда, — ответил Заславский. — Кроме того, я не знаю за собой ничего такого, что могло бы их заинтересовать. Я не изобретал летающие

тарелки, не освоил телепортацию, не посягаю на владение галактикой, — Артем усмехнулся. — Зато… Политиков я, быть может, интересую.

— Почему?

— Как лидер сетевого движения «Неформальный контроль».

— Что это за движение?

— Потом как-нибудь расскажу. Это сейчас не важно. Коротко: мы выкладываем в сеть всю информацию, до которой удается добраться и проверить. Знаешь ли, «доступность информации в пору интернета» — это миф. Интернет настолько перегружен откровенной ботвой, что найти в нем хоть что-нибудь, что нельзя охарактеризовать словом «мусор», чрезвычайно сложно.

— Ботвой?

— Ну, это у картофеля. Видел ли ты когда-нибудь, как растет картофель?

— Нет.

— У этого растения есть клубни, которые мы едим. А есть — ботва. Она, кроме прочего, несет наземные плоды, зеленые такие шарики. Плоды картофеля ядовиты.

— Понятно. Ваши выкорчевывают из интернета мусор?

— Нет. Это — бесполезно. Его специально туда постоянно напихивают. Целые конторы занимаются именно этим. Высокооплачиваемые, между прочим. Пихают туда всё самое отвратительное и всяческий ментальный ширпотреб. Типа, «чтоб пипл хавал». Очистить всё это нельзя. Хотя бы… Надо создать в этом океане свой плавающий и меняющий выходные данные, закодированный ресурс. Ну да, его же постоянно взламывают, и его надо загружать по новой… Но, это всё — что касается меня. А ты ничем подобным не занимался?

— Вроде нет. А какое отношение твоя инет — деятельность имеет к реалу? Насколько я знаю, это два не соприкасающихся друг с другом мира… Информационный мир и мир, я бы сказал, шкурных интересов.

— Видишь ли… Моя деятельность в инете не в первый раз создает мне проблемы. И — естественно, в реале. Они не выход в интернет мне прикрывают, увы… Меня вполне реально уже два раза пытались убить.

— Гм… Если бы нас сейчас хотели убить, думаю, что уже… А так… Я даже не уверен, что нас приложили чем тяжелым. Скорее, усыпили на время, не известным мне способом.

— Да, это вполне вероятно. Гипнолучи, быть может? Если уж они создают такие шарики… Но, что они будут с нами делать?

— Не знаю. Кажется, я понял, что у нас с тобою общего. Мы — потенциально опасны кому-то в так называемых

«информационных войнах»… Ты — тем, что создал группу «Неформальный контроль», а я… Моей диссертацией, еще не написанной, но им уже известной. Тот «ангел», что мне являлся, требовал прекратить работать над ней.

— Об этом ты мне еще не рассказал. Что ты там написал?

— В двух словах, о том, что в истории развития человечества есть некие ключевые точки. Иначе говоря, точки выбора, после которых события могут развиваться так, а могут — иначе. И в этих самых точках нередко можно обнаружить скрытый от глаз, но очень мощный фактор, направляющий процесс по пути, наихудшему для гуманного развития человечества…

— Интересно… И как это работает?

— Внешне, дается очень малый силовой импульс, но его можно заметить, если внимательно изучить историческую проблему…

— Скорее всего, это будет не доказуемо. То, что последовало вмешательство некой силы, в результате которой сместилась чаша весов, так сказать… Тебя, за твои изыски, побьют камнями.

— Я знаю. Тоже не впервой в интернете, — Николай гмыкнул. — Приятия там мало, и любая мыслительная деятельность не приносит автору ничего, кроме врагов и проблем. Плавали, знаем. А что касается недоказуемости… Доказать можно только то, что всё могло быть иначе.

— Это всё — из области альтернативной фантастики, я думаю. Если бы принц Фердинанд не поехал в Сараево… Быть может, нашли бы другой повод для войны. А может, и нет.

— Ага. Или, к примеру, если бы Гитлер стал художником… Быть может, те, кто закулисно управлял процессом и кому была нужна победоносная война для их финансовых махинаций, нашли бы другого человека с настолько же подорванной психикой… Быть может, нашли бы, но не так скоро, и человечество ушло бы чуть дальше в своем развитии, и, как бы ни плох был СССР, но мы успели бы подготовиться сильнее к встрече с агрессором. То же самое — насчет того, успели бы русские подготовиться, — было бы и в случае с поводом для войны в лице принца Фердинанда. И этим силам всё же нужен всегда внешний повод, прежде всего, чтобы их деятельность была бы не столь очевидной. Иначе, она сквозит из всех щелей.

— То есть, ты накопал не один и не два пункта, а большой исторический материал. И пришел к заключению, что существуют моменты, в которые некие силы реально играют людьми, как шахматными фигурами…

— Да. И для поворота событий в ту или иную сторону, прилагают минимум усилий. У них всё просчитано, всё

выверено…

— Ну… Назови хоть одну ключевую точку, из подобных, что ближе всего к нашему времени. Кстати, я думаю, что эти события очень трудно выявить. Какая-нибудь мелочь может изменить жизнь человека. А его присутствие или отсутствие… Уже повлияют на вещи, более глобальные.

— Ну… Вначале я расскажу тебе о деле, которым занимаюсь непосредственно, сейчас. Это происходило в начале девяностых годов прошлого века. Не слишком к нам близко, и всё же… Да, кажется, девяностый год. В маленьком провинциальном городке Новочеркасске журналисты малотиражной газеты стали заниматься журналистским расследованием событий шестьдесят второго года — расстрелом мирной демонстрации. Тогда писать об этом стало не опасным и даже модным; власть даже поощряла журналистов за не слишком глубокие «разоблачения» прежних правителей. Нужно было показать, что в стране существует «гласность» и «гражданское общество». Так вот, эти журналистские материалы прогремели на всю страну. И большинство из них были собраны энтузиастом своего дела, отсидевшим именно из-за тех событий — Петром Сиудой. Восстание рабочих завода было зверски подавлено, пострадали безвинные люди, кровь лилась рекой. События много лет замалчивались, и только в девяностых получили огласку. Но дело не в этом… Петр Сиуда приготовил ещё целый портфель с документами, в которых, в частности, говорилось, где были захоронены люди, погибшие при тех ужасных событиях. Журналистам нужны были факты. И он нес этот портфельчик, когда шел с ними на встречу. Он говорил тем, кто знал его, что в этом портфельчике — труд всей его жизни, совершенно жуткие материалы и доказательства…На зоне он слышал от других политзаключенных много о чем: о других страшных приказах, о массовых захоронениях, об опытах над людьми и по разработке страшного оружия… Он колесил по стране и накопал доказательства многих черных дел.

Но… его чемоданчик бесследно исчез. Когда Сиуда шел на встречу с журналистами, он проходил мимо пивной. Почувствовал себя плохо и умер от сердечного приступа… Такова официальная версия. Но, говорят, что у пивной его избили. Никто из случайных прохожих не вмешался.

Я читал мемуары тех, с кем был знаком Сиуда… Вещи, которые он накопал, так или иначе всплыли. Только, слишком поздно. Когда всем и всё было… Безразлично. Но, если бы материалы еще в те годы попали в руки журналистов, стали достоянием общественности… Это всколыхнуло бы всю страну.

Даже события 62 года имели тогда значительный общественный резонанс… В общем, я считаю, что редакция прослушивалась. Место и время встречи с журналистами и наличие при Петре Сиуде портфеля было кем-то ожидаемо. И он с его портфельчиком был явно кому-то неугоден. Остальное — вывести логически не трудно. И конечно, то, что случилось — абсолютно не доказуемо. Сердечный приступ у пожилого человека — вещь обычная…

— Предельно ясно. И… Всё же, а самый близкий к нам случай? Ключевая точка?

— Как сказала мне «зеленая собака», ключевая точка — сегодняшний вечер… Ты — то самое лицо, от действия которого именно сегодня, зависело… Разделение на вероятности цепи событий. Я не просто так должен был тебя увезти…

— Я не должен был сегодня выйти на Дворцовую?

— Да, — лицо Николая выражало странную бурю чувств и сомнений.

— Что-то еще? — спросил Заславский. — Говори уж, всё, что знаешь.

— Смысл был не только в том, чтобы не пустить тебя на Дворцовую, а… Чтобы этим вечером ты остался в живых. Я… хотел тебя забрать, и вывезти к себе домой… Но водитель завез нас сюда.

— Блин! — Артем вскочил. — Интересно, понятие «вечер» — это до скольки? И… сейчас что? Вечер? Ночь? Утро? И… почему именно это — ключевая точка? Что произошло, или — что могло произойти? Прошли ли мы уже «невозврат»?

— Прости, Артем… Быть может, я, наоборот, заманил тебя в ловушку…

— Пустое… К тому же, твоя зеленая собака — быть может, вовсе и не подстава, но тогда…

В это время раздался тихий скрежет. Кто-то приподнимал крышку люка.

Николай и Артем замерли от неожиданности.

Глава 10. Другая дача

Из воспоминаний Неназываемого вырвали слова Сенсея.

— Да что с тобой? Ты вообще меня слышишь?

— А? Что?

— Мне сейчас друзья позвонили. Приняли странное сообщение. Друг моего друга знаком с неким Заславским. И тот… Послал ему сообщение, что его похитили и везут по дороге. Встроенный в телефон джи пи эс пеленг выдал его координаты: везли его по трассе, не слишком далеко от нас. Ребята потому мне и скинули эту информацию. Это рядом где-то. Я посмотрел по карте: там, вблизи от указанных координат, есть тоже дачи. И, вероятно, Заславского везли туда. К сожалению, позвонить ему нельзя, и сообщение послать. «Абонент недоступен» — выдает. Больше ему не удалось ничего сообщить.

— Едем? — спросил Неназываемый.

— Едем, — согласился Сенсей. — Мы с тобой, вдвоем. Гена пусть остается: ему еще вертолет отвозить на базу. У меня здесь, в гараже, есть машина. Старый внедорожник.

— Ну нет, я — тоже с вами, — не согласился пилот. — Ничего не случится с вертолетом. Потом вместе полетим, высажу вас под Питером.

Слякотная дорога с развезенной, жидкой грязью. Да еще и дождь моросил… Скверная погода.

Вечерело. После не очень долгой поездки по трассе, показались домики. Окна горели лишь в одном из них.

— Нам, наверное, туда, — проговорил Сенсей упавшим голосом. Потому, что отнюдь не свет в окнах дома ввел всех троих в ступор.

— Что это? — спросил Гена.

Над деревянным домиком, высоко над крышей, зависало нечто, напоминающее огромный огненный цветок. Из него, на крышу дома, излучался зеленый, ровный свет.

— Подождите, — сказал Неназываемый. — Нужно… Не вмешиваться. Всё будет… хорошо.

— Это… Они? — спросил у него Сенсей.

— Думаю, да.

— Кто — они? — не понял Гена.

— Расскажу, когда будем в доме, — ответил Неназываемый.

Они дождались, когда поток прекратился, а огненный цветок взмыл вверх, извернулся, уменьшился в размерах и исчез. Только тогда они направились к дому.

— Наверное, Библиотекарь был прав. В последнее время он

уверял меня, что они… Должны обязательно вернуться. Чтобы дать нам последнее наставление.

— Предтечи? — спросил Сенсей.

— Да. Или, прежние Хранители. Или, пред-раса, или — Создатели… В общем, инопланетяне, что вмешивались, и неоднократно, в нашу историю. Все они, впрочем, как считают наши, улетели. Или же, были здесь истреблены: те, понятное дело, кто рискнул остаться. Однако, ещё существуют их приборы, артефакты… И те, кто получил от них непосредственную энергию и силу, что передается лишь прямым контактом. От человека человеку. Так мы думали. До последнего времени.

— Кто — мы?

— Наши. Как ты и я. Мутанты. Будущие Хранители. Похоже, что все мы получили в свое время такой вот «зеленый луч»… Это вполне возможно: вероятно, так действуют сохранившиеся и тайно действующие приборы предтеч… Библиотекарь и другие считают, что в последнее время нас становится больше, значительно больше. Но это означает, что их приборы… Стали встречаться чаще.

— Это потому, что они вернулись? Так полагает твой Библиотекарь? — спросил Сенсей.

— Да. И в местах, далеких от больших городов, теперь не только действуют их старинная аппаратура, так сказать… Но, также исследовательские зонды и аппараты, доставленные с корабля, который находится уже в пределах Солнечной системы. И этот корабль следует сюда; они решили вмешаться снова; вероятно, что такое уже бывало. Вмешаться, конечно, не слишком афишируя свою деятельность, — ответил Неназываемый.

— Ничего себе: не слишком афишируя, — отозвался Гена. — Ага!

— Если бы они вмешались сильно… Тут бы, полагаю, камня на камне не осталось. Это вмешательство я не в шутку называю осторожным, — пояснил Неназываемый.

— Заходим, что ли? — Спросил Сенсей на пороге дома.

— Страшно, — отозвался Гена.

Двери были не заперты, в прихожей и во всех помещениях горел свет.

— Никого, — констатировал Сенсей, исследовав комнату.

— Давайте, обследуем весь дом. Здесь еще чердак, — Неназываемый устремился по лестнице наверх. На чердаке была мансарда. Там тоже никого не оказалось. Были брусья, кольца, маты и тренажеры — просто мини-спортзал какой-то.

— Тут еще люк в полу. В прихожей, — сообщил Гена. — А рядом там сундук стоит. Большой.

Люк подался будто нехотя, со скрипом.

Сенсей держал его крышку, а Неназываемый и Гена осторожно заглянули вовнутрь.

— Николай! — изумился Неназываемый. — А ты-то что тут делаешь?

— Это я должен спросить у вас, — отозвался тот.

— Мы… Сообщение получили. Что неподалеку, по трассе, везли Артема Заславского. Он сообщал, что его похитили. Это, случайно, не он, рядом с тобою? — спросил Гена.

— Артем, ты…

— Да, мне удалось отправить сообщение. Давно уже. Незаметно, когда мы выходили из машины.

— Молодец! — похвалил Неназываемый.

— А… Вверху, в самом доме… Кто там был, когда вы вошли? — спросил Николай.

— Никого.

— Никого?

— Ну да… Совсем никого.

— Тут, в сундуке, веревочная лестница есть, — сообщил вскоре Гена, проверив сундук. — Сейчас скинем…

* * *

Этот домик оказался таким же просторным, как и дача Сенсея. Только, вместо камина, было электроотопление. Часть дома, отгороженная деревянной перегородкой, служила, по-видимому, кухней и столовой; в другой части были диваны и книжные полки.

Гена сходил к машине и достал из сумки бутерброды; решили заварить чай, позаимствовав травную заварку у неизвестных хозяев.

— Прости, Николай, не поговорил толком с тобой. И не рассказал тебе всего, что знаю, не предупредил, с какими силами мы вступили в игру, — сказал Неназываемый, выслушав рассказ Николая о всех его приключениях. — Я просто… Еще не успел.

Все сидели в уютной комнатке, в той её части, где был деревянный стол, лавки и даже самовар. Самый настоящий.

— Микросущества, энергоструктуры, их симбиоз… В общем, всё это, о чем мне рассказывали… Они — действительно существуют? — спросил Николай.

— Мы постоянно сталкивались с таким явлением. И называем его просто: зло, или тени. И, судя по твоему информационному шарику, это вовсе не инопланетный вирус, заразивший Землю —

как мы думали. У нас были такие предположения: что тени пришли на Землю вместе с иным космическим объектом, с которым столкнулась Земля. Тебе говорилось, что это изобретение пред-цивилизации техногенного характера, которая увлеклась нано-технологиями. Должно быть, так оно и есть. Результаты их экспериментов сильно мутировали, развились и… эволюционировали в разумные вирусы, а те составили симбиоз с существами иного плана: некими неорганическими энергосущностями, и отнюдь не микро размеров. При особых условиях и преломлении света, их можно даже наблюдать…

— Быть может, зато те неорганические энергосущности прилетели сюда в эпоху динозавров. Вот про них в точности никто не знает… Так, гипотезы… И, в конце концов, они и породили этот жуткий симбиоз. И потому… Думаю, что вы не слишком ошиблись, — вставил Николай.

— Так или иначе, но на сегодняшний день… Они настоящие хозяева планеты, управляют нами и почти завоевали нас…

— А кто… То существо, что дало мне информационный шар и приказ, чтобы я увез Артема? — спросил Николай.

— Зеленая собака? Думаю, она на самом деле — твой ангел. А вот твой ангел… Наоборот, существо с зубами и клыками. Наши Хранители, Создатели, Предтечи — назови, как знаешь, — выглядят, по описаниям легенд и мифов, прекрасными и стройными. Но им, должно быть, надоело, что за них принимают теней… Которые строят из себя то ангелов, то богов. Изображают из себя высоко духовные сущности, обманывая нас. Это и дало повод твоему ночному посетителю так странно пошутить. Намекая на то, что не всё таково, каким кажется.

— А можно быть уверенным в том, что всё, что говорилось мне и что показал шар, правда?

— Думаю, что ни в чем и никогда нельзя быть уверенным. Как сказал поэт, «мысль изреченная есть ложь». Но, это близко к реальности. И, в конце концов, всё закончилось хорошо, вы с Артемом живы. А вмешательство инопланетных сил… Подтверждает тот луч, что стоял над этим домом, когда мы подъехали. Да, они, несомненно, существуют.

— Луч?

— Да. И вы теперь — одни из нас. Тех, кто прошел трансформацию — или же, пройдет её в ближайшем времени… Мы все, кто собрались, здесь и сейчас — мутанты. Следующая раса. Люди, способные прожить долго, чтобы сохранить ноосферу планеты.

— Нас облучили? Обработали?

— Можно и так сказать… Над домом, когда мы подъехали,

завис грандиозный прибор или аппарат, похожий на прекрасный цветок. Он весь искрился. А на этот дом был направлен зеленый луч…

— Но мы… Ничего не почувствовали, — сказал Артем.

— Я тоже, друзья мои, — ответил на это Неназываемый. — Не почувствовал ничего, когда это случилось со мной. Я даже не знаю, когда это произошло. Хотя, некоторые из наших уже видали нечто такое, как мы сегодня. Но я, признаюсь, не верил.

— И мы с Сенсеем. Мы тоже не знаем, когда именно нас облучили… И, тем более, почему именно на нас пал их выбор. Простая случайность, быть может…

— Что ж… Если нам помогают — значит, мы все-таки кому-то нужны… В этой бесконечной Вселенной, — сказал Артем. — И потому, есть, всё же, надежда, что, хотя бы с помощью иных рас, но мы выберемся из тупика.

Глава 11. Возвращение

Неназываемый вновь и вновь вставал, бродил по кабинету. Ему не спалось. В Петербург он вернулся поздней ночью. Направился сюда, зная, что здесь Фанни. А ему… Так много ещё нужно ей рассказать.

Он здесь долго не был, очень долго. И сколь же многое напомнили ему эти стены! Так называемый, дом Набокова… Когда-то, еще задолго до Набоковых, он имел на этот дом официальные права…

Дом его высокой печали; смутных воспоминаний о прожитом, родном и далеком… Несомненно, тот мир был всё же более близок его сердцу, чем теперешний. Хотя, мир его всегда был расколот надвое: на жизнь до 1793 года — и жизнь после…

Он купил этот дом в Петербурге уже после дворца Юсуповой. Слава польского графа Монте-Кристо, обладателя несметных сокровищ, следовала здесь, в России, за ним по пятам.

Именно в Петербурге случайные, таинственные встречи заставили его вновь поверить, что он, всё же, жив. Хотя и, какой-то мистической, тайной и эфемерной, была эта жизнь.

Таким для него всегда был Петербург. Тайный, эфемерный и мистический город.

Здесь он снова втянулся в светскую жизнь; был на балах и приемах и даже стрелялся на дуэли… Странные здесь о нем ходили слухи и мифы. Но и они были довольно справедливы и правдивы — по сравнению с тем его образом, что сотворили так называемые «историки нового поколения». Постреволюционного поколения, хотя уже и Крестовский… был так на них похож. К счастью, ему было абсолютно всё равно, как его описывали «потомки». Чудеснее всего в случайно попавшейся на глаза статье о нем была фраза: «Осенью 1793 года, в самый разгар якобинского террора, граф съездил в Париж. Как во время всякой революции, там утратило ценность все, что нельзя было съесть или спрятать в карман. За бесценок купил здесь картины знаменитых художников, мебель из Версаля и Тюильри, античные скульптуры, фарфор…»

Да уж… Помнил он до сих пор тот 1793. В январе казнили Людовика. В октябре — Марию. Марата, кажется, в июле, убила Шарлотта Корде, заколов его в ванной. На улицах распевали «Са ира» и Марсельезу, откровенно предавались разврату, разбою, совершали убийства. Не переставая, работала гильотина. Казалось, мир померк и упал в пропасть в тот самый год…

Значит, он поехал туда погулять по Парижу? И, чтобы

вывезти старый хлам для распродажи с аукциона? Да, занятная, должно быть, была прогулка аристократа…

Он усмехнулся спокойной, но горькой улыбкой и решил лучше подумать о «зеленой собаке». Действуя интуитивно, он не ошибся в преемнике. Отдавая свое дело в руки Николая, а теперь еще и Артема, он был совершенно спокоен за жителей своего Дома. Да, увидеть зеленый луч — должно быть, к счастью… Есть такая примета.

Рядом, в соседней комнате, спала Фанни. На столе лежала тетрадь Схимника: должно быть, она читала её.

Он встал, подошел к старому шкафу, и достал портрет, купленный почти за бесценок у одного из сторожей Эрмитажа. Всё равно, он валялся там в запаснике, никому не нужный.

На нем был изображен довольно молодой человек с проницательными голубыми глазами. Одетый во французский костюм, он насмешливо и отстраненно глядел на крупные жемчужины, перебирая их на столе.

О чем он думал тогда? О подвигах, о славе, о жизни?

Неназываемый улыбнулся, и… Подмигнул своему старинному портрету. Тот человек, на портрете… Он был им, и не был им. Портрет уже жил своею собственной, легендарной и эфемерной, жизнью. Прекрасной жизнью старых легенд.

Эпилог

Здравствуй, Маша! Если ты видишь это сообщение на экране своего монитора, значит… Я сделал это. Я смог с тобой проститься.

Дело в том, что я больше не интел. Какой-то хакер, один из тех, что работают на теней, добрался до меня. Он вычистил мою личность из сети. Но… Еще до этого — несомненно, до! — мне удалось уйти куда-то, в мир без названия…

Вдруг я услышал голос, зовущий меня по имени, и его совет:

— Стань вибрацией, Фрэд… Просто… Стань вибрацией. Ты — всего лишь чистая энергия Вселенной…

Я не знаю, как это у меня получилось. Я будто бы задрожал всем телом (хотя у меня и нет тела), и воспарил, взвился, ушел отсюда… Я стал то ли музыкой, то ли светом — наверное, всем этим вместе. Это было больно, тяжело, страшно: вибрировать в ночи. Больно до тех пор, пока меня не отпустило, и не начался полет.

Я вижу миллионы и миллиарды шаров, неизвестных мне конструкций; чего-то такого, что я не могу описать. Меня уже подхватывает, будто ветром, и уносит вдаль…

И я — полностью свободен.

Прощай, Мария! Всё будет хорошо.

Твой друг в вечности, Фрэд.